PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ

В мире имен и названий













М.В.ГОРБАНЕВСКИЙ

В мире имен и названий



Издательство „Знание“
Москва 1983

ББК 81
Г68

Рецензенты — доктор филологических наук, профессор Н. И. Толстой и кандидат филологических наук Р. А. Агеева.

Горбаневский М. В.

Г68 В мире имен и названий.— М.: Знание, 1983.— 192 с.

35 к. 100 000 экз.

Ежедневно, а то и ежечасно мы произносим, читаем, слышим, видим десятки и сотни различных названий, имен, наименований. Эти слова выполняют важную социальную функцию. Кроме того, многие из них представляют собой не менее ценные памятники истории, культуры, языка, чем рукописные книги или произведения народного эпоса.

Каковы истоки имен, отчеств, фамилий, псевдонимов в русском языке? Какую информацию можно получить, анализируя географические названия? Что известно ученым об истории слова «Москва»? Как возникли наименования звезд, планет, созвездий? Это лишь часть вопросов, на которые дает ответы эта книга, рассчитанная на широкий круг читателей.

Г $\frac{4602000000-017}{073(02)-83}$ 6—83 ББК 81
4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имена и названия часто воспринимаются как естественный признак, присущий лицу, предмету. И в самом деле, при всей случайности они отражают историю национальной и общечеловеческой культуры. Поэтому понятен и оправдан замысел автора книги «В мире имен и названий» представить имена, отчества и фамилии, клички и прозвища, географические названия, собственные имена, ставшие нарицательными, как исторические ценности, не уступающие по значению охраняемым государством памятникам архитектуры и иной материальной культуры.

Интерес к именам и названиям, знание их происхождения и смысла воспитывают чувство патриотической причастности, любовь к родине. Живописно возрождая события давно минувших и совсем недавних времен, напоминая о славных свершениях народа, о нелегком пути развития общества, иногда и о курьезах прошлого, они возбуждают и поддерживают нашу национальную гордость. Впрочем, книга, построенная на отечественном материале, привлечет не только русских читателей: познание России, по словам М. Горького — «интереснейшая из наук», стало в наши дни обязательным для каждого образованного человека на Земле.

Царство имен и прозвищ, названий (или, выражаясь учено, система антропонимов, зоонимов, топонимов, астронимов и т. д.) многообразно и таинственно; оно раскрывается лишь тому, кто обладает обширными знаниями и вооружен умением научного анализа. Без этого неизбежно пустое фантазирование, которым иной раз, как показывает автор, грешили вполне серьезные люди. Происхождение и зна-

чение многих собственных имен и названий скрыто завесой веков.

Книга, состоящая из очерков, из конкретных примеров, как раз и пронизана идеей исследовательского подхода. Посвящая читателя в механизм, в технику поиска, проверки и перепроверки результата, автор не скрывает трудностей, откровенно говорит об именах темных, до сих пор достоверно не изученных... Что же, истинная наука и должна быть «возмутителем спокойствия», чурающимся иллюзии благополучия и разжигающим творческое любопытство.

Истинно научное знание стремится к объективности и бережется предвзятости, но, как и в любой его сфере, в ономастике особенно нет места для беспристрастности. Имена и названия могут привлекать и отталкивать, потрясать своим внутренним миром, меткостью, звуковыми чарами, но и вызывать чувство неудовлетворения. Вспомним яростные общественные споры по поводу переименования улиц в наших городах или выбора имени новорожденным. И как иногда, увы, вкусовой субъективизм, давление сиюминутной моды побеждают и забывается имя, достойное вечной памяти. Причина тут, несомненно, в недостаточной филологической подготовленности, и нельзя не приветствовать книгу, которая умно и последовательно насаждает научный взгляд на проблему, хотя, разумеется, и не внимает добру и злу одинаково равнодушно.

Я вижу главное достоинство книги в сочетании строгой научности с легкостью и доступностью изложения. М. В. Горбаневскому свойствен завидный дар писать популярно, не впадая в популярничанье; ему он обязан многочисленными поклонниками, завоеванными статьями в журналах «Русская речь», «Знание — сила», «Москва», заметками «Имя собственное» в газете «Комсомольская правда». Но он отнюдь не просто журналист, с профессиональной ловкостью пересказывающий умело и образно работы других исследователей. Он кан-

дидат филологических наук, доцент Университета дружбы народов имени П. Лумумбы, делящийся с читателями итогами и многих самостоятельных изысканий.

Можно понять затруднения М. В. Горбаневского в определении жанра своей книги. Это и не монография, и не учебное пособие, и не справочник. Что же это? Да это просто интересная книга, умная книга. И я приглашаю читателя открыть ее с предвкушением удовольствия, которое сам получил от ее прочтения.

В. КОСТОМАРОВ,
директор Института русского языка им. А. С. Пушкина, член-корреспондент АПН СССР

ОТ АВТОРА

Посвящаю эту книгу моей дорогой матери — Галине Даниловне Горбаневской

Как возникли названия наших городов и рек? Какое происхождение имеют имена и фамилии людей? Почему звезды и планеты носят необычные и загадочные для современного человека наименования? Эти и многие другие вопросы нередко встают перед нами. Воистину мир, в котором мы живем, можно назвать миром имен и названий: практически каждый реальный объект (а зачастую и вымышленный), каждое явление имеют или могут иметь свое собственное наименование. При этом одни названия настолько древние, что их воспринимают как возникшие сами собой, поскольку неизвестен их автор, а иногда даже и народ, языку которого это слово принадлежало. История таких имен скрыта от нас завесой времени; этим, в частности, отличаются названия некоторых рек, морей, гор, звезд. Напротив, существуют другие имена и названия, дата рождения которых установлена точно или даже широко известна; они молоды, нередко известны и авторы этих слов.

Все существительные в русском языке делятся на две большие разновидности — нарицательные слова и собственные имена. В русском (как и в ряде других языков) собственные имена пишутся с прописной, то есть с заглавной буквы: Москва, Татьяна Степановна, Черное море, Большая Медведица, а нарицательные — со строчной, то есть с маленькой буквы: велосипед, сосна, студент, деревня. Однако, разумеется, различие между ними отнюдь не в написании первой буквы.

Вспомните: когда человек появляется на свет, то первые дни он еще не имеет имени, поскольку обычно родители выбирают его не сразу. Но этот человек, точнее человечек, уже имеет нарицательное имя, его называют мальчиком или девочкой, новорожденным, младенцем, человеком, сыном или дочерью. И только чуть позже у человечка появляется собственное, «персональное» имя: Олег или Володя, Катя или Наташа. Это происходит не только с именами людей. Поэтому можно сказать, что

по сравнению с нарицательным словом собственное имя есть вторичное наименование. Помимо этого, как справедливо отмечают многие ученые-языковеды, различие между собственным именем и нарицательным заключается еще и в том, что нарицательное имя служит названием как конкретного предмета, так и целого класса, к которому данный предмет относится. Например, стол — название того стола, на котором вы работаете дома, в кабинете, пьете чай на кухне, название стола в любой квартире вашего дома, домов на вашей улице и т. д. Имя собственное же имеет более тесную связь с объектом (не с понятием!), чем нарицательное, поскольку служит как бы визитной карточкой этого объекта, дается ему в собственность, становится его принадлежностью. Имя собственное позволяет отличать отдельный единичный предмет (явление, событие) от множества подобных ему. В этом его главная функция. Поэтому-то собственные имена, с точки зрения грамматики являющиеся существительными, противопоставляются в русском языке (как и в других языковых системах) пласту имен существительных нарицательных, которые имеют иную сущность, представляют собой обобщенное название однородных предметов.

Собственные имена привлекали внимание ученых с давних пор. Историю их возникновения, значение и смысл, связь с историей общества, с мировоззрением и верованиями людей, с окружающей природой, а также метаморфозы, происходившие с ними на протяжении разных эпох, изучали и изучают представители самых разных научных дисциплин — истории, географии, литературоведения, этнографии, психологии. Но в первую очередь имена собственные становятся объектом пристального внимания лингвистов, языковедов. Почему? Ответ прост: любое наименование, любое имя собственное (вне зависимости от того, к какому объекту живой и неживой природы оно относится — к человеку, животному, озеру, поселку, ущелью, книге, океанскому лайнеру и т. п.) — это слово, и как слово оно входит в систему языка, образуется по законам языка, по определенным законам реализуется в речи и подвергается возможным изменениям в дальнейшем.

В науке о языке существует специальный раздел, направление лингвистических исследований — ономастика. В основе этого термина лежит греческое слово onomas-

tikē — «искусство давать имена». Одновременно ономастикой называется и вся совокупность собственных имен, бытующих в том или ином языке. В этой книге речь идет преимущественно о русской ономастике, о тех названиях, именах, наименованиях, которые употребляются в русском языке. Но это, как вы увидите дальше, отнюдь не означает, что по своему происхождению все они связаны с русским языком.

В русском языке живет огромное количество собственных имен. Ученые давно пришли к выводу о необходимости их группировки по каким-то разновидностям для облегчения их исследований, изучения. Традиционно в ономастике выделяются подгруппы слов-названий в зависимости от типа того объекта, к которому они относятся. При этом есть подгруппы более многочисленные, есть и менее.

Среди собственных имен больше всего, пожалуй, топонимов. Так в науке называют наименования географических объектов. Термин «топоним» образован от двух греческих слов: topos — «место, местность» и onyma — «имя». Рассказам о географических названиях посвящена первая часть книги.

Вторая многочисленная и интересная разновидность собственных имен — антропонимы. Этим термином принято обозначать личные имена людей, фамилии, отчества, прозвища, псевдонимы. Основой ему послужили греческие слова anthropos — «человек» и уже упомянутое onyma — «имя». Описанию жизни антропонимов в русском языке посвящена вторая часть книги.

Кроме двух названных групп, в ономастике выделяется значительное количество собственных имен других разрядов — космонимы и астронимы (наименования космических объектов), зоонимы (клички животных) и др. О некоторых из этих групп собственных имен, об истории их появления в языке и связях с жизнью, культурой человеческого общества рассказывается в третьей части книги.

Книга, которую вы держите в руках,— не лингвистическая монография, подвергшаяся популяризации, не учебное пособие и не справочник. Она носит обзорный характер. При этом некоторые главы посвящены каким-то общим закономерностям того или иного разряда собственных имен, другие главы — актуальным проблемам в их изучении и разгадке тайн их значения и происхо-

ждения, третьи представляют собой рассказ об отдельных наименованиях, как это показывает практика, вызывающих большой интерес у массового читателя. Общий стержень, объединяющий главы книги, три ее части в единое целое,— это путешествие в мир имен и названий, в мир необычных слов нашего языка. Со многими из этих слов мы встречаемся ежедневно, а может быть, и ежечасно, не подозревая порой, что собственные имена могут иметь для истории языка, истории общества и культуры народа не меньшее значение, чем архитектурный памятник, рукописная книга или старинная былина. Привлечь внимание читателя к таким словам, рассказать о проблемах и загадках, с которыми сталкиваются специалисты в процессе их изучения, поведать о тесной связи имен и названий с историей человеческого общества, раскрыть глубокий общественный и культурный смысл защиты и охраны ценных и древних наименований — вот основная цель, которую я преследовал, работая над книгой «В мире имен и названий». Буду искренне рад, если цель эта окажется достигнутой хотя бы в некоторой степени. Поскольку и по своему объему, и по своему характеру книга не может вооружить читателя исчерпывающими и обширными знаниями о русских именах собственных, она завершается небольшим списком научно-популярной и специальной литературы, посвященной общим и частным проблемам ономастики.

Работа над любой научно-популярной книгой сложна и ответственна. Однако понимание этого — еще не стопроцентная гарантия от упущений и даже от ошибок. Поэтому столь важны для любого автора деловые, доброжелательные замечания, предложения, поправки, сделанные его коллегами, читавшими книгу в рукописи. Мне хочется высказать свою искреннюю благодарность и признательность за такого рода пожелания и замечания рецензентам книги — доктору филологических наук профессору Н. И. Толстому (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и кандидату филологических наук старшему научному сотруднику Р. А. Агеевой (Институт научной информации по общественным наукам АН СССР). В отборе и анализе материала для нескольких глав дружескую помощь оказала старший научный сотрудник доктор филологических наук Г. П. Смолицкая (Институт русского языка АН СССР), которой выражаю свою большую признательность. В ра-

боте над книгой немало помогли также деловые, дружеские советы коллег по кафедре общего языкознания Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы и работа со студентами на спецсеминаре «Введение в русскую ономастику».

Итак, предлагаю вам совершить небольшое путешествие в мир имен и названий. Многие из этих слов — настоящие жемчужины языка. Поэтому скажем: «Сезам — отворись!»



Где вы живете?

Прежде всего, решила Алиса, нужно внимательно изучить страну, по которой собираешься путешествовать. „Я как будто отвечаю по географии,- подумала она, привстав на цыпочки и пытаясь разглядеть, что происходит внизу. -„Назови главные реки Зазеркалья!" -„Главных рек нет". -„Главные горы Зазеркалья?"-„Есть одна, я как раз на ней стою, но как она называется, не знаю!" -„Где находится столица Зазеркалья?"...

Л.Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

„Когда лично я употребляю слово,-все так же презрительно проговорил Шалтай-Болтай,- оно меня слушается и означает как раз то, что я хочу: ни больше, ни меньше.
-Это еще вопрос,-сказала Алиса,-захотят ли слова вас слушаться.
-Это еще вопрос,-сказал Шалтай,-кто здесь хозяин: слова или я".

Л.Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

АРХЕОЛОГИЯ БЕЗ ЛОПАТЫ

Лингвист, ученый, исследующий язык,— не археолог и не имеет постоянного столь осязаемого контакта с прошлым человечества. Лингвист, изучающий происхождение топонимов, географических названий, не имеет дела с памятниками материальной культуры, как археолог, поэтому ему не нужны нож, совок, кисть, клей, лопата — постоянные атрибуты археологического поиска. Хотя стоп! Лопата бывает иногда очень нужна. Конечно же, не в прямом смысле. Дело в том, что порой географические названия доходят до нас в измененном, неузнаваемом виде. Или же из языка исчезает то слово, которое легло в основу топонима, и теперь мы не понимаем значения, смысла наименования города или реки. Вот тут-то лингвисту и необходимо, засучив рукава, взять в руки воображаемую лопату и слой за слоем «раскапывать» название, проникать в его прошлое, устанавливать первоначальную форму и основу. Так начинается увлекательный, сложный и кропотливый топонимический поиск.

Любое название — своего рода социальный знак. С развитием человеческого общества изменялся и язык, например, появлялись новые слова, старые заменялись другими или вообще исчезали. Словарный состав любого языка вообще чрезвычайно чувствителен к изменениям в обществе. Слова языка, как фотопленка, фиксируют смену общественно-экономических формаций, уклада общества и многое другое. Все это в полной мере относится и к названиям. Чтобы убедиться в этом, отправимся в Подмосковье.

Многие географические названия в Московской области сохраняют в себе древние свидетельства о флоре и фауне минувших столетий, о рельефе местности или дру-

гих особенностях окружающей среды. При посредстве других можно установить фамилию, имя, прозвище человека, основавшего, к примеру, то или иное поселение или ставшего его владельцем. Некоторые названия были даны племенами, жившими здесь, в междуречье Волги и Оки, до прихода славян. В названиях недавно возникших поселков и городов отразились новые, послереволюционные условия жизни народа, его трудовые свершения, ратные подвиги, фамилии и имена его выдающихся сыновей и дочерей. Говоря о топонимике, часто вспоминают слова географа, журналиста и историка Н. И. Надеждина, жившего в прошлом веке: «Топонимика — это язык Земли, а Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре».

Многие названия в Подмосковье просты и понятны, история других точно установлена, не вызывает особых затруднений. Но есть такие, «биография» которых скрыта в лабиринтах прошлого. Поэтому сейчас они воспринимаются как непонятные, измененные. Или же стихийно появляются и появлялись ранее различного рода народные предания, легенды, которые по-своему толкуют историю их происхождения, их значение. С чем это связано? С тем, что сейчас топоним не «прозрачен». Например, непонятно, откуда пошло название подмосковного поселка Яхрома и реки Яхромы (о них см. далее).

Бывает и так, что топоним на первый взгляд прост и может быть легко объяснен, но эта простота обманчива. Приведем один небольшой пример.

Древнее подмосковное село Измайлово (ныне один из районов столицы) в 1655 году перешло во владение царя Алексея Михайловича. В этой новой царской вотчине был возведен деревянный дворец, каменная стена с башней-воротами. Здесь же были большие плодовые сады, огороды и оранжереи, в которых выращивались даже дыни, арбузы, хлопок и виноград. Тут, в Измайлове, размещался и зверинец, где были собраны звери и птицы (отсюда, кстати, названия современных улиц и переулков Измайловского зверинца). Был построен стекольный завод. На протекавших по Измайлову речках Измайловке (Серебрянке) и Пехорке «работными людьми» и солдатами было выкопано около 20 прудов, на плотинах поставлены водяные мельницы. Некоторые из Измайловских прудов имели специальное предназначение. В Пиявочном для лечебных целей разводились

лиявки, Стеклянный обслуживал стекольный завод, вода Зверинецкого пруда шла на нужды большого зверинца.

Есть сейчас в Измайлове Олений пруд. Казалось бы, здесь все ясно: либо это название также связано со старинным зверинцем, либо же просто отражает фауну этих мест, огромного лесного массива, где действительно можно было встретить оленей. Но не торопитесь! За кажущейся простотой и понятностью названия порой скрывается совершенно неожиданное слово, и только кропотливый поиск лингвиста, только его находки в огромной массе архивных документов могут пролить свет на истинное происхождение топонима. Именно так было и с московским Оленьим прудом. Удалось установить, что на старинных планах Измайлова, в архивных материалах пруд этот назван не Оленьим, а Ольняным! Почему? С чем это связано? Дело в том, что в XVII веке промысловое значение приобрел «северный шелк» — лен. Царь Алексей Михайлович приказал прислать в Измайлово из Пскова «мастеровых людей по два человека, которые лен сеют, и которые лен мочат и стелют, и которые лен строят на торговую руку, и которые... полотна делают». Как известно, для обработки льна его нужно хорошенько вымочить. Именно для этого между старым и новым Льняными дворами в Измайлове был выкопан пруд, который получил название Льняной. Приехавшие псковичи в соответствии с особенностями своего говора называли пруд Ольняной или Олляной. Со временем, когда в пруду перестали замачивать лен, его наименование в московской речи превратилось из непонятного Олляной в более близкое и прозрачное, но неправильное Олений. Так что к измайловским оленям название пруда, как вы видите, никакого отношения не имеет.

Чтобы отправиться в топонимический поиск, недостаточно взять в руки воображаемую лопату или засесть за архивные материалы. Специалист, посвятивший себя изучению географических названий, должен иметь на своем вооружении арсенал сразу трех наук — лингвистики, истории и географии. Именно такая широкая подготовка позволит ему не уйти в сторону от направления своего поиска, не пойти по ложной дороге.

Московские топонимы, географические названия на территории самой Москвы изучены достаточно хорошо и полно. Это, конечно, не означает, что все тайны раскрыты, что исследователям известно происхождение имени

любой московской улицы, речки или местности. Конечно, нет. И поиск должен быть продолжен. Но «оперативный простор» для топонимических изысканий в Подмосковье несравнимо больше, чем в столице.

В Московской области десятки тысяч географических названий. Это имена рек и озер, городов и деревень, поселков и железнодорожных станций, лесов и полей, холмов и оврагов и т. д. Об этих топонимах известно сравнительно мало, часто вообще ничего не известно. Многие из них за долгие годы своего существования обросли легендами и преданиями или изменили свою первоначальную форму. Только настойчивый и кропотливый поиск поможет ученому разгадать тайну происхождения топонима, найти слово, которое легло в его основу, определить первоначальное значение. Причем это исследование не только «кабинетное». Параллельно с работой в архивах, библиотеках, параллельно с анализом старинных карт и рукописей исследователь выезжает «в поле», работает именно там, где это название существует.

Есть под Москвой село Остафьево. В первой половине XIX века оно играло заметную роль в развитии русской культуры, в особенности литературы. С 1804 года Остафьево принадлежало другу А. С. Пушкина, поэту и знатоку литературы П. А. Вяземскому. В Остафьеве Пушкин читал главы из «Евгения Онегина», написанные им в Болдине. Грибоедов читал здесь комедию «Горе от ума», еще не опубликованную. В этом имении Вяземского бывали Гоголь, Батюшков, Кюхельбекер, однажды сюда приехал Адам Мицкевич. В подмосковном Остафьеве выдающийся русский историк Карамзин написал семь томов своей «Истории государства Российского».

Частые приезды сюда Пушкина, вероятно, и стали причиной возникновения предания, связывающего название Остафьево с одним эпизодом из жизни поэта. Согласно этой легенде, когда Пушкин однажды подъезжал к селу, из его кареты случайно выпал плед. Лакей бросился его поднимать. Но Пушкин крикнул: «Остафь ево!» Так якобы и возник топоним Остафьево.

Разыскания в архивах показывают, что, как и ожидалось, легенда не имеет ничего общего с действительным происхождением названия села: топоним Остафьево упоминается в документах почти на двести (!) лет раньше,

чем в этом селе впервые появился Пушкин... Первое упоминание об этом подмосковном населенном пункте мы обнаруживаем в писцовой книге 1627 года: «сельцо Львово Остафьево на речке, на Любуче, да на враге». При этом первое название сельца — Львово — было дано по фамилии князей Львовых, бывших его хозяев в начале XVII века. А какое слово легло в основу топонима Остафьево? Населенный пункт был назван по имени первого владельца и, очевидно, его основателя некоего Остафия. В переписных книгах 1704 года удалось обнаружить упоминание о его потомке — «полуголове Родионе Григорьеве Остафьеве», который был владельцем соседнего с Остафьевым сельца Резанова. Само же имя Остафий — это русифицированная форма греческого христианского имени Евстафий, широко распространенного у русских в XVI и XVII веках и имевшего много вариантов — Остап, Остафий, Остан, Стах, Стахей, Астах и др. Многие из них в свою очередь попали в состав топонимов; поэтому можно сказать, что названия города Осташкова, села Осташево, микрорайона Останкино, совхоза Астапово — весьма близкие, по мнению Г. П. Смолицкой, родственники названия села Остафьево.

Топонимических преданий в Подмосковье сотни. С ними не раз сталкиваешься в полевой работе, в разъездах по селам и деревням Московской области. Не один раз в этих преданиях фигурирует Пушкин. Это не случайно, потому что «народные этимологии» очень часто упоминают реальных исторических лиц, причем, как бы мы сказали, лиц неординарных: Петра I, Екатерину II, Пушкина, Разина, Пугачева и других. Но все эти стихийные переосмысления значения топонимов — не более чем досужий вымысел, лишь иногда имеющий косвенную связь с настоящими событиями.

Есть под Москвой город Пушкино. Народная молва также связывает его название с фамилией великого русского поэта. Но это не так. Ведь древний топоним Пушкино упоминается еще в разъезжей грамоте великого князя Ивана Васильевича князю Юрию Ивановичу, его сыну, на города Дмитров и Кашин от Радонежа и Переяславских станов и волостей. Этот документ датируется 1504 годом и был, таким образом, написан за три столетия до жизни Пушкина! Значит, фамилия Пушкин не связана с топонимом Пушкино. Но какова же тогда его подлинная история? Есть и другие легенды. По одному

преданию, во время войны 1812 года в этом месте Подмосковья был построен специальный завод по отливке пушек. Поэтому якобы село, в котором жили «пушкари», изготавливавшие орудия, и получило такое название — Пушкино. Другое предание связывает название современного города, бывшего села, с рекой Уча, которая действительно протекает неподалеку. В древности село именовалось якобы как «село на Уче» или «по Уче», откуда возникла форма слова Поучкино (не зафиксированная, между прочим, в памятниках!), со временем превратившаяся в Пушкино. Это также яркий пример стихийного переосмысления значения топонима, когда его первоначальное значение, связь с каким-то событием, лицом, предметом оказывается забытой.

На самом же деле название подмосковного города Пушкино связано по своему происхождению с прозвищем одного из дальних предков А. С. Пушкина.

Первым историческим лицом из рода Пушкиных, как считается, был соратник Александра Невского в Ледовом побоище Гаврило Алексич, отличившийся еще в битве со шведами на Неве в 1240 году. Летописцы свидетельствуют, что Гаврило Алексич на коне вскочил на сходни неприятельского судна, был сбит с конем в реку, но, выбравшись из нее, вновь атаковал врагов и сразил «самого епископа и воеводу». У Гаврила Алексича было два сына — Иван Морхиня и Акинф Великой. Когда приспела смерть Александра Невского, они, как это и было положено дружинникам в те стародавние времена, стали служить сыновьям князя. У Александра Ивановича Морхинина (сына Ивана Морхини) была большая семья, одних сыновей было пятеро. Старший из них, Григорий, носил прозвище Пушка. Вот он-то и стал родоначальником Пушкиных.

Пушкины были состоятельными людьми. По писцовым книгам 1623 года четырнадцати потомкам Григория Пушки Морхинина в ближайших окрестностях Москвы принадлежало не менее двадцати селений, правда небольших размеров. Самому же Григорию Пушке в XV веке принадлежал именно тот населенный пункт, которому много веков спустя предстояло превратиться в большой и живописный подмосковный город Пушкино. Так что в основе этого топонима лежит прозвище Пушка, а вторым «кирпичиком» названия стал известный русский суффикс *-ин-*. Он имеет значение «чей? кому

принадлежит?». Например, «папин пиджак», «Сережин велосипед».

Одни из самых древних топонимов — названия рек. В Подмосковье это речные имена, оставленные финно-угорскими или балто-язычными племенами еще в период неолита, нового каменного века или же немного позднее — в раннежелезный век. Пришедшие сюда славяне восприняли, адаптировали такие названия рек, и в большинстве своем они дошли до современности. Произнося Истра, Нара, Пахра, Клязьма, Битца, мы не подозреваем даже, что у этих слов весьма и весьма почтенный возраст, иногда доходящий до двух-трех тысячелетий. Откуда они пришли, что могут значить, какой народ их оставил? Ответить на эти вопросы трудно, тут не поможет архив с его рукописями и старинными картами. Но вновь лингвист берет в руки воображаемую лопату и приступает к топонимическим раскопкам, отправляется в топонимический поиск. При этом приходится учитывать, что чем слово древнее, чем оно непонятнее, тем больше вокруг него разного рода легенд, тем чаще подвергается оно стихийному переосмыслению.

Наглядный пример всему этому — подмосковная Яхрома. Сейчас это железнодорожная станция, город, грузовая пристань и, конечно же, река, правый приток реки Сестры. В 1803 году в журнале «Вестник Европы» была напечатана статья, в которой этимология названия реки объяснялась так. Жена князя Юрия Долгорукого, сопровождая мужа на охоте, при переправе через реку оступилась и воскликнула: «Я хрома!» Для ученого-лингвиста эта легенда даже не нуждается в критике, настолько она неисторична и идет вразрез с правилами, законами языка. Но отвергнуть просто, а вот установить истинную, подлинно научную историю происхождения слова гораздо сложнее. Здесь поиск должен вестись так называемым ареальным методом: надо найти другие названия рек, похожие на Яхрому, установить их ареал, что удалось сделать профессору Е. М. Поспелову.

Действительно, таких названий оказывается достаточно много. Во-первых, имя Яхрома (именно так, без всяких изменений) носят несколько рек, протекающих в разных местах бассейна Волги. Во-вторых, в этом же бассейне встречаются и другие похожие наименования рек: Яхробол, Яхрянка, Яхруста, Яхромша, Яхреньга, Яхронка, Ягра и др. Во всех этих словах выделяется ко-

рень *яхр-, ягр-*, означающий «озеро» и предположительно относящийся к языку летописного племени меря. Ареал корня *яхр-, ягр-* охватывает огромную площадь. Если взять в руки подробную карту, то можно увидеть, что он начинается в междуречье Оки и Клязьмы, уходит дальше в Заволжье и на севере смыкается с большой группой топонимов, в основе которых лежит саамское слово *явр* — «озеро». Причем все реки, в названиях которых выделяется корень *яхр-*, действительно так или иначе связаны с озерами. Можно спросить: «А какую же связь с озерами имеет подмосковная речка Яхрома? Ведь на ее пути озера не встречаются!» Все правильно. Но не забывайте, что в древности Подмосковье выглядело по-иному. Так вот, еще во времена неолита, то есть несколько тысяч лет назад, река Яхрома, как установлено, представляла на значительном протяжении своего течения огромное озеро, которое впоследствии превратилось в торфяное болото...

Находить еще большее количество аналогий, вести еще более тщательные поиски соответствий в других языках приходится и в том случае, когда наша цель — разгадка названия Коломна.

О происхождении топонима Коломна существует целый комплекс преданий и легендарных известий. По одним название Коломна связывается со словом *каменоломня*, поскольку в Коломенском уезде издавна добывался строительный камень. По другим наименование Коломна восходит к слову *колодня* — «место, где сидели колодники, преступники». Одна из такого рода легенд появилась (правда, как шутка) из-под пера Н. М. Карамзина, но — что странно! — закрепилась в литературе. Вот что установила Г. П. Смолицкая...

Путешествуя вокруг Москвы, Карамзин написал 14 сентября 1803 года из Коломны: «Что касается до имени города, то его для **забавы** (выделено мной.— *М. Г.*) можно произвести от славной итальянской фамилии Colonna. Известно, что папа Бонифатий VIII гнал всех знаменитых людей сей фамилии и что многие из них искали убежища не только в других землях, но и в других частях света. Некоторые могли уйти в Россию, выпросить у наших великих князей землю, построить город и назвать его своим именем». Обратите внимание: «для забавы», пишет историк, поскольку на самом-то деле ничего подобного не было. Однако вскоре эта шутка

широко распространилась, кто ее автор, было забыто, и она стала восприниматься как одна из возможных гипотез. По свидетельству историка И. К. Линдемана, издатель и редактор журнала «Вестник Европы» М. Н. Каченовский приписывает эту версию Хераскову и воспринимает уже всерьез: «Основываясь на весьмах неясных заключениях Хераскова, начало Коломны следовало бы приписать одному из членов славной итальянской фамилии Colonna». Дальше, как говорится, больше: шутка расходилась все шире и наконец вернулась в Коломну. Тот же Линдеман в своей книжке о Коломне пишет, что в Новоголутвинском монастыре висел на почетном месте «Летописец архиереев богоспасаемого града Коломны». Он заканчивался следующими словами: «Коломна сей город, некоторых летописцев по уверению, построен вышедшим из Италии знатным человеком, нарицаемым Карлом Колонною, около 1147 г.» Не правда ли, любопытная цепочка? Историк Карамзин, вероятно, и предполагать не мог о таких далеко пошедших последствиях своей шутки...

Другая легенда, казалось бы, более исторична: она основывается на приезде в Коломну Сергия Радонежского, который должен был благословить князя Дмитрия перед Куликовской битвой. Согласно этому преданию, Сергий попросил в одном доме воды, но какой-то человек прогнал его и ударил колом. После чего Сергий будто бы жаловался в Голутвине: «Я попросил у них попить, а они — колом мя!» Отсюда якобы пошло слово «Коломна».

Но это еще один пример легендарных преданий, стихийного переосмысления значения слова (в данном случае слова «Коломна»).

В древности на территории Подмосковья, как уже упоминалось, жили племена, говорившие на языках угро-финской семьи. В процессе топонимических раскопок, когда мы привлекаем к анализу слова и названия из современных языков этой семьи, становится ясно, что топоним Коломна может быть тесно связан с угро-финским словом *колм* — «могила, кладбище» (приведем хотя бы финское слово kalmisto — «могила, могильник, кладбище»). В русском языке вполне возможно расширение, изменение значения слова: могила — кладбище — озеро или река у кладбища — поселение у этого озера или реки. Взять, к примеру, *погост*: поначалу это про-

сто «кладбище», затем «поселение у кладбища (с церковью)», позже «сельский приход для нескольких деревень», и, наконец «волость, стан». Так с течением времени, подчеркивает Г. П. Смолицкая, видоизменялось, расширялось значение слова *погост*.

К тому же, если мы взглянем на карту современного и более раннего распространения языков угро-финской языковой семьи, то увидим ряд примеров, которые косвенно могут подтвердить эту гипотезу: озеро Коломно — село Коломна в бывшей Тверской губернии, озеро Коломна — село Коломны в Новгородской области. Можно сослаться и на то, что кладбища в русском языке имеют нередко местное название, образованное от иноязычного слова *колм*. Для этого достаточно открыть роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: там описан Коломец, место, где находится кладбище в городе Старая Русса, на котором хоронят Илюшеньку Снегирева. Так же, видимо, произошло и с подмосковной Коломной. Не случайно на берегу Коломенки был обнаружен древний могильник. Не случайно археологи установили, что в Коломне славянское поселение возникло на месте более древнего угро-финского. Древний могильник этих племен — *колм* — мог дать название реке, а затем и городу Коломне. Отметим, что существует и славянская гипотеза происхождения названия Коломна.

Топонимические раскопки очень часто помогают находить, выявлять такие слова, которые или совсем сейчас исчезли из языка и редко попадаются в памятниках письменности или же сохранились кое-где в диалектах. Примеров такого рода среди названий в Подмосковье можно привести не один десяток.

Что далеко ходить? Буквально каждый, кто проезжает на машине по Московской кольцевой автомобильной дороге, не раз видел среди зеленых холмов и негустых перелесков чудо — белокаменную шатровую церковь, украшенную восемью рядами кокошников, а вокруг затейливо расположившиеся дома. Это подмосковное село Остров, а церковь в нем — известный памятник архитектуры XVI века. Село Остров известно историкам издавна, его название встречается еще в документах XIV века. Так, князь Иван Калита перед поездкой в Орду составил «духовную грамоту», завещание, где в числе прочих сел и волостей, которые Калита завещал своему старшему сыну Семену, упоминается и Остров.

История села примечательна. Долгое время оно было дворцовым, служило местом охоты московских царей. Часто бывал здесь Иван Грозный. Особенно приглянулось село и его окрестности Алексею Михайловичу «Тишайшему» — отцу Петра I. Потом Остров был во владении князя Меншикова, графа Орлова-Чесменского, а с 1868 года принадлежал соседнему Николо-Угрешскому монастырю. Но если история этого места проста и легко восстанавливается, то этого отнюдь нельзя сказать о названии, об имени села. Что значит для современного человека слово *остров*, для человека, владеющего русским языком в его нормативном, литературном варианте? Вероятно, «часть суши, окруженная со всех сторон водой». Остров — и в памяти встает школьный курс географии, оживают в воспоминаниях большие и малые острова, виденные в жизни. Оказывается, к ним название подмосковного села не имеет ровным счетом никакого отношения.

Именем села стало другое слово *остров*. Его уже нет в нашем современном языке, а когда-то оно жило, нередко попадало и в состав названий. Что же значит это слово? Островом в Центральной России именовали (в некоторых диалектах это встречается и поныне) участок леса в степи, возвышенность на равнине, гриву, невысокие и плосковерхие бугры, холмы. В одном из этих значений слово и стало основой для наименования села Остров в южном Подмосковье. Любопытно и еще одно название. Тут же, рядом с Островом, с восточной стороны села расположен холм-останец, который местные старожилы называют гора Веретье. И этот топоним в результате поиска становится для нас как бы окном в прошлое, приоткрывает страницы истории языка, истории Подмосковья. Почему Веретье? Древнерусское слово *веретье* или *веретея*, ныне практически (кроме говоров) не существующее и встречающееся либо в памятниках письменности, либо лишь в составе географических названий, имело значение «сухое возвышенное место среди леса, среди болот».

Отложим в сторону воображаемую лопату и переведем дух. Хотя в топонимических раскопках и не приходится на самом деле переворачивать кубометры земли, труд исследователя-лингвиста не легче: переворачивать приходится «тонны словесной руды». Но зато сколь приятно бывает добыть нужный результат, раскрыть нере-

шенную до тебя загадку, сделать еще один шаг на пути постижения истины и познакомить с этим людей.

ТАЙНА НАЗВАНИЯ СТОЛИЦЫ

История Москвы изучена сравнительно полно: сотни книг, научных и популярных статей рассказывают нам о том, какой столица была в далеком прошлом, как жили и чем занимались в ней люди. Мы знаем уже немало о ремеслах, быте, искусстве, языке древней Москвы. А вот тайна названия города и по сей день остается нераскрытой: в отличие, например, от археологов, которые входят в непосредственный контакт с прошлым, лингвисты, работающие над разгадкой топонима Москва, находятся в более сложном положении... Правда, топоним Москва в этом смысле не исключение. История происхождения названий таких крупных и старинных европейских городов, как Прага, Берлин, Лондон, Париж или Лиссабон, тоже не выяснена окончательно. Существует масса гипотез, предлагающих тот или иной вариант происхождения этих названий и их значений, но ни одну из них не считают наиболее убедительной и точной.

Интерес к названию столицы СССР вполне закономерен. Рост этого интереса связан с тем большим значением политического, научного и культурного центра, каким является Москва для нашей страны, а также на международной арене. Какими же путями шли и идут различные исследователи в попытке решить проблему истории названия столицы, какие легенды и версии были известны в прошлом, какие гипотезы предлагаются советскими и зарубежными учеными сейчас, в наше время?

Не город, а река

Первое упоминание о Москве (речь идет об Ипатьевской летописи) относится к 1147 году. Однако археологи давно уже доказали, что укрепленное поселение на месте исторического центра современной Москвы существовало задолго до 1147 года. А для ученых-лингвистов эта дата является самой древней документально зафиксированной точкой отсчета истории названия столицы. Действительно, именно в 1147 году, 4 апреля, в маленьком укрепленном поселении, в крепостце, затерянной в

непроходимых лесах, состоялась встреча суздальского князя Юрия Долгорукого с северским князем Святославом Ольговичем. Именно его, как свидетельствует летописец, пригласил князь Юрий на встречу в Москву: «И шед Святослав и взя люди голядь верх Поротве. И тако ополонишася дружина Святославля, и прислав Гюргии (Юрий.— *М. Г.*) рече: приди ко мне брате в Москов».

Сейчас трудно сказать, был ли этот топоним названием только города или же относится и к более широкой территории, к местности, в которой выросла крепость Москва. Очевидно другое: в основе топонима лежит гидроним, название реки Москвы. Есть об этом запись в памятнике письменности XVII века, в повести «О начале царствующего великого града Москвы». Несмотря на надуманность исторических обстоятельств, в которых, согласно этой повести, город получил свое название, в ней содержится важное рациональное зерно: город Москва имя свое ведет от названия реки. «...(Князь Юрий) взыде на гору и обозрев с нее очима своими семо и овамо по обе стороны Москвы-реки и за Неглинною, возлюби села оныя и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град и прозва его званием реки тоя Москва, по имяни реки, текущия под ним».

Случаи перехода гидронима в название построенного на ней населенного пункта многочисленны: река Вологда — город Вологда, река Воронеж — город Воронеж, река Орел — город Орел, река Таруса — город Таруса, река Вязьма — город Вязьма и др. Примечателен следующий факт. Очень часто после того, как новый город получает свое название по реке, на которой основан, название самой реки во избежание омонимии, звукового совпадения, приобретает уменьшительную форму. Так, река Орел стала Орликом, река Коломна — Коломенкой, река Палех — Палешкой, река Пенза — Пензяткой и т. д. В случае с Москвой совпадение названий реки и города снимается тем, что слово *река* в гидрониме со временем прочно закрепляется после слова *Москва* и выполняет таким образом роль своеобразного суффикса: Москва-река.

То, что город Москва получил свое название по реке, подтверждается такими фактами: в различных древних памятниках письменности он нередко упоминается при

помощи описательного выражения «на Москве», то есть «город на Москве-реке».

Теперь попробуем рассмотреть наиболее известные и наиболее аргументированные гипотезы о происхождении гидронима Москва. Какой народ, какое племя дало название красавице Москве-реке?

Были ли это финно-угры?

Интерпретация названия Москва как слова, принадлежащего одному из языков финно-угорской языковой семьи, была одной из первых гипотез и имела много сторонников. Обращение к языкам этой семьи вполне логично, поскольку археологически (в результате раскопок поселений, в частности, городищ и селищ дьяковской культуры раннежелезного века, в основе своей являющейся финно-угорской) вполне объективно доказывается, что на определенном историческом этапе в бассейне Москвы-реки жили племена, говорившие на языке финно-угорской языковой семьи.

Объясняя название Москва на такой основе, обычно исходят из того, что этот гидроним легко членится на два компонента: *моск-ва,* подобно названиям северно-уральских рек типа Лысь-ва, Сось-ва, Сыл-ва, Куш-ва и др. Элемент *-ва* легко объясняется во многих финно-угорских языках (например, в мерянском, марийском, коми) как «вода», «река» или «мокрый». Объяснение же основного компонента *моск-* вызывает у финно-угроведов серьезные затруднения. Точно он не может быть выведен ни из одного из финно-угорских языков, а приблизительно из многих и по-разному.

Из коми языка ***моск-*** можно объяснить, связав его со словами *моск, моска,* что значит «телка, корова». (Интересно, что подобный принцип называния встречается в топонимии, и не только в нашей стране; вспомним город Оксенфурт в Баварии и Оксфорд в Англии, оба эти топонима означают «бычий брод»). Это предположение горячо поддержал известный русский историк В. О. Ключевский, что придало гипотезе особую популярность. Однако скоро несостоятельность объяснения гидронима Москва из коми языка стала явной: коми никогда не жили на территории, близкой к течению этой реки. К тому же между североуральским ареалом рек на ***-ва*** и московским ареалом (Москва, Протва, Смедва и др.) на

протяжении нескольких тысяч километров аналогичных по структуре названий не встречается!

Географ С. К. Кузнецов, владевший многими финно-угорскими языками, предложил объяснить **моск-** через мерянское слово *маска* — «медведь», а элемент **-ва** как *ава*, что значило по-мерянски «мать, жена». Получалось, что Москва-река — это Медвежья река или река Медведица, причем это название должно было, вероятно, носить тотемический характер. Историческая основа для такого предположения есть. «Повесть временных лет», самая древняя русская летопись, указывает, что в середине IX века народ меря проживал в восточной части Подмосковья.

Однако и эта гипотеза имеет слабые места. Во-первых, в качестве аргумента она использует данные современных марийского и мордовско-эрзянского языков, но марийское *маска* — «медведица» по своему происхождению отнюдь не марийское. Это русское слово *мечка* — «самка медведя», попавшее к марийцам только в средневековье, в XIV—XV веках, и переделанное в *меска — маска*. Во-вторых, при работе с картой бросается в глаза отсутствие гидронимов на *-ва* в непосредственной близости от Москвы к востоку от нее. Почему название *Моск-ва* на данной территории осталось одиноким? Ведь практика научных наблюдений убедительно доказывает, что народ, живший на какой-то территории, оставляет после себя целый комплекс однотипных названий рек. Итак, версия о Москве-реке как Медвежьей реке, реке Медведице, также оказывается не лишенной серьезных просчетов.

Существует и третья версия о финно-угорском происхождении названия Москва. Она заключается в том, что компонент **моск-** объясняется из прибалтийско-финских языков (суоми), а компонент **-ва** из коми языка: **моск-** как *муста* — «черный, темный», **-ва** — «вода, река». Непоследовательность состоит уже в том, что каждая часть названия объясняется из разных языков, удаленных друг от друга. Если бы название принадлежало суоми, то вторая его часть была бы не *ва*, а *веси* — «вода» или *йоки* — «река», «ручей». А в переводе тогда Москва-река значило бы «черная река», «мутная река» или «темная река». Кстати говоря, названия рек по темному цвету их воды достаточно распространены и известны в бассейнах многих больших рек. В бассейне Оки

есть реки Грязная, Грязнуха, Мутня, Мутенка, Темная; в бассейне Днепра — реки Грязива, Грязна, Мутенька, Темна.

В общем, ни одна из финно-угорских гипотез не учитывает всех лингво-исторических условий возникновения названия Москвы-реки. И сейчас у них очень мало сторонников.

Экзотические увлечения

Именно результатом экзотических увлечений были попытки объяснить слово *Москва* на основе языков тех народов, что живут или жили весьма далеко от бассейна Оки.

Академик А. И. Соболевский в начале XX века пытался доказать, что слово *Москва* — ирано-скифского происхождения. Он высказал предположение о том, что в основе этого названия лежит авестийское слово *ама* — «сильный». Авестийским языком называют язык древнеиранского памятника Авесты, в основе которого лежит одно из восточноиранских наречий XI—VII веков до нашей эры. Позже в авестийский язык проникали некоторые западноиранские элементы, например парфянские, мидийские. Но у этой версии есть целый ряд слабых мест. Во-первых, скифские ираноязычные племена никогда не жили в Подмосковье или в бассейне реки Москвы. Во-вторых, в этом районе нет больше рек, названия которых имели бы аналогичные значения и тот же способ образования. В-третьих, налицо серьезное противоречие и в принципе называния. Соболевский считал, что название Москвы-реки можно перевести как «река-гонщица». Но характер названия абсолютно не соответствует тихому и спокойному течению равнинной реки, особенно если сравнить ее с хорошо известными скифам горными реками.

В двадцатые—тридцатые годы XX века под влиянием модного тогда учения (яфетической теории Н. Я. Марра) были предприняты попытки объяснить корень ***моск-*** на иной основе. Известный советский академик географ Л. С. Берг высказал предположение о гибридном происхождении названия Москва: элемент ***-ва***, по его мнению, принадлежит финно-угорской языковой среде, а корень ***моск-*** связан с названием кавказского народа мосхов и имеет общее происхождение с такими энто-

чимами, как *абхаз* и *баск*. В доказательство этого Берг не провел никакого лингвистического анализа, а основывался только на внешнем сходстве привлеченных им слов с гидронимом Москва, преимущественно на сходстве в звучании слов *моск* и *мосх*. Он не нашел, да и не мог найти, ни одного исторического факта появления этого южного племени в бассейне Москвы-реки.

Последователи этой гипотезы довели ее до курьеза. В 1947 году историк Н. И. Шишкин высказался в том смысле, что оба компонента (и ***моск-*** и ***-ва***) принадлежат так называемым яфетическим языкам, что якобы дает возможность переводить гидроним Москва как «река мосхов» или «племенная река мосхов». Шишкин не привел ни одного нового лингвистического или исторического факта, аргумента.

А не славянское ли слово — Москва?

Аргументация гипотезы (в наиболее серьезных ее вариантах) о славянском происхождении названия Москвы-реки выглядит на первый взгляд более убедительно. В основе этого предположения лежит серьезный лингвистический анализ, проведенный известными учеными, а также реальные исторические факты. Правда, славянских гипотез о возникновении названия Москва много, и степень их обоснованности разная. Некоторые из них не выдерживают элементарной критики, поскольку находятся на грани «народных этимологий», случайных предположений, основанных на чисто внешнем сходстве и на переосмыслении по аналогии.

Наиболее убедительные славянские этимологии были выдвинуты такими опытными советскими учеными-лингвистами, как С. П. Обнорский, Г. А. Ильинский, П. Я. Черных, польский славист Т. Лер-Сплавинский. Суть их доводов сводится к следующему.

Название Москва утвердилось, по-видимому, лишь в XIV веке. Первоначально город именовался несколько по-иному — Москы. Слово склонялось по типу слов *букы* (буква), *тыкы* (тыква), *свекры* (свекровь) и т. д., без элемента ***-ва*** в форме именительного падежа. Корень ***моск-*** в древнерусском языке имел значение «вязкий, топкий» или «болото, сырость, влага, жидкость», причем ***-ск-*** могло чередоваться со ***-зг-***. В этот ряд встает современное выражение *промозглая, мозглая* погода —

«мокрая, дождливая погода». Так считал Ильинский.

Черных сделал предположение о диалектном характере слова *москы* еще в раннем периоде языка восточных славян. Ученый считал, что это слово использовали славяне-вятичи. У кривичей в тех же значениях ему соответствовало слово *вългa*, которое, как считают некоторые ученые, легло в основу названия великой русской реки Волги. То, что слово *москы* по своему значению связано с понятием «влага», имеет подтверждение в других славянских языках. Это названия рек: Mozgawa (или Moskawa) в Польше и ГДР; Московка (или Московица) — приток реки Березины; ручей Московец и многочисленные балки Московки на Украине. В словацком языке встречается нарицательное слово moskwa, значащее «влажный хлеб в зерне» или «хлеб, собранный с полей в дождливую погоду». В литовском языке существует глагол mazgóti — «мыть, полоскать», а в латышском глагол moskat, что значит «мыть». Все это говорит о том, что название Москва может быть истолковано как «топкая, болотистая, мокрая». Именно такой могли увидеть реку наши предки, давшие ей название, именно этот признак мог иметь для них существенное значение.

Предполагается, что река получила свое имя в самых верховьях, где до сих пор встречаются заболоченные участки. Вытекает Москва-река из некогда топкого болота, получившего название Московская (Москворецкая) Лужа. В «Книге Большому Чертежу» (1627), поясняющей карту земли Российской, есть такие строки: «А Москва-река вытекла из болота, по Вяземской дороге, за Можайском, верст тридцать и больши».

Некоторые гипотезы о славянском происхождении гидронима Москва находятся на очень низком уровне научного обоснования. Например, З. Доленга-Ходаковский еще в начале XIX века выступил со своей версией, согласно которой река Москва имеет в основе своего названия слово *мостки*, то есть это «мостковая река», река с большим количеством мостков. К сожалению, это заблуждение повторил известный историк Москвы И. Е. Забелин.

Существующие народные этимологии названия Москва часто пытаются осмыслить и интерпретировать поэты и писатели, придавая им форму поэтических легенд, сказаний. В книге Дмитрия Еремина «Кремлевский холм»

есть такое былинно-поэтическое объяснение происхождения названия Москва.

...Постаревший и ослабевший Илья Муромец, некогда могучий богатырь и гроза ворогов земли русской, возвращается из Киева домой. В пути его настигает смерть. Илью Муромца хоронят в высоком кургане на берегу большой реки. И тут из кургана слышатся слова:

> Будто вздох прошел: «Надо мощь ковать!»
> И второй дошел — только «мощь кова...».
> И третий раз дошел — только «Мос...кова».
> Так и стала зваться река: Москва.

Однако вернемся к исследованиям ученых.

У версии о славянском происхождении гидронима Москва есть свои изъяны, свои слабые стороны. Сторонники этой гипотезы подходили и подходят к названию Москва как к обычному слову, не учитывают исторических условий его появления именно в форме названия, не берут в расчет его культурно-историческое значение. Исследователи исходят из предположения о том, что Москва-река не имела названия до прихода сюда славян. В действительности же могло быть иначе.

Как показывают находки археологов, славянские племена появились в бассейне Москвы-реки не раньше второй половины I тысячелетия нашей эры. Но эта территория была заселена — и сравнительно плотно! — еще в III—II тысячелетиях до нашей эры неолитическими племенами льяловской культуры (они считаются финноязычными). В бассейне Москвы-реки археологами обнаружено много памятников и более поздних фатьяновской и волосовской культур. По всему этому региону вплоть до середины II тысячелетия до нашей эры жили и племена дьяковской культуры (в основе своей она была также финноязычной, но в конце своего существования испытала сильное влияние племен балтов).

Славяне, пришедшие на эту территорию, видимо, приняли, несколько переиначив, то название, которое река уже имела, как и множество других названий в бассейне Москвы-реки и соседних с ней крупных рек. Причем усвоили эти гидронимы в устной передаче тех, кто жил здесь до прихода славян. Тут и названия с балтскими корнями, такие, как Руза, Нара, Истра, Горетва и другие, и названия с угро-финскими корнями, такие, как Икша, Воря, Колокша, Пахра.

Поиск продолжается

Сторонники славянской гипотезы в качестве аргументов привлекали, в частности, материалы балтийских языков — литовского и латышского, находя в них много сходного с русским и другими славянскими языками. Это заставило некоторых ученых проанализировать целый ряд географических названий именно с точки зрения существовавшего некогда балто-славянского языкового единства. В число этих названий попал и гидроним Москва. Такой анализ достаточно убедительно был сделан В. Н. Топоровым в статье «Baltica» Подмосковья», увидевшей свет в 1972 году.

Топоров считает, что элемент *-ва* в названии Москва нельзя рассматривать только как часть нарицательного слова *москы*, только как его окончание, появлявшееся при склонении. Этот элемент, по его мнению, был составной частью структуры самого названия. Исследователь обращает внимание на то, что названия рек с формантом *-ва* известны не только далеко к востоку и северо-востоку от Москвы у народа коми, но и в непосредственной близости от столицы, только к западу от нее, и далее — в верхнем Поднепровье и Прибалтике. В бассейне Оки к западу от места впадения в нее Москвы-реки известны такие гидронимы, оканчивающиеся на *-ва, -ава*, как Нигва, Коштва (Кожества), Измоства, Протва (Поротва), Хотва, Б. Смедва (Смедведь), М. Смедва, Шкова, Локнава и др. Это дает возможность сблизить название Москва именно со словами из балтийских языков.

Что же касается корня ***моск-***, то Топоров не только устанавливает его общность с балтийским корнем mask-, но и обнаруживает более глубокие их связи. Не вдаваясь в подробности специального характера, можно сказать, что и в русском, и в балтийских языках значения этих корней неотрывны от понятий «бежать, убегать, идти» и «бить, ударять, постукивать». Примеров этому много в русском, литовском, латышском и других языках. Таким образом, речь идет об определенной балто-славянской параллели: формально близкие комплексы слов, корней в двух группах языков обладают кругом так или иначе связанных друг с другом приблизительно одинаковых значений.

Эта гипотеза довольно аргументированно объясняет оба компонента названия Москва, чего нет в других

версиях. Получается, что слово, которое легло в основу гидронима Москва, принадлежало к лексическому пласту, сформировавшемуся, вероятно, еще в I тысячелетии до нашей эры. В несколько измененном виде его корень присутствует в ряде слов современных славянских и балтийских языков. Название Москва по этой версии со значительной степенью вероятности можно определить как «болотистая, мокрая, слякотная река». Такова она и была на самом деле в своих верховьях.

Сколько же версий и гипотез существует? Много. Мы привели или самые серьезные, или же самые любопытные из них. Коровья река, Медвежья река, Мутная река, Грязная река, река Сильная Гонщица, река Мосхов, Болотистая река... Ни одно из этих предполагаемых значений гидронима Москва на сегодняшний день нельзя признать верным, истинным. И все же факт совпадения значений, выводимых из славянских и балтийских языков — «болотистая, слякотная, топкая»,— обнадеживает. Быть может, именно этот путь поиска наиболее верен?

Думается, ученые еще не сказали своего последнего слова. Пока тайна происхождения названия реки Москвы и столицы нашей страны остается скрытой в глубине веков, а вероятнее, тысячелетий. Однако упорный научный поиск продолжается. Рождаются новые гипотезы, версии, предположения. Справедливо писал известный советский писатель, популяризатор науки о языке Лев Успенский: «Самый спор о происхождении названия уже плодотворен. Он заставляет иной раз пересмотреть давно сложившиеся представления, а в других случаях может дать толчок к открытию истины, о которой другим способом нельзя было получить никакого понятия».

И все же один языковый факт вполне очевиден. В наше время слово *Москва* приобрело новое, современное значение. На десятках языков мира оно произносится с уважением, любовью, надеждой, ибо для всех прогрессивных людей нашей планеты Москва — это символ новой жизни, синоним Мира, Труда, Братства, Равенства и Счастья, символ государства трудящихся.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ УЛИЦ

Да, именно с книгой, интересной и увлекательной книгой истории Москвы, я мог бы сравнить весь комплекс названий улиц и площадей, бульваров и проспектов, пе-

реулков и проездов нашей столицы. В этой книге более трех тысяч страниц, потому что именно столько внутригородских названий помечено на карте Москвы. Каждое название — своя страница истории города, древнего и вечно молодого. Совершая прогулку по московским улицам, бульварам, переулкам или изучая карту Москвы, мы часто пролистываем эти страницы, ни на минуту не задерживая на них своего внимания, так, как нередко мы делаем с реальной книгой. Мы редко задумываемся над тем, почему, когда и как появились такие привычные и дорогие сердцу названия, как Красная площадь, Тверской бульвар, Столешников переулок, Таганская площадь, улица Кузнецкий мост или Сретенка. А ведь каждое название — это застывшая история, памятник былым столетиям и нашим предкам.

Стоит познакомиться хотя бы с некоторыми страницами этой ценной и интересной книги и своими глазами убедиться в том, насколько историчны и неповторимы имена столичных площадей и бульваров, улиц и проездов, переулков и проспектов. Прошедшие сквозь века, они для нас не только свидетели важных и примечательных фактов из истории Москвы и государства; они часто несут в себе уже исчезнувшие из активного употребления слова нашего языка, слова давно забытые. И тем больше ценность этих именований.

Конечно, рассказ о всякого рода названиях, которые известны в Москве, может быть практически бесконечным — настолько все интересно. Поэтому, чтобы достичь необходимой цели — узнать истинную ценность и историчность той необычной книги, с которой я сравнил имена московских улиц,— достаточно прочитать лишь какую-нибудь небольшую ее главу.

Давайте откроем те страницы, которые представляют собой названия улиц, переулков, площадей, связанные по своему происхождению с московскими слободами XVI—XVII веков.

Что такое *слобода́?* Что означает само это слово? Ответ на этот вопрос нам дает история русского языка. Когда-то давно из-за изменений в произношении слово *свобода*, которое встречается во всех славянских языках, превратилось в слово *слобода*. Так было положено начало его употреблению в русском языке. В древности этим словом называли независимость крестьян от крепостничества, а несколько позже им стали называть поселки,

где они селились. К XVI—XVII векам — к тому периоду, который нас интересует,— слово *слобода* уже приобрело более общее значение: «поселок, пригород, селение подле города». В слободах проживали по преимуществу люди одной профессии, одних занятий, промыслов. Если мы взглянем на современную карту Москвы, то заметим, что слово *слобода* дошло до наших дней в составе нескольких топонимов — в столице есть улица Сокольническая Слободка, улица Штатная Слобода и Новослободская улица, а также Каменнослободский переулок.

Кто же населял московские слободы, чем занимались их обитатели? Ответ на этот вопрос могут дать не только архивные документы, но и названия улиц.

Все иноземцы, посещавшие Москву в те далекие времена, бывали поражены великолепием царских дворцов и палат, роскошью быта московских царей и их приближенных. Большое количество слобод Москвы XVI—XVII веков было «дворцовыми». Они обслуживали царский двор и поставляли ему продукты труда своих жителей.

Немногим, вероятно, сейчас известно, что в районе современных Скатертного, Хлебного, Столового переулков (до 1960 года существовал и Ножовый переулок) находились дворцовые «кормовые» слободы. Здесь жила многочисленная прислуга, повара и «скатертники» — люди, готовившие к трапезе царей столовое белье. В отдельной слободе — Калашной — жили царские пекари, от нее и получил свое название Калашный переулок. Не меньше, чем калачей, требовалось царскому столу и различных солений. Изготавливали их «кислошники»; эти мастера солений жили в Кислошной слободе, по которой получили свои имена Нижний и Средний Кисловские переулки. В Москве существовала и Трубничья слобода, населяли ее печники и трубочисты («трубники», как их тогда называли, отсюда — Трубниковский переулок). Наименование Конюшенной улице дала слобода Конюшки, где находились дворцовые конюшни. В Хамовниках, большом районе Москвы рядом с современным Комсомольским проспектом, жили ткачи, вырабатывавшие *хам* — так называлось суровое полотно, которое шло на изготовление скатертей, покрывал, полотенец. Вся их продукция поступала в государственную казну. В ведении «царицыной мастерской палаты» находилась еще

одна слобода ткачей с ее государственным Хамовным двором — в Замоскворечье. Слобода эта носила название Кадашевской. Именно по ней получили свои «визитные карточки» Кадашевская набережная, Кадашевские переулки и Кадашевский тупик.

Почему переулок называется Барашевским? «Я знаю,— безапелляционно заявила моя дочка.— Здесь любили гулять барашки». И, немного подумав, добавила: «Козлята тоже!» Ну что же, ошибка эта очень характерна, и вовсе не только для детей. Чем менее понятно название, чем менее оно «прозрачно», тем более широкое поле возникает для всякого рода предположений и толкований.

Многочисленные архивные документы помогли нам узнать, что в этом районе Москвы в XVI—XVII веках располагалась слобода, в которой проживали бараши — шатерничие царя. Их обязанностью было возить за царем походные шатры. Но так ли уж часто отправлялись московские цари в военные походы? Гораздо чаще барашам приходилось следовать за государем во время знаменитых царских охот, столь блистательно описанных в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный». Были в Москве в те времена и такие слободы, которые населяли царские егери, ловчие, сокольники. Свидетельством тому — названия района Сокольники и улицы Сокольническая Слободка, Лосинского проезда (здесь жили ловчие, участвовавшие в охоте на лосей), Охотничей улицы и некоторые другие. Советский писатель Александр Рекемчук в повести «Нежный возраст» интересно описал ассоциации, которые родились у одного из героев повести при знакомстве с этими старомосковскими названиями. Откроем книгу.

«Трамвай долго огибал красную богатырскую ограду (позже выяснилось, что завод так и назывался — «Красный богатырь»), потом пересек мосточек, а потом углубился в темный лес. Этот дремучий бор был и справа, и слева. Он стоял глухой стеной, лишь изредка прерываясь сквозными просеками, возле этих просек трамвай останавливался и кондукторша объявляла: «Майский просек... Лучевой просек... Олений вал... Охотничья улица...» У меня опять возникло ощущение, будто я приехал не в Москву, а в тайгу, где лесорубы прокладывают просеки в чащобах, где бегают дикие олени, а за ними

гоняются с ружьями охотники. Но я догадался, что названия эти сохранились от старых времен».

Издавна славились своим мастерством московские ремесленники. В столице жили и работали представители самых разнообразных профессий, причем, как правило, в отдельных слободах. И вот что важно: слободы получали свои имена по профессиям, по той производственной деятельности, которой занимались жившие в них москвичи, а позднее, когда Москва расстраивалась, подвергалась перепланировке и на ее карте возникали новые улицы и переулки, названия слобод не исчезали, а обретали вторую жизнь в именах улиц.

Там, где сейчас пролегла Гончарная набережная и проходит Гончарный проезд (до 1919 года существовала и Гончарная улица), в XVI—XVII веках стояла Гончарная слобода — центр керамического производства старой Москвы. Выселки гончаров образовались за Яузой не случайно: эта водная преграда могла защитить деревянную столицу от опустошительных пожаров, а ведь именно с огнем связано прежде всего гончарное ремесло.

Слободы ремесленников были разбросаны по всей Москве. В районе современных Большого и Малого Гнездниковских переулков жили «гнездники» — мастера литейного и скобяного дела. «Бронники», населявшие Бронную слободу — вот откуда произошли имена Большой и Малой Бронных улиц! — ковали доспехи, защищавшие воина в бою. Кстати говоря, оружия в ту пору в Москве производилось довольно много: времена-то были неспокойные... У мастеров, его изготовлявших, также были свои слободы. Это слобода Лучники, где жили специалисты по изготовлению луков; свидетель тому — современный Лучников переулок. Это — и слобода Палаши, на месте которой впоследствии возник Палашевский переулок (вероятно, многие видели в музеях палаш — разновидность холодного оружия?). Это и слобода, где жили в XVII веке «станошники», специализировавшиеся на изготовлении станков-подставок для ружей. Слобода носила название Ружейной, вторую жизнь оно обрело в наименовании Ружейного переулка.

Место в старой Москве, где жили и работали шорники, мастера кожевенного и сыромятного дела, можно определить, найдя на карте Кожевническую улицу и Кожевнические переулки (здесь была слобода Кожевники), Верхнюю и Нижнюю Сыромятнические улицы и Сы-

ромятническую улицу (возникшие на месте Сыромятной слободы). Была в старой Москве также Колпачная слобода. Ее мастера изготовляли головные уборы. Отсюда — Колпачный переулок.

Столешников переулок известен не только москвичам, но практически каждому гостю столицы. Его название обязано своим происхождением слободе ремесленников, которые ткали скатерти. А скатерти в старину называли столешниками, сейчас это слово можно найти только в словарях и... в имени Столешникова переулка. Исчезло из русского литературного языка слово *таган*, сейчас оно практически не употребляется. Таганами называли подставки для котлов в виде треножника. Но память об этом слове хранится в названиях Таганской площади и Таганской улицы: площадь возникла в XVIII веке близ Таганной слободы.

Москва строилась. Возводились дворцы, укрепления, церкви, монастыри, жилые строения. Слава о московских мастерах-каменщиках шагнула далеко за пределы города. Они тоже проживали в специальных слободах, о существовании которых рассказывают теперь имена улиц Большие и Малые Каменщики и Каменнослободского переулка.

Хозяйство и торговля Москвы возрастали год от года. Чеканкой монет, столь необходимых государству и «торговым людишкам», занимались мастера-чеканщики. И у них были свои слободы. Ремесленники Кадашевского монетного двора работали и жили там, где сейчас пролегают шесть Монетчиковских переулков. Монеты из серебра в XVII веке чеканили в слободе Старые Серебряники. Ее имя донесли до потомков Серебряническая набережная и Серебрянический переулок. Ну а медные деньги чеканились в другом месте — на Денежном дворе. Его место определить легко, стоит только на карте Москвы разыскать Старомонетный переулок...

Караульную службу в столице несло многочисленное стрелецкое войско. Стрельцы жили со своими семьями в отдельных — стрелецких — слободах. По одной из таких слобод получила свое имя современная Стрелецкая улица. Кстати говоря, стрельцы в слободах промышляли и торговлей, занимались различными ремеслами, это не возбранялось. Часто стрелецкие слободы получали свои имена по названиям располагавшихся в них полков. Что же касается названий полков, то в их основе, как пра-

вило, лежали фамилии командовавших ими «голов» или «полуголов», то есть полковников и подполковников. Один из «голов» по фамилии Зубов командовал полком стрельцов, слобода которых стояла на месте нынешней Зубовской площади. Точно так же получили свои «визитные карточки» Пыжевский и Каковинский переулки, Большой и Малый Вишняковские переулки, Колобовский переулок.

«Вот мчится тройка удалая...» Да, в те далекие времена ямщицкая тройка была, если можно так сказать, самым распространенным видом транспорта. Многие улицы и переулки Москвы получили свои имена по тем слободам, в которых жили ямщики. Среди них Большая Дорогомиловская улица (здесь находилась Дорогомиловская ямская слобода), Большой и Малый Рогожские переулки (они проходят на месте Рогожской ямской слободы), Тверские-Ямские улицы (располагающиеся там, где была Тверская ямская слобода). 1-я и 2-я Ямские улицы возникли на землях бывшей Переяславской ямской слободы.

Издавна Москва радушно открывала свои ворота гостям из заморских стран. Жили в ней люди и из земель и краев, расположенных недалеко от границ русского государства. О слободах людей из других стран и областей, проживавших некогда в столице, сохраняют ныне память названия Грузинская площадь и Грузинские улицы, Армянский переулок, Старопанский переулок (здесь в слободе Старые Паны жили поляки). После 1654 года, когда произошло воссоединение Украины с Россией, в столице появилось большое количество украинцев. Селились они в отдельных слободах. Отсюда названия Хохловской площади, Хохловского переулка. А в том районе Москвы, где вы встретите Татарскую улицу и Татарские переулки, стояла в XVII веке Татарская слобода. Между прочим, совсем недалеко от Татарской слободы находилась Толмачевская (или по-другому Толмацкая) слобода. Ее населяли в XV—XVII веках толмачи — переводчики с русского и татарского языков.

Мы перевернули всего несколько страниц необычной книги, которую образуют московские названия. И невольно приходят на память слова поэта Николая Языкова, который писал: «В Москве ищите русских слов, своенародных вдохновений...»

ТОПОНИМИКА НА СЛУЖБЕ ОБЩЕСТВА

Надо ли говорить о том, насколько естественны и важны для нормальной жизнедеятельности любого города «визитные карточки» улиц, переулков, проспектов, бульваров, проездов, набережных — их имена? Даже на секунду невозможно представить, что в Москве исчезли все внутригородские названия...

Житейская необходимость названий улиц не может быть предметом обсуждения. Но можно и должно говорить о другой стороне вопроса. Географические названия, в том числе и внутригородские, представляют собой, как уже говорилось выше, большую ценность с точки зрения истории народа его культуры, так как оставляют след в духовной жизни многих поколений. Нередко они предстают как своеобразные, неповторимые памятники языка, храня в своем составе давно забытые, вышедшие из активного употребления слова. Вопрос о географических названиях непосредственно связан и с общей проблемой культуры речи.

Еще раз обратимся к топонимическому материалу столицы. В Москве несколько тысяч названий внутригородских магистралей, площадей, переулков и т. д. Многие из них как бы доносят до нас голоса предков из давно минувших столетий. Иные созвучны совсем недавней истории. Но практически каждое имя — это свидетельство, живой документ того или иного периода истории Москвы и страны. Своеобразие и ценность слов-названий состоит и в том, что они образованы по законам и правилам русского языка своего времени. Но и теперь они с успехом выполняют свою социальную и культурно-историческую функцию. Когда мы встречаем такие названия, как улица Кузнецкий мост, Столешников переулок, Сыромятническая набережная, Гончарный проезд, то вольно или невольно наша мысль обращается к тем, кто когда-то здесь жил и трудился. Арбат, Балчуг, Ордынка привлекают внимание «иноязычной» тайной, намекают на какие-то связи древней Москвы с другими странами и народами. Ленинский проспект, площадь Ильича, улица 1905 года, Баррикадная улица, Октябрьская площадь — названия-памятники основателю Коммунистической партии и Советского государства, революционному прошлому московского пролетариата. Такую же роль словесного памятника играют названия,

образованные от имен славных представителей великой русской культуры,— улицы Льва Толстого и Чайковского... Современная жизнь нашей страны, идеи мира и социализма отражены в десятках названий, таких, как шоссе Энтузиастов, Комсомольский проспект, площадь Гагарина, проспект Мира, Интернациональня улица, Трудовая улица и многих, многих других.

Одни наименования московских улиц, проспектов и площадей имеют весьма почтенный возраст, другие появились совсем недавно. За последние годы Москва сильно изменилась, значительно шире стали ее границы — возникли новые улицы, проспекты, бульвары, площади. Как правило, новые названия информативны, несут определенную смысловую нагрузку, образованы по нормам современного русского языка, удобны в употреблении.

Частью Москвы стал целый ряд бывших сел и деревень. «Физически» они исчезли навсегда, однако память о многих из них сохранена в названиях выросших на их месте улиц — Бирюлевская, Верхнелихоборская, Грайвороновская, Новогиреевская, Теплый Стан... Можно надеяться, что потомки поблагодарят нас за это.

Людям не все равно, как названы улицы, на которых они живут. Удачные названия радуют, неудачные вызывают беспокойство. Вот, к примеру, что заботит одного молодого москвича. «В наше время,— пишет он,— напротив Покровского собора в Измайлове расположилась прядильная фабрика, а по бокам ее вытянулись в струны Первая, Вторая и Третья... Вы угадали — Прядильные улицы. А ведь можно было улицам дать названия, связанные с историей этого интересного места Москвы... Ведь совсем другое настроение будет, когда пойдешь по улицам, но с другими — красивыми и памятными — названиями».

Подобные вопросы не раз поднимались на страницах нашей печати. Но заметим, правда, что обсуждению подвергались в основном какие-то конкретные случаи: где-то неудачно, по мнению авторов писем или статей, переименовали улицу или населенный пункт, а где-то, наоборот, сохраняется название, которому давно уготовано место на свалке истории.

Между тем потребность в новых географических названиях ныне так велика, что обсуждать надо, на мой взгляд, не единичные случаи, а проблему в целом. Ве-

роятно, процедура выбора и присвоения названий улицам, переулкам и площадям больших городов не может быть втиснута в рамки каких-либо разработанных до мелочей и жестких правил. Возможны лишь общие принципы в сочетании с высоким художественным вкусом, общественными и культурными традициями (у нас они есть!), с обыкновенным, наконец, здравым смыслом и с элементарной грамотностью. Тогда в чем же здесь проблема, удивится иной читатель? А в том, чтобы повысить культуру наименований, чтобы названия были прежде всего информативны, чтобы они отвечали языковым нормам и были, наконец, удобны в обращении.

Ну, опять удивится читатель, все это само собой разумеется...

Обратимся тогда к примерам.

Одна из улиц в Москве носит название — улица Грицевец. Грицевец в данном случае фамилия мужская, принадлежащая дважды Герою Советского Союза летчику С. И. Грицевцу. Она в отличие от подобных фамилий, принадлежащих женщинам, склоняется, и правильно должно быть: улица Грицевца.

Еще одна московская улица — Прасковьина. Только знатоку известно, что этим названием увековечена память о замечательной русской актрисе крепостного Останкинского театра Прасковье Ковалевой (Жемчуговой). В этом смысле гораздо информативнее другое название в ее честь — аллея Жемчуговой. Информативнее потому, что актрису Жемчугову знает значительно больший круг людей.

А много ли информации в таком названии — улица Моснефтекип? Да, представьте себе, существует на карте Москвы (с 1930 года!) такое странное название и означает он вот что: Московский завод контрольно-измерительных приборов для нефтяной промышленности.

Думается, что название удобно в обращении тогда, когда оно краткое и четкое. И вот почему: во-первых, в речи географическое название часто утрачивает родовое определение — улица, площадь, переулок и т. д.; во-вторых, люди склонны и само название произносить в эллиптированной (усеченной) форме. В устной речи москвичей вы сплошь и рядом можете услышать: «Я живу на улице Зелинского» (на самом деле — улица Академика Зелинского); «Вам следует доехать до улицы Бакин-

ских Комиссаров» (на самом деле — до улицы Двадцати Шести Бакинских Комиссаров)...

Понятие информативности названий на протяжении веков менялось. Самые ранние топонимы Москвы, например, отражали природные, физико-географические особенности местности, на которой селились люди (Бор, Глинищи, Болото, Пески, Кулижки), а также тип самого поселения и его местоположение (Кремль, Великий посад, Заречье, Занеглименье). Потом появились названия, характеризующие в известной степени — главным образом по хозяйственной или какой иной деятельности — роль и место населения в социально-экономической структуре города,— Гнездники, Гончары, Оружейники, Скатертники. К некоторым улицам и переулкам «приклеились» фамилии домовладельцев.

Только в XIX веке стали появляться названия, которые раньше практически не встречались,— их присваивали в честь какого-либо исторического события или лица. Ныне, когда названия не возникают стихийно, этот принцип является, пожалуй, одним из самых употребительных. Во многих современных названиях улиц и площадей Москвы увековечены важные исторические события, другие названы в честь революционеров, деятелей общества и государства, ученых, военачальников и т. д. А за последние годы в выборе и присвоении названий утвердился принцип, который условно можно было бы назвать локальным, групповым. Скажем, группа названий «по направлению от Кремля». Так, в западной части Москвы появились Бобруйская, Верейская, Витебская, Минская и другие такого же рода улицы; в восточной — Алтайская, Байкальская, Братская, Камчатская, Красноярская; есть подобные группы названий и в южной и северной частях.

Локально-групповой принцип применен в ряде случаев и в отношении имен исторических деятелей. Например, в южной и юго-западной частях Москвы расположены проспекты Вернадского и Ломоносовский, улицы Вавилова, Губкина, Обручева, Островитянова — все эти улицы названы в честь крупных представителей науки. На западе Москвы вы найдете группу улиц, в названиях которых увековечена память об Отечественной войне 1812 года: улицы Бородинская, Василисы Ко-

жиной, Генерала Ермолова, Герасима Курина, Дениса Давыдова, Кутузовский проспект...

Вызывает, однако, возражение появление на карте Москвы так называемых номерных наименований. Для чего Москве, скажем, шесть Мелитопольских улиц? Или четыре Голутвинских переулка? Или три Донских проезда? Две Институтские улицы и два Институтских проезда? Три Магистральные улицы, два Магистральных тупика, один Магистральный проезд и один Магистральный переулок? Четыре улицы Марьиной Рощи и шестнадцать проездов того же названия?

Увлечение «номерными» названиями не такое уж безобидное, как может показаться на первый взгляд. Ну хорошо ли нумеровать улицы, носящие чье-либо имя? В Москве целых три улицы Бебеля — 1-я, 2-я и 3-я. Или вдумайтесь в такое название: 4-я улица Восьмого Марта!

Выбор формы наименования — тоже не простой вопрос. Что предпочтительнее при выборе мемориального названия — форма существительного в родительном падеже или форма прилагательного в именительном падеже? Подавляющее большинство названий образовано в форме существительного, и это правильно, потому что в такой форме название наиболее информативно: улица Баженова, а не Баженовская. Однако встречаются названия и в форме прилагательного, хотя образованы они от имен и фамилий: Аргуновская, Дубининская, Квесисская, Кастанаевская... Что лежит в основе этих названий — личное имя, фамилия или наименование какого-то географического объекта? Далеко не все даже москвичи знают это.

Позвольте, скажет иной читатель, а как же быть с Малым Ивановским переулком, Пушкинской площадью или Гоголевским бульваром? Очень просто. Топоним Малый Ивановский переулок образован не от имени Иван или фамилий Иванов, Ивановский, а от названия Ивановского женского монастыря, что существовал в районе Солянки. И Пушкинская площадь и Гоголевский бульвар названы так по находящимся на них памятникам Пушкину и Гоголю.

Один из самых «больных», пожалуй, вопросов топонимики — это вопрос о переименованиях. Здесь наиболее часто вспыхивают споры, которые редко завершаются единодушным согласием.

«Названия нужно уважать,— писал К. Паустовский.— Меняя их в случае крайней необходимости, следует делать это прежде всего грамотно, со знанием страны и с любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумывает».

Не согласиться с мнением большого советского писателя, превосходного стилиста, невозможно.

«Случаи крайней необходимости» могут возникать всегда и по самым разным причинам.

В 1960 году в связи с включением в черту города нескольких подмосковных городов и деревень Москва неизбежно должна была пополниться одноименными улицами: в ней оказалось двадцать Советских, восемнадцать Московских, столько же Центральных, одиннадцать Пушкинских улиц. А всего около восьмисот одноименных улиц!

Конечно, их надо было срочно менять.

По понятным причинам особенно много географических названий было изменено после Октябрьской революции. Было бы противоестественно, сломав отживший строй, уничтожив власть эксплуататоров, оставить нетронутыми их ненавистные народу атрибуты. В течение в общем-то короткого времени были переименованы десятки внутригородских объектов в одной только Москве: Воскресенская площадь стала площадью Революции, Камергерский проезд — проездом Художественного театра, Царский переулок — Заставным переулком, Космодамианский переулок — Старосадским переулком (возрождено название древнего московского урочища Старые сады), Кадетский плац был назван Краснокурсантской площадью, Дурной переулок превратился в Товарищеский...

К сожалению, этот бурный процесс переименований проходил не без досадных потерь, особенно тогда, когда Москва начала перестраиваться. Были утрачены уникальные топонимы, которые следовало бы беречь как зеницу ока. К ним относятся прежде всего названия, появившиеся не позже XVIII века. Вот Земляной вал. Название это возникло от укрепления вокруг города, возведенного еще в XVI веке. Теперь о Земляном вале напоминают лишь две улицы — Валовая и Зацепский вал, тогда как до 1938 года существовала и улица

Земляной вал. Нет теперь Остоженки, Бубнинского и Кабанихинского переулков, а ведь они несли в себе ценную информацию. В прошлом на части территории Москвы были заливные луга, и места, где ставили стога добротного сена, назывались *остожьями;* кроме того, Остоженка неотрывно связана с революционным прошлым Москвы. Бубна и Кабаниха — это названия речек, когда-то протекавших по московской земле.

Справедливо и точно сказано у писателя Юрия Нагибина в его книге «Золото столицы». По мнению автора, москвичи сами во многом виноваты перед своим городом, допустив снос ряда ценных памятников старины — таких, например, как Сухаревская башня, Красные ворота и многие, многие другие.

В 1944 году Ленсовет восстановил старинные, привычные не только ленинградцам названия — Невский проспект, Исаакиевская площадь, Литейный проспект, Дворцовая площадь, Марсово поле. Думается, что это пример, достойный подражания и для Москвы. Скажем, имело бы смысл подумать о восстановлении названий, связанных с топонимом Хамовники: ведь здесь в течение многих лет жил и работал Лев Толстой. В 1925 году таких названий было шесть, включая Хамовническую набережную, улицу Хамовнический вал, Хамовнические улицы. Утрачено все! Все, что столько раз упоминается в письмах и бумагах Льва Толстого, в исследованиях его жизни и творчества, во множестве других документов и источников, имеющих отношение к великому русскому писателю. Кроме того, Хамовники — это ценный информативный топоним, о его значении уже говорилось.

Спорным было переименование Красных ворот в Лермонтовскую площадь, доводы в пользу сохранения старого топонима те же, что и в случае с Хамовниками: имя Лермонтова исторически связано именно с названием Красные ворота. То же самое можно сказать о Гендриковом переулке, который ныне именуется переулком Маяковского.

А вот пример удачного подхода к проблеме переименования. В 1958 году Левый проезд Бутырского хутора назвали улицей Гончарова, Правый проезд — улицей Руставели, аллею Бутырского хутора — улицей Яблочкова. Память же о топониме Бутырки (так называлась слобода, заселенная солдатами первого в России

именно солдатского полка, слово *бутырки* означает «селение на отшибе») сохранена в названиях Бутырской улицы, Бутырского вала, площади Бутырской заставы.

В Москве, как и во всей стране, бережно относятся к названиям, связанным с революционными событиями 1917 года или увековечивающим память о героях, отдавших жизнь за отечество, за счастье народное. Думается, что такого же отношения заслуживают топонимы, в которых отражена история материальной и духовной культуры многих поколений.

Наименования и переименования населенных пунктов находятся под контролем государственных учреждений. Есть ряд правительственных документов, регулирующих и упорядочивающих эти процессы. 11 сентября 1957 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, учреждениям и организациям». Через пять лет, в мае 1962 года, вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов в РСФСР». И наконец, в 1966 году была образована Постоянная междуведомственная комиссия по географическим названиям при Главном управлении геодезии и картографии.

К сожалению, процедура наименования и переименования внутригородских объектов еще не поставлена на подлинно научную основу, поэтому городским и районным Советам народных депутатов приходится сталкиваться с известными трудностями в правильном выборе наименования. Нет сомнения, что им будет легче решать такие вопросы, если они будут работать рука об руку с учеными — лингвистами, историками, географами и опираться на официальный документ, аналогичный тому, который регламентирует «наименование и учет» населенных пунктов в целом.

Думается, что назрела потребность для Москвы и ряда древних городов страны в создании чего-то вроде Красной книги названий, иначе говоря, списков особенно ценных в историко-культурном отношении наименований улиц, которые должны находиться под охраной наравне с памятниками архитектуры, например. Определены же в Москве девять заповедных зон, а это, на

политической жизни страны, тем сильнее сдвиги в топонимии, как и в других областях языковой деятельности. Многочисленные новые наименования местных пунктов, появившиеся после Октября, ярко отражают содержание своей эпохи». Да, это действительно так. И пожалуй, появление новых названий в этом случае можно сравнить с появлением новых песен: изменяется жизнь народа и он создает новую песню, потом еще одну, еще и еще... Недаром же бытует и пословица: «Новое время — новые песни».

Революция стерла с карты страны ее прежнее название — Российская империя. Появилось новое имя: Союз Советских Социалистических Республик. Это полное конституционное наименование нашего государства. Значения отдельных слов, из которых состоит этот топоним, указывают на все важнейшие признаки государства нового типа: все наши братские республики объединены в союз; они имеют одну и ту же форму государственной власти — советскую, равно как и одну и ту же общественную систему — социалистическую. Это полное официальное название нашего государства существует и значится на карте нашей планеты уже шесть десятилетий: впервые оно было зафиксировано в Декларации и в Договоре об образовании Союза Советских Социалистических Республик, принятых I съездом Советов Союза ССР 30 декабря 1922 года. Это наименование, как известно, употребляется в основном в законодательных актах, в юридических и дипломатических документах. Хорошо известны другие наименования и обозначения нашего государства: Союз ССР, Советский Союз, СССР, а также неофициальные — Советское государство, Советская страна, Страна Советов, Союз Советов.

Особенно часто употребляются наименования СССР и Советский Союз. СССР — сокращенное название (лингвисты пользуются термином аббревиатура); по своему значению оно полностью совпадает с топонимами Союз ССР и Союз Советских Социалистических Республик. Однако оно предельно кратко, и это делает его особенно удобным в речевом употреблении. В силу большой информативности и значимости оно широко используется в литературе любого жанра. Его встретишь и в деловом, официальном документе, и в поэзии — и всюду оно на месте!

У известного поэта С. Щипачева вы можете найти стихотворение «Высокое небо», а в нем слова:

> Вот оно, золото наций,
> Вот она, воля страны.
> Равные среди равных...
> День был, может быть, и сер,
> Но засияли державно
> Буквы СССР.

Что же касается другого наименования — Советский Союз,— то, несмотря на свою описательность, это словосочетание также приобрело официальный характер. Почему? Потому что оно так же точно указывает на главные признаки нашего государства — советский государственный строй и союзный характер. Поэтому столь часто это название мы можем встретить в официальных документах, в выступлениях, речах. Вспомним и то, что этот топоним прочно закрепился в некоторых сложных словосочетаниях — Коммунистическая партия Советского Союза, Герой Советского Союза и др.

До революции многие города и села России носили ненавистные народу имена царей и цариц, царедворцев, генералов, помещиков. Очень много наименований населенных мест было обязано своим появлением церкви — одной из самых влиятельных сил империи. И вполне естественно и закономерно, что буквально сразу же после победы Октября пришедшие к власти рабочие и крестьяне начали заменять те названия поселков и городов, которые напоминали об исчезнувших порядках, вызывали отрицательные ассоциации.

В первые годы после революции многие переименования совершались по контрасту, что позволяло отмежеваться от всего одиозного. Вот как, например, были переименованы некоторые ленинградские улицы: Дворянская — улица Деревенской Бедноты, Мещанская — Гражданская улица, Ружейная — улица Мира, Архиерейская — улица Льва Толстого, Французская набережная — набережная Кутузова.

Одно из первых переименований было проведено стихийно и лишь позднее закрепилось официально. До революции в Москве существовала Рогожская застава. Названа она была по находившейся еще в XVI веке Рогожской ямской слободе. В декабре 1905 года здесь на баррикадах с царскими войсками мужественно

сражались рабочие завода Гужона (ныне «Серп и молот»). Уже в конце 1917 года жители этого района стали называть площадь самым дорогим для нас именем — Застава Ильича. В 1919 году это название (первое во всем мире данное в честь В. И. Ленина) было утверждено официально.

Конечно же, не случайно на карте СССР, на схемах городов нашей страны значится много топонимов, связанных с именем В. И. Ленина. Некоторые из них появились еще при жизни Ильича. Так, например, в 1923 году Президиум ЦИК Автономной Татарской Советской Социалистической Республики присвоил название Ленино бывшей деревне Кокушкино. Как вы знаете, именно сюда, в Кокушкино, за участие в революционном движении студентов был выслан в декабре 1887 года В. И. Ленин — молодой Володя Ульянов.

Ленинград. Издавна повелось именовать город на Неве «колыбелью революции». Свое новое имя Петроград получил 26 января 1924 года — в скорбные дни всенародного траура. А 9 мая 1924 года по-новому был наименован другой город, тесно связанный с биографией В. И. Ленина, город на великой русской реке Волге — Симбирск. Здесь 22 апреля 1870 года родился Володя Ульянов.

Топонимы, связанные с именем Ленина,— своеобразные нерукотворные памятники Ильичу. Они есть во всех уголках нашей Родины: Горки Ленинские и платформа Ленинская под Москвой, города Ленинабад в Таджикистане и Ленинакан в Армении, пик Ленина в Горном Бадахшане и Ленинские горы в Москве, поселок Ульяновский в Карагандинской области и город Ильичевск в Одесской области, а также многие десятки других названий...

Конечно, новые наименования в нашей стране были столь многочисленны, что невозможно рассказать и о сотой их части. Особенно много переименований было осуществлено в первые пять — семь лет после великого Октября. Именно тогда Екатеринбург (он был основан в 1721 году и в честь жены Петра I Екатерины получил название в 1723 году) был назван по-новому: Свердловск. Это произошло в 1924 году. Город был назван именем Я. М. Свердлова, соратника Ильича, первого председателя ВЦИК. Я. М. Свердлов в течение

ряда лет до революции вел активную работу в большевистской организации Екатеринбурга.

В 1920 году получил новое имя и город Екатеринодар. В прежнем его названии было запечатлено известное событие — перевод запорожских казаков Екатериной II на Кубань. Основой для нового топонима послужило прилагательное красный; так родилось наименование Краснодар. Почему именно красный? Это прилагательное встречается и в составе дореволюционных названий населенных пунктов, причем в значении «красивый, живописный» или «расположенный на солнечной стороне»: Красное, Красный Стан, Красная Горка, Красное Село и т. д. Иногда при его помощи в топониме содержалось указание на цвет почвы, вспомните Красноярск. Но в послереволюционных наименованиях слово *красный* в подавляющем большинстве случаев имеет другое значение, метафорическое: «революционный, социалистический, новый». Например, Красная Нива, Красный Текстильщик, Краснооктябрь, Красный Путь, Красный Строитель, Красный Торфяник и др. К их числу относится и Краснодар.

Очень интересно посмотреть, какие новые названия появились на какой-нибудь ограниченной территории. Результат будет весьма наглядным, весьма показательным. Возьмем, к примеру, Московскую область. За годы Советской власти на ее карте возникли сотни новых топонимов. И не только потому, что были переименованы старые населенные пункты, но и потому, что выросли многочисленные новые поселки и города. Так вот, до революции большинство селений Подмосковья (а это характерно и для большинства областей России) назывались по фамилиям и именам людей. Люди эти были либо владельцами сел, деревень, либо же первопоселенцами в этих местах. Такая модель образования топонимов называется антропонимической. После 1917 года по антропонимической модели стали образовываться так называемые мемориальные названия. Какие слова служили им основой? Чаще фамилии (и очень редко имена) людей, сыгравших большую роль в истории России и Советского государства: революционеров, деятелей партии и государства, военачальников, героев войн и трудового фронта, деятелей культуры, искусства, науки. Взгляните на схему Московской области, в каждом из ее районов можно встретить

мемориальные названия: город Ногинск, город Калининград, поселки Воровский, Дзержинский, Свердловский, Некрасовский, Менделеево, город Загорск (назван в 1930 году в память о секретаре МК ВКП(б) В. М. Загорском, убитом левыми эсерами), многие иные.

Нередко можно проследить непосредственную связь между названием города или поселка и жизнью, деятельностью человека, чьим именем он назван. Так, революционер В. П. Ногин работал в начале нашего столетия на Глуховской текстильной фабрике в бывшем городе Богородске, теперь Ногинске. Замечательный русский писатель А. П. Чехов жил с 1892 по 1898 год в селе Мелихове, неподалеку от поселка Лопасня, переименованного в 1954 году в город Чехов. Село Иринское (теперь Молоково), что на правом берегу Москвы-реки,— родина известного полярного летчика, Героя Советского Союза В. С. Молокова, который участвовал в экспедиции по спасению экипажа парохода «Челюскин», а в 1937 году совершил с папанинцами полет на Северный полюс.

Конечно, в годы Советской власти на карте страны и, в частности в Подмосковье, возникали не только мемориальные топонимы. Многие послереволюционные топонимы рассказывают о трудовых делах нашего народа (Текстильщики, Железнодорожный, Электросталь, Темпы), другие отражают природу края, ландшафт, месторасположение населенного пункта (Зеленоград, Лесной, Северный), иные образованы от наименований фабрик и заводов (Красноармейск — по фабрике имени Красной Армии и Флота, Пролетарский — по фабрике «Пролетарий»). Есть и другие их разновидности. Идеология, мировоззрение новых хозяев страны, наши праздники нашли также свое отражение в словах-названиях: поселки Красный Октябрь, Октябрьский, Первомайский, Правдинский, Новый Мир, Новая Дорога...

Название городка космонавтов Звездный известно практически каждому советскому гражданину. Знают его и за рубежом, как знают расположенный в нем Центр подготовки космонавтов. А как появилось это название? Предоставим слово Павлу Романовичу Поповичу: «Рождение Звездного мы отмечаем, как и День космонавтики, 12 апреля, с 1961 года. Поселок расположен в красивом, укромном и зеленом месте Под-

московья, и поначалу его называли Зеленый. Мы же между собой, с легкой руки журналистов, звали его Звездным. Официально Московский областной Совет утвердил это название в январе 1960 года».

Да, прошло более двадцати лет с тех пор, как в космос стартовал первый гражданин Земли — Юрий Гагарин. Сейчас мы уже попривыкли к сообщениям о запуске очередного пилотируемого корабля. Привычными стали и длительные экспедиции, работающие на орбитальном комплексе. «Космическая» тематика прочно вошла в наш быт. Отразилось это и в русском языке. Всего полтора-два десятка лет назад (период прямо-таки, скажем, мизерный в соотношении с историей человечества) нам были незнакомы или непривычны такие слова, как *космонавт, космический корабль, орбитальный комплекс, спускаемый аппарат, космодром* и многие другие, которые сейчас кажутся уже неотъемлемой частью нашего языка, его лексического запаса. То же произошло и с топонимом Байконур.

До последнего времени это наименование нельзя было обнаружить и в географических словарях. Но в «Словаре географических названий СССР», который вышел в 1970 году под редакцией М. В. Волостновой, уже можно прочитать следующее: «Байконыр, пос. Джездинского района Карагандинской области...» (в настоящее время этот район полностью вошел в новую Джезказганскую область Казахстана). В последнем, третьем издании БСЭ (1970) Байконур упоминается уже как один из крупнейших космодромов Советского Союза. Такая же информация содержится о космодроме Байконур и в новом «Советском энциклопедическом словаре» (1980), где, в частности, сказано, что он «имеет несколько стартовых комплексов, технических позиций и измерительных пунктов».

Какова же история происхождения этого географического названия? Что означает слово *Байконур* и откуда оно возникло?

Прежде всего следует подчеркнуть, что не случайно встречаются два написания названия — Байконыр и Байконур. Пусть это вас не смущает: они отражают соответственно устный и письменный варианты казахского слова.

Топоним образован сложением двух основ: *Бай* + *конур* (или *коныр*). Слово *бай* известно даже нелинг-

вистам: оно встречается во многих тюркских языках и имеет значение «богач», «богатый», «прекрасный», «тучный». Это слово попало и в словари русского языка как заимствованное из тюркских в таких значениях, как «богатый землевладелец», «богатый купец», «владелец больших стад скота».

Что же касается слова *конур, коныр*, то его толкование в составе интересующего нас названия не столь просто. Вряд ли можно установить точно, какова была мотивация наименования Байконур, поскольку тюркское слово *коныр, конур* многозначно, или, как говорят языковеды, полисемантично. Это убедительно продемонстрировал в своих работах известный советский топонимист-тюрколог, доктор географических наук Э. М. Мурзаев.

Первое из значений это — этноним, название народа или же какое-то личное имя. Названия народов действительно часто встречаются в составе географических названий, вот хотя бы Армянск в Крыму, Татарск в Новосибирской области, Братск (первоначально Бурятск) в Иркутской области, озеро Хиргис-Нур (Киргизское озеро) в Монголии и сотни других. Мурзаев подметил следующую закономерность: наибольшее количество этнонимов в составе географических названий встречается там, где существует или существовала разветвленная родо-племенная структура, Казахстан же как раз относится к таким областям. Таким образом первая версия значения слова Байконур — «богатый конур», где *конур* — этноним.

Помимо этого, слово *коныр, конур*, может иметь такой смысл: «коричневый», «рыжеватый», «серый». (Отсюда, между прочим, ведет свою историю русское слово *каурый*, которое мы используем, когда говорим о масти лошади: каштановой, светло-гнедой, желто-рыжей окраски). На карте Казахстана много географических названий, в состав которых входит слово *коныр:* Қоныржал, Қонырколь, Қонырсу, Қонырсай, Қонытау и др. Ученые склоняются к тому, что в их образовании участвовало прилагательное со значением «темный, бурый». Например, Қонытау — «темная гора». Если этот материал использовать для расшифровки загадки слова *Байконур*, то название окажется неполным, эллиптированным: «богатый темный (что или кто?)». Определяемое существительное могло быть

усечено, выпасть, что вполне допустимо. Такие усечения встречаются в топонимических системах разных языков. Итак, Байконур может значить «богатый темный (с усеченным определяемым)».

Какова же третья версия? Она связана с тем, что в географических названиях часто встречаются названия животных и растений. Поэтому, считают некоторые ученые, стоит обратить внимание на то, что в ряде мест Казахстана слово *конур* — это название травы, а также на казахское слово *коңырлык*, которое имеет значение «растительность с преобладанием полыней». В известном словаре тюркских наречий В. В. Радлова есть слово *коңырай* — «степь». Для сравнения можно привести и киргизское *конур баш* — «мятлик луговичный». По свидетельству ученых-ботаников, этот злак весьма обычен для пустынных степей Казахстана. Таким образом, третий вариант значения названия Байконур — «богатая, тучная степь», «место, богатое разнообразной полынно-злаковой растительностью».

Вероятно, права гражданства обретет та версия, которая окажется наиболее аргументированной. Для нас, современников блистательных достижений советской науки и техники, название Байконур обрело совершенно определенное новое значение — «ворота в космос».

Великий Октябрь открыл новым названиям дорогу на карту Родины. Все новые топонимы свидетельствуют о том, что наименование географических объектов, в особенности населенных пунктов,— явление не случайное: оно тесным образом связано с огромными изменениями в жизни нашего народа.

НАЗВАНИЯ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Географические названия могут кочевать, перемещаться на десятки, сотни, а иногда и тысячи километров. Конечно, такое короткое или длинное путешествие совершает не сам топоним, не само название села, города, реки или озера. Название переносится людьми, переселенцами, путешественниками, торговцами и т. д. Поэтому географическая карта часто может нам поведать о весьма любопытных перемещениях, миграциях населения, помочь в историко-географическом поиске...

Перенос названий происходил обычно, как говорят ученые, при компактном переселении людей в разные исторические эпохи. Узнать, когда название совершило свое путешествие, нам помогают памятники письменности, исторические документы, архивные источники. Есть, например, в нынешней Воронежской области такие названия, которые на первый взгляд кажутся по своему происхождению тюркскими и относятся к очень давним временам,— Азовка (есть тюркское слово *азан*, означающее «нижний, низкое место»), Кантемировка (хан Темир)... Но оказывается, что появились они в Воронежском крае отнюдь не в XIII веке и своим происхождением обязаны не половецким кочевникам. Топонимы Азовка и Кантемировка появились после неудачного Прутского похода Петра I в 1711 году. Тогда, как известно из истории, Россия была вынуждена вернуть туркам крепость Азов. Люди же, переведенные в Воронежский край из тех мест, основали село и дали ему название Азовка. В эти же нелегкие времена на сторону Петра I перешел молдавский господарь Дмитрий Кантемир. Он получил в России немало земельных наделов, в том числе в Воронежском крае, где возникло село Кантемировка. Вот что любопытно: когда много позже — уже в советское время — на целинных землях Казахстана шла битва за хлеб, люди поднимали целину, строили новые поселки, основывали колхозы и совхозы, в одном из районов Казахской республики возник совхоз «Кантемировский». Основателями его были бывшие воины танкового соединения, отличившегося в годы Великой Отечественной войны при освобождении от врага станции Кантемировка.

В системе русских географических названий перенесенные названия чаще встречаются в тех краях и местностях, которые были сравнительно недавно освоены русским населением. Вот какое упоминание можно найти в предисловии к «Списку населенных мест Самарской губернии» (современной Куйбышевской области), напечатанному в 1864 году: «Русские собрались сюда почти из всех губерний, что доказывается названиями основанных ими селений: Московка, Питерка, Тульская, Курская, Харьковская, Пензенка, Пензятка, Можайка, Арзамасское, Щигры, Тамбовка, Моршанка, Смоленка, Валуйка и др.».

На путешествия названий по карте обращали (и

обращают) внимание писатели, прямо или косвенно указывая на эти топонимы, на источник их миграции. Откроем повесть Н. В. Гоголя «Портрет»: «Вам известна та часть города, которую называют Коломною... Тут все непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция; кажется слышишь, перейдя в коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желанья и порывы. Сюда не заходит будущее, здесь все тишина и отставка...» Некоторые исследователи считают, что название Коломна в Петербурге появилось потому, что в 30-е годы XVIII века в новую столицу России были переселены мастеровые из села Коломенского под Москвой. Между прочим, район города на Неве, где поселились переселенцы, первоначально именовался Новой Коломной. В поисках аналогичных примеров обратимся к книгам современных писателей. Вот рассказ А. Ткаченко «На отшибе», где повествуется о жизни деревни на Сахалине: «Когда-то село звалось Алексеево — почти все переселенцы были из волжской деревни Алексеевки и с собой привезли на Сахалин память о родине».

Взглянем на карту центральных областей РСФСР. Почти в каждом районе можно обнаружить такие названия сел и деревень, как Залесье, Лужки, Ивановское, Покровка, Троицкое и т. д. Что это — тоже перенесенные топонимы? Нет, в данном случае мы имеем дело с простым совпадением названий, обусловленным чисто языковыми причинами (например, активность, продуктивность в языке модели *за + корень + je:* Залесье, Заборье, Заболотье, Заречье и т. д.) или причинами внеязыковыми, экстралингвистическими (фамилия Иванов, имя Иван были очень распространенными, разные Иваны или Ивановы могли быть владельцами селения или первопоселенцами в данной местности, но топоним мог получиться один и тот же — Ивановка, Ивановское; то же с Покровскими или Троицкими церквами, которых было много в разных селах, а села назывались одинаково — Покровское, Троицкое и т. п.). Поэтому не каждое повторение названия — это результат миграции людей, населения. Тут лингвисту, чтобы определить причину повтора, не обойтись без помощи историков и этнографов.

Нередко бывает, что один из топонимов-двойников исчезает, со временем перестает существовать как на

карте, так и в жизни. А другой продолжает свое независимое существование. Исчез великий город Карфаген (хотя, естественно, жива память о нем: Карфаген упоминается даже в крылатом выражении), но на карте современной Испании вы легко обнаружите город Картахену. Раньше он носил наименование Новый Карфаген, поскольку был основан карфагенянами; позже определение Новый отпало, а слово *Карфаген* в испанском языке превратилось в слово *Картахена*. Но первоначального Карфагена уже нет... Бывает и наоборот: название, которое-то и послужило основой для переноса, для повтора, остается, продолжает существовать, а исчезает второе, новое, то есть перенесенное и повторенное. Пример — город Переяслав-Хмельницкий. Когда-то этот топоним послужил основой для возникновения другого — Переяславль-Рязанский. Впоследствии оно превратилось в привычное нам слово *Рязань*, утратив навсегда первый компонент «Переяславль».

Классическим примером перенесенных названий обычно считают Америку: на Американском континенте в тысячах топонимов повторяются названия городов, других населенных пунктов, гор и даже полуостровов в Европе. Кем-то из ученых остроумно подмечено, что география Америки — это повторительный курс географии Европы (что действительно делает современную топонимию Америки малооригинальной). На карте США и Канады можно обнаружить очень много английских, шотландских, ирландских и французских топонимов, а на карте стран Латинской Америки — испанских. Вот как писал об этом известный французский географ Э. Реклю: «...Американцы испанского происхождения, подобно своим предкам разного происхождения, не могли давать названия новым местам иначе как по физическим признакам или по воспоминаниям о родине».

В США есть такие города, как Бостон, Лондон, Лондондерри, Ньюкасл, Кембридж, Оксфорд, Нью-Гемпшир, Балтимор, Бристоль, Гринвич и многие другие, «родители» которых находятся в Европе, на Британских островах. Из Франции на Американский континент попали топонимы Орлеан, Нанси, Тулон, Лион. А Парис (Париж в традиционной для нас форме)

встречается более десяти раз. В американской топонимии обнаруживаются наименования и некоторых наших городов, это тоже названия-путешественники. Семь раз на карте Соединенных Штатов встречается топоним Москва, в разных штатах страны находятся городки под названием Одесса, а до недавних времен существовал и Ново-Архангельск.

В Латинскую Америку из Испании переселились такие названия, как Барселона, Валенсия, Севилья, Кордова, Гранада, Картахена (!). Горы Сьерра-Невада («Снежный горный хребет») стали обычным названием и в Северной и в Южной Америке. Примеры таких путешествий географических названий могли бы составить не один десяток страниц.

На карте нашей родины названий-путешественников можно обнаружить много, но каждое из них имеет свою характерную историю, свою причину возникновения.

Есть в Краснодарском крае город Армавир. Этот топоним необычен: точно такое же название носила в I тысячелетии до нашей эры древняя столица царства Урарту в Армении. Но северокавказский Армавир основан всего лишь в 1839 году. Почему же город получил это имя? Причина этого проста: город был основан при значительном участии переселенцев-армян. Так что топоним Армавир, можно сказать, пережил долгие столетия и вновь воскрес уже в первой половине XIX века.

Представьте, что вам приходит письмо, где в качестве обратного адреса указано: РСФСР, Челябинская область, пос. Париж. Первой вашей реакцией наверняка будет удивление, недоумение. Затем вы, вероятно, подумаете о розыгрыше. И все же, мне кажется, естественное любопытство, интерес к такому необычному названию возьмет верх: почему поселок назван Парижем? Быть может, этот интерес усилится, если вы узнаете, что там же, в Челябинской области, к востоку от Магнитогорска есть поселок Лейпциг, поселок Берлин и другие необычные населенные пункты. В чем их загадка? Помочь разгадать историю их наименований поможет сосед этих поселков — поселок Бородино (точнее Бородинский), а также некоторые исторические документы. Оказывается, что на Урале и в Восточной Сибири названия старых деревенек — Лейпциг, Берлин, Париж, Варшава, Бранденбург, Шарлеруа (ставшие в

ками) — возникли после успешного похода русской армии на Париж во время войны с наполеоновской Францией. Названия эти принесли с собой русские мужики, бывшие солдаты Кутузова. Возвращаясь к себе на родину, они в память о славных победах русского оружия, в которых сами принимали участие, давали старым и новым селениям в России наименования столиц и городов, в которые русские войска входили как победители.

Повторяю: не всякое совпадение топонимов свидетельствует о том, что нам встретилось название-путешественник. Французский город Брест не имеет ничего общего с нашим белорусским Брестом. Не связаны по своему происхождению и две реки — наш Дон, воспетый Шолоховым, и река Дон... в Англии. Да, и в туманном Альбионе есть свой Дон, но это не более чем простое совпадение (такое явление встречается, между прочим, не только в именах собственных, не только в системах географических названий, но и в нарицательных словах разных языков мира). О существовании английского Дона вы можете узнать, открыв первую страницу романа Вальтера Скотта «Айвенго»: «В той живописной местности веселой Англии, которая орошается рекою Дон, в давние времена простирались обширные леса, покрывавшие большую часть красивейших холмов и долин, лежащих между Шеффилдом и Донкастером».

Миграция населения в России была явлением распространенным. Поэтому почти в каждой области можно найти ее следы, в частности названия-путешественники. Возьмем Горьковскую область. В XVI—XVII веках в пределах современной Горьковской области люди переселялись из многих мест разными путями — по Оке, Волге, Ветлуге. На берегах реки Ветлуги сейчас можно обнаружить две деревни Чухломки и одну Чухлому. Их названия и расположение ясно указывают, откуда и каким путем пришли сюда переселенцы. Они спустились по Ветлуге, прийдя с северо-запада, из-под древнего города Чухломы, что стоит в Костромском крае. Наименование большого приокского села Вареж на Горьковщине повторяет название старого Варежа, что под Муромом, на Владимирщине. Это свидетельство того, что переселенцы пришли с юго-запада по Оке.

Очень часто названия-путешественники встречаются в Западной Сибири. Как известно, в конце XIX века происходило интенсивное переселение крестьянского населения из России, Украины и Белоруссии в Западную Сибирь и далее на восток, а также в степные районы современного Казахстана. Движение раскрепощенных крестьян на восточные земли началась сразу же после 1861 года и особый размах обрело в промежутках между 1893—1904 годами. Крестьяне-переселенцы — как русские, так и украинцы,— привозили с собой и привычные им имена сел и деревень. Они служили людям как бы памятью о покинутых местах. Причем русские крестьяне чаще селились в лесных и лесостепных районах азиатской части России, а украинцы осваивали привычные им степи. Поэтому не случайно сейчас в степной части не только Западной Сибири, но и Дальнего Востока встречаются свои Новокиевки, Новохарьковки, Новочерниговки. А в лесной полосе повторяются имена лесных уездов Европейской России.

Много в Западной Сибири перенесенных названий, для которых основой стали наименования крупных городов. Такие названия-путешественники, как правило, оформлены суффиктом-формантом *-ка* со значением уменьшительности: Вяземка (от города Вязьма), Казанка (от города Казань), Киевка (от города Киев), Нижегородка (от города Нижний Новгород, современный Горький), Новороссийка (Новороссийск), Полтавка (Полтава), Самарка (Самара, современный Куйбышев), Саратовка (Саратов), Ярославка (Ярославль) и многие другие. На карте Калачинского района Омской области есть названия сел Новая Рига и Новый Ревель (Ревель — современный Таллин), они обязаны своим происхождением переселенцам из Прибалтики. В Полтавском районе Омской области (изучением этих топонимов занимался языковед В. П. Нерознак) есть такие деревни, как Никополь, Ольвиополь, Лубянск, по форме повторяющие названия городов. А в Исикульском районе — деревни Новая Москва и Новопетроград. Любопытно, что некоторые наименования сел повторяют названия очень больших географических объектов. Судите сами, насколько необычно звучат такие словосочетания, как село Крым или село Балтика. А они существуют все в той же Омской области.

Как вы видите, в русской и зарубежной топонимии

много примеров, когда то или иное название совершало путешествие за сотни и тысячи километров. Однако ученым известны и другие случаи, когда топоним переносился всего на несколько километров, а иногда и на несколько сотен метров. Конечно, такие путешествия названия совершали опять-таки не сами, а переносились населением. Речь идет о локальной миграции населения.

Конечно, о малых переселениях людей ученые узнают и из памятников. Достаточно, например, заглянуть в писцовые книги Московского государства XVI века: «Село Ознобишино, а Мирославское тож (нынешнее село Ознобишино на юге Московской области.— *М. Г.*), по обе стороны реки Мочи... а селище старое того села Ознобишина Мирославского по другую сторону реки Мочи, на враге и на пруде... а на селище три места дворовых, а по сказке окольных людей, жил де на том селище прежний вотчинник, с того же он селища переселился на другую сторону реки Мочи, что ныне село Ознобишино... а старожильцы сказали, что они тому селищу имени не упомнят».

Многое могут нам рассказать и сами географические названия, наименования населенных пунктов. Оказывается, что переносились очень часто те топонимы, в состав которых входили на правах части или самостоятельного определения слова *старый — новый, большой — малый, ближний — дальний:* Большое Брянцево — Малое Брянцево, Новониколаево — Староииколаево, Ближнее Беляево — Дальнее Беляево... В силу каких-то социально-экономических причин часть крестьян переселялась, основывала поблизости новую деревню, которую начинали именовать старым, привычным названием, но с добавлением этих слов, определений.

Так, например, в Воронежской области в настоящее время на расстоянии десяти километров соседствуют села Максимово и Новомаксимово. Документы показывают, что в свое время переселенцы из старого хутора Максимово основали на левом берегу Дона новое поселение, которое было названо ими Новомаксимово. Другой пример. Есть в Сарапульском районе Удмуртской АССР село Большие Пещеры, расположенное на берегу реки Камы. Когда-то переселенцы из него основали село Малые Пещеры. Но вот как иной раз складываются судьбы названий: село Малые Пещеры ныне исчезло; в связи с укрупнением колхозов его жители переехали в

другие населенные пункты. Не исключено, что в ближайшем будущем будет поэтому забыт и сам топоним Малые Пещеры...

КРУТИТСЯ-ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ

Глобус. Предмет, известный с раннего детства. В первом классе у нас в школе очень увлекались игрой, с ним связанной. Нужно было сильно раскрутить глобус, а затем, закрыв глаза и остановив его, резко ткнуть указательным пальцем в его глянцевитый желто-зелено-голубой бок. После этого медленно, еще почти по слогам мы разбирали названия тех городов, рек или гор, которые оказывались под кончиком пальца. Так мы путешествовали... А названия были иногда самые диковинные, удивляли и ласкали слух: Шпицберген, Аппалачи, Мадагаскар, Огненная Земля, Замбези, Фиджи. На нас то дул сухой и жаркий ветер пустынь, то обрушивались тропические ливни, то внезапно налетала арктическая пурга. В мгновение ока мы переносились с континента на континент. Попав в долину реки Инд в Азии, мы через секунду могли очутиться где-нибудь в районе Панамского канала в Центральной Америке, а еще через миг — перенестись в Европу, в Париж или Рим.

Америка, Европа, Азия, Африка, Австралия — названия, видимо, самых больших географических объектов нашей планеты (если не иметь в виду еще и океаны). Этими привычными с детства словами издавна повелось называть части света. Ежедневно мы произносим их сами, встречаем в газетах, в книгах, слышим по радио, регулярно упоминаются они в передачах телевидения. А почему, собственно, Африка называется Африкой, а не иначе? Когда и кто дал такое имя этой стране света? Должен сказать, что история всех этих названий необычна. Она заслуживает того, чтобы читатель вспомнил давно забытое или, что вернее, узнал нечто новое, необычное. Итак, Африка, Азия, Австралия, Америка, Европа...

Самый «молодой» из этих топонимов — Австралия. Он появился лишь в XIX веке. Но исторически его корни гораздо более глубоки...

Еще древнегреческий ученый Клавдий Птолемей, живший во II веке, предполагал о существовании в Южном полушарии громадного материка. В его книге «География» указана так называемая Тэрра австралис

инкогнита, то есть «Земля южная неведомая, неизвестная». В течение длительного времени после Птолемея, вплоть до XVI века, название Южная Земля (Тэрра аустралис) — древнегреческий ученый помещал ее где-то к югу от Индийского океана — служило для обозначения неизвестной суши в Южном полушарии. Но вот в начале XVII века голландские мореплаватели открывают тот материк, который мы сейчас именуем Австралией. Это сделал в 1606 году Виллем Янц, на корабле «Дюфкен» достигший берега полуострова Кейп-Йорк со стороны залива Карпентарии. Он-то назвал открытую землю в честь своей родины Новой Голландией. Название понравилось.

Затем с Австралией произошла, если можно так сказать, небольшая путаница. В 1642—1643 годах Абел Тасман обогнул Австралию с юга и назвал ее Землей Ван-Димена. На самом же деле Тасман видел то, что сейчас мы именуем островом Тасмания. У восточных берегов Австралии проплыли корабли англичанина Джеймса Кука, который дал этой суше наименование Южный Новый Уэльс. Это было в 1770 году. Все эти разноречивые названия материка сохранялись до начала XIX века. В 1814 году известный английский мореплаватель М. Флиндерс (кстати говоря, сейчас его имя носит горный хребет на юге Австралии и река на ее севере), проплывший вдоль берегов всего материка, предложил дать ему другое имя — Тэрра Аустралис («Южная Земля»). Потом первая часть названия отпала. Топоним приобрел современную форму — Австралия.

Такой же сравнительно молодой и топоним Америка. История его происхождения известна более широко. Та часть света, которую образуют два материка — Северная Америка и Южная Америка,— была открыта испанским мореплавателем и торговцем Христофором Колумбом. Колумб искал пути к Азиатскому материку с его дорогими по тому времени товарами — пряностями, тканями, драгоценными камнями. Однако волею судеб он вместо Азии попал в Америку, причем считал открытые земли и страны островами Западной Индии и восточным побережьем Азии. Впоследствии в отличие от Старого Света — Европы южноамериканский материк был назван Новым Светом. Такое имя дал ему в 1503 году флорентийский путешественник и мореплаватель Америго Веспуччи. Позже Новым Светом стали именовать оба ма-

терика. В 1507 году немецкий ученый Вальдземюллер предложил образовать для Нового Света из имени Америго Веспуччи название — Америка. Форма была образована по аналогии с уже существовавшим топонимом Африка. Впервые официально наименование Америка появилось в 1515 году на глобусе Шернера. В то время Америкой называли все-таки лишь южный материк. Окончательно же «визитная карточка» этой части света, то есть название Америка, по отношению к двум материкам — северному и южному — утвердилась в 30—40-е годы XVI века.

Образование названий остальных частей света связано с историей Римской империи и ее многочисленных провинций.

Слово *Азия* — название части света — возникло во времена греческой культуры. Первоначально им называли не всю азиатскую часть огромного материка, а весьма ограниченную территорию...

Сейчас Азией мы называем обширную часть суши земного шара, однако поначалу римляне называли Азией только малоазиатское государство Пергам (III—II века до нашей эры). По своему происхождению топоним Азия связан с ассирийским словом *асу*, имевшим значение «восток, восход». Слово это ученые фиксируют в надписях, датируемых II тысячелетием до нашей эры. Ассирийцы прозвали Асу восточный берег Эгейского моря, а для обозначения Европы они использовали слово *эреб*, то есть «запад, заход, темнота». От ассирийцев топоним Асу попал в язык древних греков. Они использовали его для обозначения прибрежных областей Малой Азии. Древние греки даже сделали Азию одним из персонажей своей мифологии. Такое имя носила, согласно их легендам, одна из океанид, нимф, дочерей Океана и Тетии. Мифы рассказывают, что Азия (или по-другому Асия) стала женой Япета (или Иапета), который за участие в бунте против Зевса был низвергнут вместе с другими титанами в Тартар. От брака Япета и Азии родился Прометей — широко известный герой древнегреческой мифологии, титан, богоборец и защитник людей, принесший им огонь.

Африка. Казалось бы, в названии этой страны света заключена какая-то таинственность: Аф-ри-ка! Но никакой тайны нет. Наоборот, этот топоним во многом возник

3 2—2084

даже более естественно, чем наименования других частей света.

Еще до начала нашей эры на территории южнее Карфагена жило берберское племя афригиев. «Откуда происходит само название племени?» — можете вы спросить. Некоторые ученые считают, что этноним афригии имеет в своей основе берберское слово *афри*, означавшее «пещера». Как, вероятно, многие помнят из школьного курса истории, во II веке до нашей эры римляне завоевали Карфаген и создали на его месте свою провинцию. Названа же провинция Римской империи была именно по племени афригиев — Африка. Она находилась на месте современного Туниса. К началу средневековья Африкой начали именовать также Ливию и Алжир. Когда же европейские колонизаторы начали осуществлять в Африке массовые захваты территорий, название Африка распространилось на весь материк, на всю эту огромную и богатую часть света.

Примечательно, что древнее название Африки — Ливия — тоже было образовано от этнонима. Либ — так называли народ, обитавший в средней части Средиземноморского побережья Африки. От этого этнонима древние греки и римляне образовали наименование Ливия. До современности, до наших дней оно дошло в составе названия государства на севере Африки.

Так же как и Африка, солидным возрастом обладает имя и еще одной части света — Европы. Оно возникло задолго до нашей эры. Исследователи-филологи установили, что слово *Европа* встречается в произведениях литературы Древней Греции, в частности в гимне Аполлону, который датируется VI веком до нашей эры. Надо сказать, в гимне Аполлону название Европа обозначало территорию, во много раз меньшую по сравнению с современной. Оно относилось лишь к части Балканского полуострова, включавшей в себя Македонию, Албанию и север Греции.

Топоним Европа возник в Передней Азии. Мы уже сказали, что в языке ассирийцев существовало слово *эреб*, которым они называли страну захода солнца. Еще к III веку наименование Европа использовалось для обозначения только Галлипольского полуострова и прилегающей к нему территории. Это была небольшая римская провинция близ Дарданелл. Гораздо позднее название Европа распространилось на всю часть света. В древне-

греческой мифологии это имя носила богиня земледелия. В распространенной редакции мифа о Европе, называющей ее дочерью финикийского царя Агенора, рассказывается о том, как Зевс, принявший обличье быка, похитил Европу, которая играла с подругами на берегу моря. Зевс увез красавицу на остров Крит, где она родила ему двух сыновей. Похищение Европы — любимый сюжет многих выдающихся живописцев — Тициана, Клода Лоррена, Валентина Серова...

К частям света географы относят также и Антарктиду, большой материк в Южном полушарии, занимающий центральную часть южной полярной области. Смысл этого названия довольно своеобразен. В основе слова *Антарктида* лежит другое имя собственное, другое географическое название — Арктика. Арктикой, как мы знаем, называют северную полярную область земного шара. Так вот, от этого топонима и было образовано название Антарктида. К нему просто «приклеили» греческую приставку ***анти-***, имеющую значение «против». Так получилось новое наименование, смысл которого — «противоположный Арктике». Оно-то и было узаконено для обозначения Антарктиды, материка, расположенного в южной полярной области, на «противоположной» стороне земного шара. Что же касается названия самой Арктики... Взглянув на карту звездного неба, вы заметите, что северная полярная область земного шара расположена прямо под созвездием Большой Медведицы. А *медведь* по-древнегречески — «арктос». Таким образом, Арктика — страна, лежащая под созвездием Большой Медведицы, то есть на севере, а из слова *арктос* возникло слово *арктикос* — «северный».

Некоторые ученые относят к частям света и Океанию. Океания представляет собой совокупность островов центральной и юго-западной части Тихого океана. Правда, другие географы при подразделении всей суши Земли на части света объединяют Океанию с Австралией. Название Океания официально появилось на картах мира в первой половине XIX века. Это произошло после того, как в 1810 году М. Браун ввел его в обиход географической науки. Этот топоним также имеет связь с мифами и легендами Древней Греции. Древние греки считали Океана прародителем всех богов. По представлениям людей гомеровской эпохи, Океан был сыном Урана и Геи. Он женился на Тетии, которая родила Океану

3*

три тысячи сыновей — речных божеств и три тысячи дочерей — океанид. По легендам, Океан живет уединенно в подводном дворце и никогда не появляется на собраниях богов.

Видите, как много интересных и необычных фактов могут поведать такие, казалось бы, привычные слова, как названия частей света. Такова их лингво-историческая биография.

С МАЛА КЛЮЧИКА СТУДЕНА НАЧАЛАСЬ РЕКА

Да, как поется в этой старинной русской песне, наши реки начинаются с маленьких родничков, ключей, ручьев. А затем за много десятков, сотен километров от своего истока реки превращаются в широкие и полноводные голубые дороги, причудливой сетью покрывающие карту нашей Родины.

Большое количество гидронимов связано с понятием «вода, влага». Многие реки отражают в своих наименованиях ряд объективных характеристик — особенности течения, температуру воды, ее цвет и т. д. В «Списке рек Днепровского бассейна», который был составлен П. Л. Маштаковым и увидел свет еще в 1913 году, приводится указание о 20 реках с названием Речица, о 13 реках и протоках с названием Речище; в этой книге можно найти много гидронимов типа Водица, Водяна, Водянка, Мокряна, Мокруша, Мокрая, Быстра, Быстрая, Быстрик, Холодец, Холодная, Холодна, Студенка, Студенец, Студеница и др.

Название рек, как правило, гораздо древнее многих других топонимов — наименований городов, деревень, поселков... Почему? В этом отражена та особая роль, которую реки играли в жизни наших предков. Реки издавна служили людям проводниками и путями, направлениями массовых переселений. Помимо этого, поселения людей обязательно возникали поблизости от воды — от реки, озера или хотя бы ручья. Естественно поэтому, что сначала возникало название реки, а потом уже наименование появившегося на ее берегу селения.

Названия рек в целом устойчивее, чем названия озер. Если озеро — объект в общем-то локальный, то река, как правило,— объект, обладающий известной протяженностью, в ряде случаев весьма большой, если брать ее от самого истока до устья. На ее берегах жили разные

народы, разные племена, но название ее могло дойти до наших времен из самых отдаленных глубин прошлого.

Многие названия рек на тех территориях, где живут русские, в силу исторических причин (вспомните особенности славянской колонизации) восходят не к славянским языкам. Их оставили те племена (часто угро-финские), что жили здесь до прихода славян. Как правило, это были бесписьменные народы; их история изучается в основном только по материальным, по археологическим источникам. История же их языков изучена слабо, поэтому многие дославянские наименования рек часто вообще не поддаются достоверному объяснению. В целом гидронимы такого рода могут представить свидетельства о расселении в прошлом неславянских племен. Если же говорить о русской истории, истории русского языка, географии России, то больше данных для этого мы можем получить из славянских названий небольших рек, поскольку эти названия по своему образованию связаны с относительно поздней эпохой.

Есть на карте нашей страны такие реки, названия которых наверняка вызывают наибольший интерес. Объяснить этот повышенный интерес нетрудно: слишком велика роль таких рек в жизни людей, населявших (и населяющих ныне) их берега. Вот — Волга, название, известное нам с детства. Название, дорогое и близкое сердцу русского человека, сердцу гражданина Страны Советов. Географ Реклю в одном из своих произведений писал, что «реки несут на своих волнах и историю и жизнь народов». Вряд ли, конечно, ученый имел в виду великую русскую реку, но высказанная им мысль в полной мере может быть отнесена к Волге. Если сравнивать реки Европы, реки мира по богатству событий, которые разыгрывались в течение веков на их водах и берегах, реки, которые имели теснейшую связь с судьбами живших на них народов, то соперничать с Волгой смогут лишь, может быть, Дунай, Рейн, Нил и некоторые другие.

Волге посвятили проникновенные строки многие писатели и поэты, ее название можно встретить на страницах огромного числа произведений художественной литературы. Первыми, вероятно, каждому из нас приходят на память строки Н. А. Некрасова: его жизнь, его творчество самым тесным образом были связаны с «матерью русских рек».

О, Волга! После многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом все та же даль и ширь,
Все тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей...

Волга. Когда мы слышим это слово, перед глазами невольно возникает образ величавой, полноводной, спокойной реки, реки-труженицы, реки-кормилицы. Но что значит ее имя? В чем смысл этого слова? Какова история этого гидронима?

Он относится к числу таких речных названий, происхождение которых, а следовательно, и значение остаются невыясненными. Ни одну из версий, ни одно из предположений относительно истории слова *Волга* к настоящему времени нельзя считать общепринятым или полностью доказанным.

Одна из основных версий сводится к тому, что гидроним Волга славянского происхождения. Ученым известна ее тезка — одноименный приток Днепра, известно чешское название Vlha — река в бассейне Лабы, известно польское название Wilga — река в бассейне Вислы. Советский филолог, член-корреспондент АН СССР Г. А. Ильинский и немецкий языковед Макс Фасмер считали, что все эти названия и, конечно же, в первую очередь русская Волга связаны с понятием «влага, вода»: *влага*, древнерусское *вологи*, производное от него *волглый*, то есть «сырой, влажный». Такой принцип называния (река Река, река Вода, река Влага) вполне объективно «работает» в названиях рек, и не только русских, славянских.

Ряд других версий обращен к языкам иных семей. По некоторым предположениям название Волга выводится из финского слова valkea — «белый» (ему родственно эстонское слово valge — «белый, светлый»). Такой принцип называния также встречается в именах рек (указание на прозрачность воды в реке; так, в частности, назван левый приток Камы — река Белая). По мнению Фасмера, образование гидронима Волга из приведенных выше слов невозможно фонетически.

Некоторые ученые склоняются к тому, что слово *Волга* может иметь связь с дофинским субстратом,

с теми названиями рек на *-га*, которые образуют обширный массив на севере России.

Конечно же, существуют и такие предположения, которые, мягко говоря, неубедительны, лишены исторических и лингвистических оснований. Так, чешский этимолог В. Махек в 1953 году предложил связать слово *Волга* (а также упомянутые нами выше названия славянских рек) с названием птицы — иволга, которому соответствует чешское vlha.

Великая русская река не всегда была известна под названием Волга. Древнегреческий ученый Клавдий Птолемей в своем фундаментальном труде «География», упоминая эту реку, называет ее Ра. Предполагается, что в названии Ра лежит индоевропейская основа со значением «спокойная вода». Слово *Ра* сохранилось и до сего времени в мордовских языках. В тюркских языках родилось название, относящееся к среднему и нижнему течению Волги,— Итиль. Специалисты предполагают, что название в форме *Атиль* существовало еще до нашей эры. Формы *Этел, Атал* удержались в современном чувашском языке.

К летописным временам относится появление слова *Поволжье* — «территория, прилегающая к течению реки Волги». Оно древнерусское и впервые упоминается в 1-й Новгородской летописи.

Есть ряд других предположений относительно исторических судеб гидронима Волга. Так, доктор географических наук Е. М. Поспелов считает, что сопоставление этого слова со всей совокупностью названий рек севера европейской части СССР позволяет создать гипотезу о существовании основы *волг-*, принадлежавшей языку древнего населения Севера (возможно, прафинно-угорского) со значением «река». Что может говорить в пользу этого предположения? В Карелии известны гидронимы Волгозеро и Волга-йоки. Возможно, считает Е. М. Поспелов, от этой же основы *волг-* образованы такие речные и озерные имена, как Волхов и Волхова в бассейне Северной Двины, Вольга в бассейне Клязьмы, Волгань и Волгома в Поочье, Волгуша и Воложка (в большом количестве) в Поволжье.

Поиск продолжается. Ученые продолжают работать над разгадкой гидронима Волга. Хочется надеяться, что их усилия приведут к успеху.

Любопытно отметить еще один факт. Гидроним Волга только в России породил более 23 географических названий, стал основой для других наименований. Это города Волгоград, Волжский на левом берегу реки у Волгоградской ГЭС; Волгодонск в Ростовской области; Волжск в Марийской АССР (его «родственник» — город Вольск в Саратовской области, первоначально он именовался Волгск, но затем название подверглось фонетическим изменениям); Приволжск в Ивановской области; Приволжский в Астраханской области. Начало свое река берет подле села Волго-Верховье. Есть «волжские» топонимы и в других местах. Можно вспомнить и о городе Волга в Соединенных Штатах Америки, на территории штата Айова. Он расположен на берегу реки... Волги. Такое название носит правый приток реки Терки бассейна Миссисипи. Конечно же, здесь мы имеем дело не со случайным фонетическим совпадением; это название было перенесено русскими переселенцами.

Названия рек, как и большинства естественных географических объектов, как правило, возникали стихийно. Тем более редки для рек сознательные, специально осуществленные переименования. И все же они случались... Так, одна из крупных рек на территории нашей страны до 1785 года носила название Яик. Принято считать, что оно сложилось из тюркской основы со значением «широкий». Теперь эта река, впадающая в Каспийское море, называется Уралом. Екатерина II повелела переименовать реку по горам, в которых она берет начало. Так императрица хотела стереть память о народном восстании под предводительством Емельяна Пугачева, поскольку Яик был очагом восстания.

Река Непрядва, приток Дона, не относится к числу больших или даже средних рек. Ее смело можно причислить к малым рекам. Но от этого известность самого гидронима не уменьшится. Два названия — Куликово поле и река Непрядва — стоят бок о бок в летописи героических подвигов наших предков, в списке их ратных побед. Слово *Непрядва* для нас прочно ассоциируется со славной победой русской рати под предводительством Дмитрия Донского на Куликовом поле, когда она заставила позорно бежать войска хана Мамая.

Сейчас гидроним известен нам в форме *Непрядва*, но в летописях и повестях куликовского цикла он представлен в различных звуковых и графических вариан-

тах — Непрадва, Непрядна, Непрядня, Непрядва, Непрятва, Неприява. Все они, впрочем, не более, чем позднейшие искажения первоначальной формы слова *Непрядва*. Именно она-то и обычна для таких древнейших памятников, как Воскресенская летопись, Троицкая летопись, Новгородская первая и Новгородская четвертая летописи.

Как и во многих других случаях, относительно происхождения и значения речного названия Непрядва существует несколько мнений, несколько точек зрения.

Автор вышедшей в 1849 году книги «Куликово поле» И. Афремов считал, что этот гидроним может быть связан с глаголом *прядать* — «прыгать». Эту версию он объяснял тем, что «речку перескочить невозможно». Другие авторы пытались усмотреть в названии Непрядва угро-финское конечное *-ва* со значением «вода, река» и ставили его таким образом в ряд с другими неславянскими названиями. Высказывались и другие предположения в таком же духе.

Важное наблюдение сделал известный советский языковед профессор П. Я. Черных. Это наблюдение касалось морфологической природы названия реки. Черных допускал, что в гидрониме был когда-то русский суффикс *-ва*, а само название представляло собой прилагательное женского рода.

Как же могло обстоять дело с истинной мотивировкой слова *Непрядва*? Какое лексическое значение могло иметь название реки до того, как оно превратилось в одно из «темных» слов нашей топонимии и в одну из героических страниц нашей истории? Ответ на эти вопросы дают последние исследования советских лингвистов, в частности доктора филологических наук Е. С. Отина.

В названии можно выделить основу ***-пряд-***. Она имела исчезнувший еще в доисторическую эпоху в живой речи восточных славян носовой звук Е, который чередовался с носовым О. На их месте впоследствии развились звуки А (при сохранении мягкости предшествующего согласного) и У. Долгое время для их обозначения на письме использовали специальные буквы, так называемые «юс малый» и «юс большой». Как известно, из славянских языков только один — польский — до настоящего времени сохраняет носовые гласные. Анализ слов из древних и современных славянских языков

дает в наше распоряжение ряд наблюдений, которые прямо или косвенно проливают свет на историю гидронима Непрядва. Так, в древнерусском языке зафиксированы слова *пруд* — «поток», *пружь* — «бороздка для воды в садах», *прудъкый* — «стремительный». В украинском языке известно слово *пруд* — «быстрое течение», чешское proud, словацкое prúd, польское prąd имеют одно и то же значение — «поток, течение». Немного отдалена от этих слов по смыслу материально родственная им группа лексических единиц, связанная с ними общим значением «пребывать в движении», например древнерусское *прядати* — «скакать» и другие. Эти сведения, а также названия с аналогичным корнем (река Prądnik под Краковом, две речки под названием Прудник в бассейнах Западного Буга и Припяти, рукав Днепра — Прудка, речки Прудка в бассейне Десны и в Черниговской области) позволяют сделать следующее предположение. Можно допустить, что гидроним Непрядва имел значение «[illegible], [illegible], тихая». Именно такой речка была в [illegible] прошлом. Следует добавить и то, что [illegible] «[illegible] течения» — один из тех, что часто находил [illegible] [illegible]жение в названиях рек: Тихая Сосна и Быстрая Сосна (на которые, кстати говоря, князь Дмитрий посылал своих ратников перед сечей «языка добывати»), Быстрая Меча и т. д. На других русских и славянских территориях найдем такие названия рек, как Быстрица, Быстрая, Быстрика, Быстрец, Быстрича, Буянка, Тороп[illegible], Нетеча.

Примеры приведенных нами исследований показывают, что каким бы непонятным на первый взгляд название ни казалось, оно обязательно имеет определенный смысл, значение, мотивировку. Наименования рек, которые среди всех топонимов наиболее крепки, устойчивы, также доказывают, что бессмысленных названий не бывает. Конечно, имена многих рек искажались, менялись, и бывает так, что на современном уровне развития науки мы пока не в силах их расшифровать.

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ

Названия рек, о которых говорилось в предыдущей главе, нередко сами становятся основой для других географических наименований. Известно много случаев, когда имя реки переносится на озеро, а иногда даже

на... море, в которое она впадает. Так, озеро Шаглытенгиз в Казахстане названо по впадающей в него реке Чаглинке, а Карское море, например, получило наименование по реке Каре. Эта река берет начало в северных отрогах Урала и впадает в Карское море; ученые считают, что в основе этого гидронима лежит ненецкое слово *харе* (или *каре*), имеющее значение «торосистый лед». По реке было названо и Охотское море: в него впадает река Охота. Эвенки называют ее Окат или Окит; это слово в их языке значит «река, речка», поэтому река Охота — река Река. В ее устье в середине XVII века казаки-землепроходцы основали становище, зимовье Косой Острожек. Непонятное слово *Оката* казаки «переделали» в более прозрачное, привычное для русского человека Охота. С тех пор река зовется Охотой, море — Охотским. В XIX веке на месте Косого Острожка возник небольшой поселок Охотск, названный уже по морю.

Моря через свои названия также дают жизнь многим топонимам. В первую очередь это относится к наименованиям городов, возникших на морских берегах. Так, на Белом море появился город Беломорск, на Черном — поселок Черноморское, на Балтийском — Балтийск, на Каспийском — Каспийск и Каспийский, на Аральском — Аральск. Однако в истории формирования географических названий случалось и по-другому: город давал название морю. Примером тому может служить Азовское море.

Древние греки называли Азовское море Меотийским болотом или Меотидой. У скифов оно было известно под названием Каргалук. Племена меотов, обжившие его берега в глубокой древности, называли море Темеринда. Некоторые ученые предполагают, что слово *темеринда* могло означать «мать моря»; согласно географическим представлениям меотов, Азовское море — неглубокое озеро — является как бы матерью большого моря (которое нам с вами известно как Черное), лежащего за проливом. Римляне, как и греки, считали это море озером-болотом, что и отразилось в его наименовании — Меотис палюс (*палюс* — «болото»). Новое название моря появилось сравнительно недавно. У русских оно долгое время было известно под названием Сурожского (по крымскому городу Сурож, сейчас Судак) и Синего. Кстати говоря, такой же образ, такая

же зрительная ассоциация легла в основу и арабского названия моря: Бахр-эль-азов, то есть Синее море или даже Темно-синее море. По существующему предположению, современное наименование моря — Азовское — перешло от города Азов. Азов, как известно, расположен на берегу этого моря около устья реки Дон. Город был основан греками в III веке до нашей эры и назывался Танаис (Танаисом греки именовали Дон). Под названием Танаис в X веке Азов входил в состав Киевского государства. Топоним Азов долгое время объясняли, связывая его с личным именем Азум или Азук, которое носил половецкий хан, убитый при взятии города половцами в конце XI века. Были и другие предположения. Однако более вероятной считается иная гипотеза: по ней в качестве основы для названия местности, а потом и города могло послужить слово *азак*, *азан*, этот корень распространен во многих тюркских языках в значении «низ», «низкое место».

Пожалуй, самое известное из всех морей, омывающих берега нашей Родины, это Черное море. Какая же история происхождения и становления его имени?

Самое древнее из названий Черного моря, вероятно, иранское — Ахшаена, то есть «темное». Как вы видите, уже в нем закреплен, казалось бы, определенный зрительный образ. Однако дело здесь не в цвете воды, а в характере, нраве моря: оно было более суровым по сравнению с известными древним мореплавателям южными морями.

Следующее по хронологии название — древнегреческое: Понтос Мелас, что переводится как «Черное море». Этот гидроним мы можем найти еще у Еврипида. Однако в бытовом использовании у греков чаще встречалось не калькированное (переведенное по смыслу), а само иранское название, переплавленное, однако, в древнегреческое слово *Аксэйнос* — «негостеприимное». Поэтому часто в наших исследованиях по истории, географии Черное море упоминается как Понт Аксинский; для древних греков оно было холодным, мрачным, бурным и опасным. Впоследствии произошла любопытная метаморфоза: с развитием греческой колонизации на берегах Черного моря, с расширением регулярных экономических и культурных связей греков с местным населением название было заменено на схожее по звучанию, но противоположное по значению — Эвксейнос

или Понт Эвксинский, означавшее «гостеприимное море» (примерно с VI века до нашей эры). Замена названия была вряд ли случайной. Обратите внимание на многочисленные наименования греческих поселений — колоний Ольвия («счастливая») и другие примеры «зазывных», по словам В. А. Никонова, названий в неприветливых странах колонизации.

С IX века море носило название Русское; оно встречается в наших летописях, начиная с 858 года вплоть до XIV века. Находим мы его и в арабских источниках X века. Когда же Причерноморье захватили турки, они дали морю название Фанар Кара денгиз — «Злое Черное море» (*денгиз, дениз* или *тенгиз* в тюркских языках означает «море» или «большое озеро»; так, например, туркмены, казахи, узбеки и другие тюркоязычные народы нашей страны называют Черное море Карадengизом, Каспийское море — Хазардengизом и Каспыденгизом, Аральское море — Аралденгизом).

Турецкое название моря объяснялось, вероятно, не только тем, что оно было бурным, опасным для плавания, но и тем, что экспансия, попытки турок колонизировать эти районы встречали ожесточенное («злое») сопротивление жителей Причерноморья.

Согласно другой гипотезе, название Черное море, которое, как мы видим, корнями своими уходит далеко в седую древность, было связано с другой мотивацией — с географической ориентировкой. Ученым-топонимистам известно, что цветовые обозначения стран света приняты во многих языках Азии и черный цвет обозначал север. Таким образом, Черное море могло иметь значение «северное море». Связь этого гидронима с русским словом *черный*, как вы знаете, в современном нашем языке отсутствует. Примером этому могут служить хотя бы строки из популярной некогда песни: «Самое синее в мире Черное море мое»...

С этой точки зрения не исключено, что в названии Белого моря также могло найти отражение цветовое обозначение стран света. Однако наиболее распространена та версия, согласно которой эта часть Северного Ледовитого океана названа так потому, что значительное время года покрыта льдом и снегом, или потому, что цвет его воды белее, чем у многих других морей (благодаря обилию в воде микроскопических живых организмов и других частиц, рассеивающих, но не

разлагающих солнечный свет); по другим предположениям, вода имеет белесоватый цвет, поскольку отражает северное небо...

На востоке берега нашей страны омывает Тихий океан. Другое его название — Великий. Это самый большой океан нашей планеты. Считается, что первым европейцем, увидевшим Тихий океан, был испанский мореплаватель и конкистадор Васко Нуньес де Бальбоа. Он увидел его с Панамского перешейка в 1513 году и дал ему название Mar del sur — «Южное море» (в противоположность Северному морю, то есть Атлантическому океану, который он оставил за собой к северу). Спустя несколько лет (в 1520—1521 годах) португалец Фернан Магеллан пересек Тихий океан, и за сто дней плавания от Огненной Земли до Филиппинских островов его экспедиция не испытала ни одной бури: океан был спокоен и тих. Пораженный этим, Магеллан, основываясь на первом впечатлении, дал океану название Mar Pacifico — «Спокойное море». Впоследствии принятое в Англии название Pacific Ocean стало интернациональным, на русский язык оно было переведено как Тихий. (Следует, правда, отметить, что моряки даже в наш XX век, когда безопасность мореплавания значительно увеличилась, отнюдь не считают его тихим). В 1756 году французский географ Бюаш предложил дать океану новое название — Великий, что соответствовало бы, по его мнению, истинным размерам Тихого океана. В итоге в географии утвердились оба гидронима, однако название Тихий стало более употребительным.

Каспийское море... Точнее говоря, если исходить из правил физической географии, морем его никак нельзя назвать. Это величайшее озеро земного шара. Но именно за свои необыкновенные размеры оно и зовется морем. И нет в мире другого такого моря, которое бы носило так много названий, как Каспийское. Даже сейчас, например, на географических картах, изданных в СССР и в Иране, оно обозначено по-разному. На наших картах — как Каспийское море, на иранских — как Дарьян Хазар, то есть Хазарское море.

Название Каспийское море было известно еще в V веке до нашей эры великому историку и географу Геродоту. Однако древние греки знали о существовании моря и до Геродота. Тогда греки называли его Гиркан-

ским — по области Гиркания (по-персидски Гурган) в юго-восточном углу моря. Название же самой территории связано, по-видимому, с рекой Гюрген. Между прочим, у арабов Гирканское море превратилось в Джурджанское, близкое этнониму грузин. Наименование Каспийское ведут от имени народа каспи, который обитал в Закавказье. До нашего времени память об этом этнониме сохраняется в некоторых других географических названиях, например в Грузии: село Каспи близ Гори и город Каспи неподалеку от Триалети. В средние века Каспийское море называли в Западной Европе Бакинским, на Руси — Хвалимским или Хвалынским (название указывало на связь с Хорезмом). Особенно часто менялось название у арабов: одни географы именовали море Мазендаранским, другие Абескунским, третьи Кальзумским, четвертые Казвинским. В путевых очерках русского путешественника Афанасия Никитина (XV век) Каспийское море названо Дербеньским — по городу Дербент. В других русских источниках оно именуется Хазарским, поскольку хазары обитали на его северо-западном побережье. Но все же первым, кто использовал название Каспийское море, был «отец истории» Геродот. Остается лишь сожалеть, что мы не располагаем подробными сведениями о исчезнувшем народе каспи, название которого превратилось в название моря.

В последнее время на страницах прессы, по радио и телевидению все чаще стало упоминаться озеро Байкал. Забота о сохранении этого уникального памятника природы стала всенародным делом. Каким образом возникло название «славного моря», как поется в песне? Предположений было сделано много...

Современные ученые считают, что самая первая версия о слове *Байкал*, ведущем свою родословную от тюркского *бай*, ошибочна (по этой гипотезе слово *Байкал* трактовалось как возникшее из якутского словосочетания *бай-кёль* — «богатое озеро», то есть озеро, в котором много рыбы). Поэтому поиски ведутся сейчас на материале монгольских языков. Однако была сделана попытка сблизить якутские и бурятские слова *бай* в архаичном, устаревшем значении «большой».

В таком случае якутское название Баягал может быть истолковано как «большое озеро», то есть море. Этому можно найти и другие подтверждения в иноязычных названиях, например, того же озера, которые указы-

вают на один и тот же принцип мотивации. Бурятское название Байкала — Далай, оно означает «море». Эвенки называют озеро Лама, что также значит «море».

Несколько отходит от этих гипотез другая версия, которая говорит, что в названии озера Байкал может содержаться древний этноним *бай*, известный на обширной территории от Енисея до Сахалина. Примечателен и еще один лингвистический факт. Первые русские поселенцы, как сообщают письменные источники, называли Байкал Святое море. Может быть, это название (как это часто бывает в топонимии) было скалькировано, дословно переведено с дорусского названия озера? Ответ на этот вопрос ждет исследователей.

По сравнению с морем или даже с озером такой водный объект, как пруд, кажется песчинкой. Однако практически почти каждая такая «песчинка» имеет определенное название, зачастую старое и интересное. Нередко необычными бывают и обстоятельства, при которых возникло наименование того или иного пруда.

До начала тридцатых годов XX века в Москве существовал Лизин пруд, его хорошо помнят некоторые из старожилов столицы. Вообще прудов в старой Москве было множество. По сведениям 1872 года, их насчитывалось в городской черте около двух сотен. За сто лет до этого, надо полагать, было еще больше. Случилось так, что скромный водоем у монастырских стен в южном предместье столицы внезапно стал знаменитым. Он превратился на долгие годы в место паломничества читателей русской литературы. Трудно привести какое-либо другое произведение, которое в этом плане могло бы сравниться с «Бедной Лизой» Н. М. Карамзина!

Долгое время пруд назывался Святым, поскольку располагался под стенами Симонова монастыря, одного из самых старинных и знаменитых на Руси. Монахи, в нем жившие, славились тем, что разводили в Святом пруду необыкновенную по размерам и вкусу рыбу. Ею любил лакомиться царь Алексей Михайлович, когда по пути в Коломенское он останавливался для отдыха в покоях настоятеля Симонова монастыря. После выхода в свет повести Карамзина, в которой пруд и монастырь не назывались, но довольно точно описывались, москвичи сразу же (стихийно) переименовали Святой пруд в Лизин. Факт этот, между прочим, знаменателен еще и тем, что речь-то в повести шла о простой крестьянке,

которая жизнь свою кончила отнюдь не по-христиански, а, как бы тогда сказали, «богопротивным» самоубийством. И все же пруд стали называть по-новому: Лизин. Имя это быстро утвердилось, а о прежнем наименовании помнили лишь старые обитатели Симонова монастыря. «Путеводитель по Московской окружной железной дороге», изданный в 1912 году, дает нам возможность сделать еще одно любопытное топонимическое наблюдение. Эта дорога с 1917 года стала городской границей и прошла поблизости от Лизина пруда. Так вот, одна из ее станций, расположенная между станциями Угрешская и Кожухово, получила тогда название Лизино.

Дальнейшая судьба Лизиного пруда и его названия сложилась печально. В двадцатые годы, как рассказывается в интересной книге журналиста А. Шамаро «Действие происходит в Москве», пруд очень обмелел, зарос и стал походить на небольшое болото. Спустя некоторое время — в начале тридцатых годов — в этом районе началось строительство стадиона для рабочих завода «Динамо» (бывшего «Вестингауза»). Пруд засыпали, а на его месте посадили деревья. Сейчас здесь, неподалеку от станции метро «Автозаводская», вы можете увидеть новое многоэтажное здание административного корпуса завода «Динамо», стоящее почти что на «берегу» бывшего Лизина пруда.

Вместе с географическим объектом, как это бывает в подавляющем большинстве случаев, исчезло и его название. Сейчас упоминание о Лизином пруде в Москве можно найти лишь в старинных изданиях или в работах современных краеведов.

КОНЬЯК, РОКФОР, ФЕСКА И ДОЛЛАР

Казалось бы, что может быть общего между этими четырьмя словами: одно из них — название алкогольного напитка, другое — сорта сыра, третье — головного убора, а последнее — денежной единицы? И все же общая черта, общая примета у них есть. Эти слова, эти нарицательные существительные образованы от имен собственных, конкретно — от топонимов.

В языке происходит постоянный обмен, постоянное взаимодействие между именами нарицательными и собственными. Это положительная черта, она способствует

обогащению словарного состава языка. Превращение нарицательных слов в собственные — процесс, уже нам известный по предыдущим главам. Мы говорили о многих примерах такого рода, когда речь шла о происхождении ряда географических названий.

Потенциальная возможность перехода имени собственного в нарицательное возникает в нескольких случаях. Во-первых, для этого сам объект, носящий название, должен приобрести известность у всех членов определенного языкового коллектива, которые получили некоторый общий уровень воспитания и образования. Я имею в виду крупнейшие горы и реки, государства и их столицы, наиболее популярных политических деятелей, представителей литературы и искусства как современной, так и минувших эпох. Во-вторых, имя, название перестает связываться с каким-то одним сколько-нибудь определенным объектом и делается типичным для многих населенных пунктов, людей, рек, предметов и т. п., чем-либо похожих друг на друга.

Исследования лингвистов показывают, что существует как бы несколько основных линий, по которым развивается нарицательное значение собственных имен. В их числе отмечают следующие: 1) лицо — лицо (*геркулес* в значении «силач»), 2) лицо — вещь (*макинтош* в значении «плащ»), 3) место — вещь (*бордо* в значении «вино», 4) лицо — действие (*бойкот* в значении «прекращение отношений»), 5) лицо — единица измерения (*ампер, вольт, джоуль, кулон*). Конечно, этот список не полон. Можно, вероятно, выделить еще и такие линии, как местность — действие (*панама* — «обман»), местность — место (*камчатка* — «отдаленное место», «задняя парта» в речи школьников), лицо — место (*пенаты* — «родной дом»), и некоторые другие.

Если имя собственное переходит в нарицательное, то оно непременно наполняется новым содержанием. Теперь это значение соотносится с типичной деятельностью именуемого человека, с типичной продукцией, изготовленной данным лицом или в данной местности, с какими-либо характерными условиями местности. Все это справедливо и в тех случаях, когда в нарицательные слова превращаются географические названия, различные топонимы (наблюдения Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова).

Теперь только в специальных словарях мы можем почерпнуть информацию о том, что многие слова нашего

языка, слова привычные и хорошо знакомые именно как нарицательные, в основе своей несут топонимы. Кто скажет, например, что слово *бронза*, встречающееся во многих европейских языках, восходит к наименованию итальянского города? Да, имя города-порта Бриндизи перешло в название металла, которому, как известно, была суждена важная роль в истории человечества. Бронзовый век стал значительным этапом в истории как материальной, так и духовной культуры населения Земли... Или другой пример — *джинсы*. Они популярны сейчас во всем мире. А знаете ли вы, что название этой разновидности брюк в своей основе имеет топоним — имя одного известного итальянского города? Однако предоставим слово специалистам. Вот как описывают историю слова *джинсы*, активно функционирующего в современном русском языке, Л. А. Введенская и Н. П. Колесников, авторы книги «От собственных имен к нарицательным»: «В середине прошлого века калифорнийские золотоискатели носили брюки из прочной хлопчатобумажной ткани, называемой джин. Эта ткань известна с XVI века. Она вырабатывалась первоначально в городе Генуя, от которого и получила свое название. Сделанные из нее брюки были названы джинс. Их носили во время работы или занятий спортом. В русском языке слово джинс употребляется в форме множественного числа — джинсы (по аналогии со словами штаны, трусы)».

А как возникли слова, которые попали в название этой главы книги?

История слова *коньяк*, очевидно, более известна. Названия сортов вин очень топонимичны, это касается как отечественного виноделия, так и зарубежного. Слово *коньяк* своим рождением обязано французскому городу Коньяк. Кроме этого, есть во Франции и города Бордо, Кагор. А слово *шампанское* связано с топонимом Шампань, наименованием исторической провинции во Франции. Именно там некогда зародилось производство шипучих вин, оттуда первоначально производился экспорт шампанского по всему миру. Ныне этот напиток производят многие страны, в том числе Советский Союз. Как вы видите, Франция утратила свой приоритет как над изготовлявшимся продуктом, так и над словом. Но топоним Шампань навсегда сохранился в названии вина, где бы оно ни изготовлялось.

Можно вспомнить массу других слов из той же лексико-семантической группы названия напитков. В одном ряду находятся названия вина *херес* и испанского города Херес-де-ла-Фронтера, вина *токай* и города и винодельческого района Токай в Венгрии, вина *портвейн* и города Порту в Португалии. Почти все популярные грузинские вина называются по историческим областям Грузии — Имеретии, Кахетии или по ее районам и селениям с давними винодельческими традициями — Салхино, Твиши, Мукузани, Цинандали и т. д. Такую же закономерность вы обнаружите в названиях минеральных вод, почти все они образованы от топонимов: Боржоми (Грузия), Нарзан, Ессентуки (Северный Кавказ), Арзни, Джермук (Армения), Дарасун (Бурятия).

Рокфор — название сорта сыра. В своих наименованиях практически все сыры, а также некоторые сорта сливочного масла сохраняют названия тех городов, местностей, территорий, где они изготовляются или же где были созданы впервые. В слово *рокфор* превратилось название французского города Рокфор. Каждый читатель должен знать немало других примеров, все они известны по «покупательскому» опыту: швейцарский, эстонский, костромской, пошехонский, ярославский, голландский, лимбургский и другие сыры. Наименование последнего, кстати говоря, связано с провинциями Лимбург в Бельгии и Нидерландах, которые издавна славятся своим высокоразвитым молочным животноводством и молочными продуктами.

Вспомнить, найти примеры таких слов, которые бы обозначали продукты питания и в основе своей имели бы топонимы, можно при желании очень много. Так, у нас и летом и зимой (что, как правило, очень удивляет иностранцев, первый раз приезжающих в Россию) полным ходом идет продажа мороженого. Как вы знаете, один из тех его сортов, который особенно любят и стар, и млад,— пломбир. Откуда это название? От города Пломбьер близ Дижона в Восточной Франции. Когда какая-то семья приглашает гостей на ужин, обед, то на праздничном столе, как правило, фигурирует салат. Часто он бывает заправлен майонезом. Используют майонез и при приготовлении других блюд. Слово *майонез* звучит явно не по-русски. Какова его история? Оказывается, что и оно связано с географическим названием: в группе Балеарских островов, принадлежащих Испании и распо-

ложенных в Средиземном море, есть остров Менорка, главным городом которого является Маон. Отсюда и майонез; остается добавить только, что свой звуковой облик это слово приобрело в результате того, что в русский язык оно попало из французского.

Нередко по географическим названиям именуются предметы одежды, ткани, обувь. К их числу относится *феска*, мужская шапочка из красного фетра или шерсти в форме усеченного конуса, обычно с кисточкой. Феска распространена в странах Северной Африки и Передней Азии; в некоторых районах Греции и Албании она является принадлежностью национального костюма. Нарицательным словом *феска* стало название города Фес, расположенного в Марокко. Более известным и распространенным является такой предмет одежды, как брюки. Считается, что слово *брюки* произошло от названия фландрского сукна *брюкиш*, которое, в свою очередь, было образовано от наименования города Брюгге в Бельгии. В русском языке действительно зафиксирован историзм (устаревшее слово) *брюкиш* — сукно из Брюгге. Однако слово *брюки*, по-видимому, все же восходит к латинскому bracae — штаны, шаровары. Впервые оно было отмечено в русском языке в конце XVII века как заимствованное из западноевропейских языков. Можно привести и другие наглядные примеры: теплые женские невысокие сапожки *аляски* напоминают о полуострове Аляска, шляпа *тиролька* — об австрийской провинции Тироль, плащ *болонья* — об итальянском городе Болонья, шляпа *панама* — об имени целой страны, вспомните топоним Панама (правда, считают, что такая шляпа первоначально изготавливалась из пальмовых листьев в Эквадоре и только уже потом в Панаме).

Большой интерес всегда вызывают названия некоторых тканей, они необычны по звучанию, имеют, как правило, «нерусский» облик, непонятны, не обладают какой-то прозрачной мотивировкой. Тем любопытнее узнать, что многие из них историю свою ведут именно от географических названий. Так, ткань *бостон* названа по городу Бостон в США. Ткань *джерси* (вариант *джерсе*) — по острову Джерси, входящему в группу Нормандских островов, принадлежащих Великобритании. Наименование исторической области Кашмир, расположенной в бассейне верхнего Инда, дало жизнь слову *кашемир*, которым привыкли называть шерстяную ткань. Поль-

зующаяся большим спросом шелковая материя *крепдешин*, как оказывается, связана с Китаем: ее название представляет собой не что иное, как французское словосочетание crêpe de Chine, то есть «китайский креп». Слово *мадаполам*, (вариант — *мадеполам*) в основе своей имеет топоним Мадаполлам, название небольшого местечка в Индии. Слово *марокен* — название страны Марокко (это было место первоначального изготовления ткани). Слово *муслин* — название города Мосула в Ираке. Не все знают, что и слово *тюль* — производное от географического названия. Первоначальную такую материю производили мастера из небольшого французского городка Тюль (сейчас это центр департамента Коррез). Не менее любопытная история и у слова *шевиот*. Оно образовано от названия местности Cheviot hills в Шотландии, где разводят ценные породы овец. Однако не пытайтесь найти в атласе, в энциклопедии или на глобусе какой-нибудь географический объект (город, реку, гору) под названием Лавсан. Хотя наименование ткани *лавсан* также звучит необычно и топонимично, тем не менее к географическим названиям оно никакого отношения не имеет. Более того, это слово русское, и возникло оно именно в нашем языке. В чем же тут дело? В том, что слово *лавсан* представляет собой аббревиацию, сокращение, состоящее из первых букв слов: Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук.

По географическим названиям получили свои имена многие разновидности культурных растений и домашних животных. *Персик* — от Персии, *гречиха* — от Греции, слива *мирабель* — от населенного пункта Мирабель на юге Франции, *кофе* — от имени лесной области Каффа, расположенной в Эфиопии, где произрастает дикое кофейное дерево. Слово *апельсин* имеет дословное значение «китайское яблоко». А вот примеры, как говорится, из мира фауны: курица *леггорн* названа по городу Ливорно на Лигурийском побережье Италии, собака *болонка* — по городу Болонья в этой же стране, *сенбернар* — по Сен-Бернарскому монастырю в Швейцарии, *ангорская* кошка — по турецкому городу Ангора (так раньше русские называли Анкару).

Десятки оттопонимических слов можно обнаружить среди названий минералов и горных пород. Так, известный всем *агат* назван по реке Ахатес (другое название Дрилла) на Сицилии, *топаз* — по острову в Красном

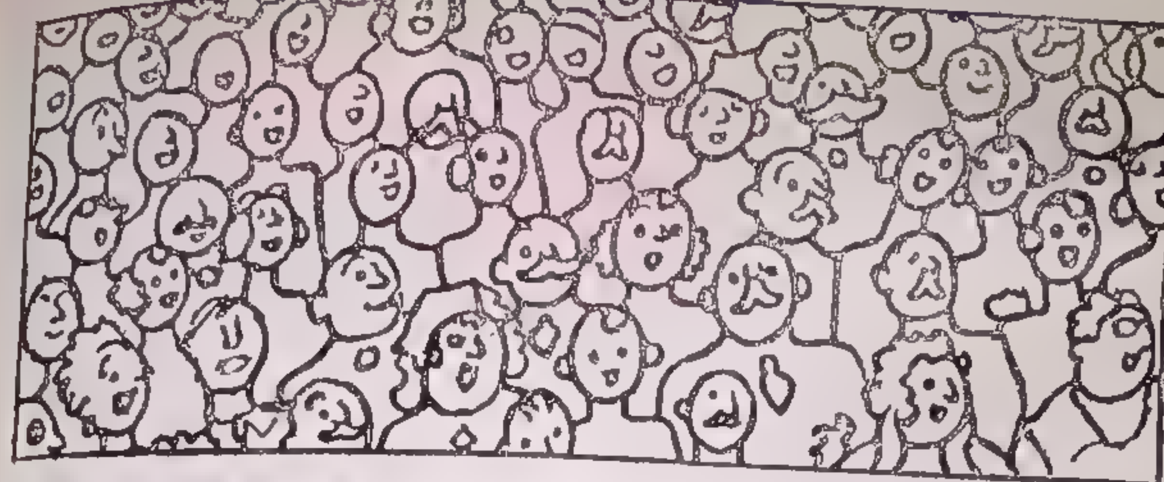
море, *каолин* — по горе Каолин в провинции Цзянси в Китае, где издавна добывалась эта порода, глина для изготовления фарфоровой посуды.

Слово *тариф* имеет еще более сложную историю: оно не просто связано с топонимом, а образовано от такого географического названия, основой которому, в свою очередь, послужил антропоним, имя человека. Сейчас мы употребляем слово *тариф* в значении «ставка или совокупность ставок обложения или оплаты за пользование чем-нибудь». Это слово, как показывают исследования ученых, восходит к наименованию небольшого острова Тарифа. Он расположен у самой южной точки Испании в Гибралтарском проливе. В VIII веке остров захватили арабы, которые организовали здесь контрольный пункт по взиманию пошлины с проходящих судов; ее размер зависел от размеров судна (с этой точки зрения остров был чем-то похож на русский мыт, где так же брали пошлину, откуда, например, топоним Мытищи). Сам же остров получил название по имени военачальника Тарифа Бен Малика, командующего арабской армией, которая высадилась на европейский берег из Африки. (Между прочим, упоминание об этом полководце содержалось и в полном названии Гибралтара, образованном из арабского Джебел-эль-Тарик, то есть «гора Тарика».)

Доллар — денежная единица США. Однако это название не только не американское по своему происхождению, но и вообще не связано с английским языком. Специалисты установили, что в старинном немецком городе Иоахимсталле (ныне город в Чехословакии) некогда чеканилась крупная серебряная монета. Ее называли иоахимсталер. Однако слово было длинным и в то же время весьма употребительным (монета отличалась большим хождением, спросом). Эти внутренние противоречия привели к усечению слова в *талер*. Вот из него-то впоследствии и образовалось слово *доллар*. Но до этого ему еще надо было стать освоенным голландским языком, а затем и американским произношением в английском. Такова история слова *доллар*; вы видите, что оно также оказывается оттопонимическим.

Советские ученые Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников произвели интересные наблюдения и подсчеты. Результаты их исследований показали, что в современном русском языке существует около 700 слов оттопонимического

происхождения. Сами исследователи подчеркивают, что реально таких слов больше. По подсчетам Мгеладзе и Колесникова, в русском языке слов, образованных от европейских топонимов,— около 450 (то есть более 60 процентов от общего числа). Из них на долю Советского Союза приходится 130, Франции — 75, Италии — 60, Греции, Англии — по 30, на страны, говорящие на немецком языке,— 30, Испании — 20. Азиатские топонимы дали нам 150 слов (около 20 процентов), из которых наша страна — 55, Индия — 25. На топонимию Америки приходится 40 слов в русском языке, Африки — 30, а на долю топонимии Австралии — всего 3.



Как вас зовут?

„–Надеюсь, вы не намерены потерять свое имя? –Конечно, нет,– растерянно сказала Алиса.
–Не знаю, не знаю,– пробормотал Комар.– Вы только подумайте, как удобно вернуться домой без имени! Например, вас вызывают на уроке. Учительница говорит: „Иди к доске…“, и тут она замолчит, потому что у вас не будет имени, и вы, разумеется, сможете сделать вид, что зовут не вас, а кого-то там!
–Ничего из этого не выйдет,– сказала Алиса,– и все равно придется отвечать мне, а не кому-то там. Если учительница забудет, как меня зовут, она скажет: „Эй, ты!“, или „Эй!“ или еще как-нибудь“.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

„–Меня зовут Алиса, и я…
–Довольно дурацкое имя!– нетерпеливо перебил ее Шалтай.– Что оно означает?
–Разве имя должно что-нибудь означать?– спросила озадаченная Алиса.
–Вне всякого сомнения,– фыркнул Шалтай-Болтай.– Лично мое имя указывает на ту хрупкую форму, которая мне присуща. Потрясающая форма! А с таким именем, как у тебя, можно оказаться какой хочешь формы, даже самой уродливой.“

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

ОТКУДА ТЫ, ИМЯ?

«Как вас зовут?» — «Николай. А вас?» — «Анатолий. А вас?» — «Марина»... Каждый из нас, разумеется, доподлинно знает, каково правильное написание его собственного имени, имен его родственников, друзей, знает, как образуются отчества от мужских имен и многое другое. Иначе говоря, каждый, как правило, знаком с практической стороной жизни имен в русском языке. Но много ли известно тем же людям о происхождении, значении, истории личных имен, записанных в их паспортах?

Имена людей — часть истории народа. Ученые установили, что в именах (личные имена людей относятся к тому разряду ономастики, который, как отмечалось во введении, называется антропонимией) отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. При этом имена у каждого народа связаны и с развитием производительных сил. Чтобы у данного народа, например у русских, татар или, скажем, аварцев, какое-либо имя появилось и начало употребляться, нужны определенные культурно-исторические условия. Поэтому-то оказывается, что почти все имена людей несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи. Общим законом для всех языков, несмотря на чрезвычайную пестроту личных имен и несхожесть принципов именования (как говорят специалисты, антропонимических формул: у русских и многих других народов СССР эта формула имеет вид **имя + отчество + фамилия**), является то, что личные имена имели все люди во все времена и во всех цивилизациях.

Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает...

Гомер. Одиссея

Русский язык относится к восточнославянской подгруппе славянских языков индоевропейской языковой семьи. Родные его братья — украинский и белорусский языки, братья двоюродные — болгарский, сербский, чешский, словацкий, польский и др. Так вот, если мы проанализируем весь русский именник, все личные имена, которые распространены сейчас у русских, то установим парадоксальный (на первый взгляд!) факт: большинство русских личных имен по своему происхождению не исконно русские. Да, да! Все эти Елены и Ирины, Марины и Татьяны, Галины и Натальи, Михаилы и Александры, Сергеи и Леониды, Василии и Андреи, десятки других имен с точки зрения своей истории, своего происхождения к русскому языку никакого отношения не имеют. В чем же тут дело?

Церковь, обладавшая монопольным правом нарекать младенца именем, запрещала древнерусские имена как языческие и заменяла их христианскими. Почти все личные имена, входящие в русский именник (сейчас и ранее), бытующие у русских, принесены христианством на Русь через Византию. Поэтому они восходят к греческому, латинскому и некоторым восточным языкам. Следует сразу же подчеркнуть, что явление такого рода характерно и для многих других народов; так, например, у испанцев крайне мало собственно испанских имен, поскольку большинство используемых ими личных имен было принесено католичеством из Рима, у многих тюркоязычных народов преобладают имена не тюркские, а арабские или иранские и т. д.

До принятия христианства на Руси были распространены такие имена, которые отражали в себе как в зеркале целую гамму различных свойств и качеств людей, особенности их характера, поведения, речи, физические достоинства и недостатки, время и «очередность» появления того или иного ребенка в семье и многое другое. Основой для таких имен становились как просто соответствующие нарицательные существительные, так и сравнения с животными, растениями.

Несмотря на политику церкви, многие имена такого рода дошли до нас в памятниках письменности: Ждан,

Неждан, Большой, Меньшой, Первой, Третьяк, Буян, Рябой, Кривой, Волк, Кот, Бык, Воробей. Следы таких имен просматриваются и во многих современных русских фамилиях: Нежданов, Воробьев, Большаков, Третьяков и т. п.

Как известно, христианство на Руси было принято в конце X века. С этого времени древнерусские имена были вытеснены церковными — как собственно греческими, так и древнеримскими, древнееврейскими, сирийскими, египетскими. Конечно, у каждого из этих народов такие имена имели определенное значение, поскольку возникли из нарицательных слов; однако при переходе в другой язык они становились уже только именами собственными. Так, в древности Византия собрала лучшие имена из своего языка, а также иноязычные (в основном соседних народов) и канонизировала их, иными словами официально узаконила, сделав именами церковными.

Правда, древнерусские имена не сразу сдали свои позиции в языке. Письменные источники показывают, что буквально до XVII века у русских людей параллельно с христианскими именами, дававшимися церковью, существовали и так называемые мирские, неканонические. Таким мирским именам было уготовано в дальнейшем перейти в прозвища. Вот несколько примеров: *боярин Феодор, зовомый Дорога; Федот Офонасьев сын, прозвище Огурец; в крещении Иосиф, а мирьскы Остромир* (новгородский посадник, 1056); *преставился князь Михайло, зовомый Святополк* (1113). Примеров такого плана можно обнаружить великое множество.

Однако к XVIII—XIX векам древнерусские имена уже полностью были забыты и вышли из употребления. Все новорожденные в России получали только церковные (или, как их еще называют, календарные) имена. Кроме того, сам список имен (так называемые святцы) имел строгие ограничения. Вот что писалось в «Санкт-Петербургском духовном вестнике» в 1895 году: «Православным имена должны быть даваемы исключительно в честь святых православной церкви, и строго воспрещается давать имена римско-католические, протестантские и проч.». В соответствии с правилами прежних времен ребенку давалось имя того святого, чей день чествования приходился на день крестин. При выборе имен для девочек правила были чуть менее строгими: «При наречении имени новорожденным стараться да-

вать имена тех святых, кои празднуются в 8-й день после рождения младенца или в промежуток этого времени, сделав исключение лишь для лиц женского пола». На деле получалось так, что многие девочки, родившиеся, например, во второй половине января, могли получить имя Татьяна (Татьянин день отмечался 25 января). Иногда священнослужители подыскивали младенцу в святцах такое имя (особенно если он был из семьи простолюдинов), что бедные родители только за голову хватались. Правда, чтобы не растерять своих приверженцев, церковь шла на уступки тогда, когда речь шла о родителях младенца из привилегированных сословий или обеспеченных семей: они могли выбирать имя, не согласовывая его с церковным календарем (но, разумеется, только из святцев).

В то же время в дореволюционной России личное имя человека зачастую несло яркую социальную характеристику, употреблялось в определенной социальной среде. Как установил В. А. Никонов, в XVIII веке крестьянских девочек часто называли Василисами, Феклами, Федосьями, Маврами. Девочка, родившаяся в дворянской семье, такого имени получить не могла. Зато в дворянских семьях бытовали тогда такие женские имена, которые были неупотребительны у крестьянок: Ольга, Екатерина, Елизавета, Александра.

Между прочим, Пушкин отнюдь не случайно подчеркивал, что имя героини «Евгения Онегина» было неразлучно с «воспоминаньем старины». Помните эти строки?

> Ее сестра звалась Татьяна...
> Впервые именем таким
> Страницы нежные романа
> Мы своевольно освятим.
> И что ж? оно приятно, звучно,
> Но с ним, я знаю, неразлучно
> Воспоминанье старины
> Иль девичьей!..

Как показывают архивные документы, имя Татьяна поначалу жило преимущественно в дворянской среде. Но уже к концу XVIII — началу XIX века оно стало широко употребительно в крестьянских и купеческих семьях. Семья Лариных, придерживавшаяся старых традиций («Они хранили в жизни мирной Привычки милой старины»...), могла даже в начале XIX века дать своей дочери имя Татьяна, которое в дворянских семьях встречалось уже все реже и реже. Кстати говоря, именно бла-

годаря А. С. Пушкину и огромному успеху романа «Евгений Онегин» имя Татьяна получило новую жизнь.

Автору этой книги в течение некоторого времени довелось вести рубрику «Имя собственное» на научно-популярной полосе «Клуб любознательных» газеты «Комсомольская правда». После каждой публикации приходило много читательских писем. Когда на страницах газеты речь зашла о личных именах, в редакционной почте стали появляться письма, в которых высказывалась следующая просьба: «Мы настолько часто употребляем личные имена, что абсолютно забываем, что каждое из них — как и все другие слова нашего языка — имеет свою историю и первоначальное значение. Разумеется, для нашей повседневной жизни этот факт не представляет особой важности. Но интерес — да! Просим вас написать о том, что означают наиболее распространенные у нас мужские и женские имена, из каких языков они пришли».

Действительно, читатели «Комсомолки» были правы: для нашей жизни абсолютно неважно, означает ли ваше имя «чайка» или «мудрость», пришло ли оно из греческого, латинского или какого-либо другого языка. Только на Западе, где сейчас особенно в моде стали гадалки, прорицатели, астрологи и прочие шарлатаны, можно встретить книжонки из серии «Твое имя — твоя судьба» и им подобные. В таких изданиях рассказывается о том, какие невзгоды и радости ждут человека на жизненном пути, если он носит то или иное имя. Мы отвергаем фатальную зависимость судьбы человека от имени, которое он получил при рождении. У нас судьба человека в руках самого человека, и его имя, история и значение этого слова здесь абсолютно ни при чем. Можно вспомнить и известное высказывание К. Маркса из «Капитала»: «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом...» Однако правы были авторы писем и в том, что подлинно научный интерес личные имена в русском языке могут иметь (и имеют) с точки зрения их происхождения, истории, смысла слов, которые легли в их основу. Предваряя возможные вопросы читателей этой книги, скажу сразу: сведения такого рода вы сможете найти в полезных и интересных книгах о личных именах, небольшой список которых приводится в конце книги, в разделе «Вместо заключения». Однако практика показывает, что не всегда эти издания

есть в продаже или в библиотеках. Поэтому в данной главе мне представляется уместным поместить очень краткие сведения о происхождении и значении некоторых наиболее распространенных у нас личных имен. Начнем с имен женских. В скобках назван язык, к которому исторически восходит то или иное имя.

Анна (древнееврейское) — милость.

Вера (русское) — перевод греческого имени Пистис.

Галина (греческое) — тишина, кротость, безветрие.

Екатерина (греческое) — чистота, благопристойность.

Елена (греческое) — солнечная, светлая.

Елизавета (древнееврейское) — бог мой, клятва.

Зинаида (греческое) — потомок Зевса.

Зоя (греческое) — жизнь.

Ирина (греческое) — мир, покой.

Ксения (греческое) — гостеприимство.

Лариса (греческое) — чайка.

Любовь (русское) — перевод греческого имени Агапэ.

Людмила (русское, славянское) — милая людям.

Маргарита (греческое) — жемчуг, жемчужина.

Мария (древнееврейское) — первоначальное значение определяется с трудом, возможно, любимая, желанная.

Надежда (русское) — перевод греческого имени Элпис.

Наталия (латинское) — возможно, природная или рождество.

Ольга (скандинавское) — святая.

Раиса (греческое) — легкомысленная, беспечная.

Светлана (русское) — светлая.

Тамара (древнееврейское) — финиковая пальма.

Татьяна (греческое) — возможно, учредительница.

Юлия (латинское) — кудрявая.

Теперь приведем сведения о происхождении и первоначальном значении наиболее известных у нас мужских личных имен.

Александр (греческое) — защитник.

Алексей (греческое) — отражающий, предотвращающий.

Анатолий (греческое) — восток, восход солнца.

Андрей (греческое) — мужественный.

Артем (греческое) — посвященный Артемиде.

Борис (русское, болгарское) — возможно, сокращенное Борислав — бороться за славу.

Вадим (русское) — возможно, сеящий смуту, забияка.

Валерий (латинское) — здоровый, крепкий.
Василий (греческое) — царский, царственный.
Виктор (латинское) — победитель.
Виталий (латинское) — жизненный.
Владимир (славянское) — владеть миром.
Геннадий (греческое) — благородный.
Георгий (греческое) — земледелец; на русской почве это имя приобрело еще две формы: Егор и Юрий.
Григорий (греческое) — бодрствующий.
Илья (древнееврейское) — бог мой Яхве.
Кирилл (греческое) — повелитель, владыка.
Леонид (греческое) — подобный льву.
Максим (латинское) — величайший.
Михаил (древнееврейское) — кто как бог, подобный богу.
Никита (греческое) — победитель.
Николай (греческое) — победитель народов.
Олег (скандинавское) — святой.
Павел (латинское) — малый.
Петр (греческое) — камень.
Сергей (латинское) — возможно, высокий, высокочтимый.
Степан (греческое) — венок.
Федор (греческое) — божий дар.

Следует подчеркнуть, что относительно происхождения и первоначального смысла некоторых имен среди специалистов не существует еще окончательного и общепринятого мнения; сведения такого характера — разные версии и гипотезы — вы можете найти в специальной литературе.

Как видите, даже такой беглый обзор истории имен, которые всем нам известны и привычны, указывает на их иноязычное происхождение. Но означает ли это, что они должны восприниматься в нашем языке как слова посторонние, чужие? Нет и еще раз нет. Так же как и огромное количество нарицательных слов, эти собственные имена следует считать словами русского языка, поскольку они полностью им освоены.

Разве кто-нибудь будет сейчас сомневаться, что нашему языку, нашему именнику не присуще имя Иван? Наоборот, это имя в ряде случаев даже является как бы обобщающим для нас, русских людей (старшее поколение может это хорошо помнить по событиям Великой Отечественной войны). Если же мы начнем подробно

выяснять историю имени, его происхождение, то узнаем, что оно пришло к нам из греческого языка, где имело иной облик — Иоанн. В греческий же имя попало из древнееврейского языка, где имело форму Иоханан. Этот антропоним представлял собой целую древнееврейскую фразу, которую можно перевести на русский язык предложением: «бог благоволит». Антропоним Иоханан — Иоанн попал не только в русский, но и во многие другие языки мира, и главную роль здесь сыграла церковь. У русского имени Иван по всему свету разбросано множество родственников: английское имя Джон, немецкое Йоханнес, Йоганн, французское Жан, итальянское Джованни, шведское Юхан, датское Йенс, испанское Хуан, арабское Юханна...

Назвать имя Иван русским нам позволяет тот факт, что оно прошло все ступени адаптации иноязычного слова: во-первых, оно освоено фонетической системой русского языка, мы произносим его по правилам русской фонетики, используя только звуки, свойственные русской речи; во-вторых, оно освоено грамматической системой нашего языка, например, изменяется по падежам так же, как и существительные мужского рода второго склонения; в-третьих, уже на русской почве оно дало целый ряд производных — уменьшительные Ваня, Ванюша, Ванятка, фамилии Иванов, Ивановский и многие другие.

Сейчас никого не удивит, если в одной семье сыновья будут носить имена Юрий, Георгий, Егор. Но всего лишь лет сто назад подобный случай был бы невозможен. Дело в том, что это имена-братья; когда-то они были разными формами одного и того же имени — Георгий. Церковное имя Георгий по своему происхождению древнегреческое (и, как говорилось выше, может быть переведено на русский язык как «земледелец»). Но, попав на русскую почву, оно получило несколько различных форм. Поэтому иногда и приходится сталкиваться со случаями, когда по церковной метрике человек носит имя Георгий, а в паспорте у него указано — Егор. Бывает и так, что (при оформлении пенсии, например) граждане представляют несколько различных документов, а в них указаны все три формы имени: Георгий — Егор — Юрий.

Сейчас, в наше с вами время, это безусловно три разных имени. Обособление форм Георгий — Егор — Юрий

4 2–2084

произошло не сразу, а постепенно. Причем, как показывают исследования советских ученых, раньше этот процесс закончился в городах: там уже в двадцатых годах Юрий, Егор и Георгий использовались как разные имена. В сельской местности даже еще в конце тридцатых годов чаще всего это были формы одного имени, записанного при крещении,— Георгий.

Нередко, когда речь заходит о русских именах, доводится слышать вопрос: «Какие личные имена, мужские и женские, являются сейчас самыми распространенными?» При этом в разных изданиях, в разных статьях и книгах как специального, так и популярного характера вы найдете разные ответы. Тому есть объективная причина. Выбор имени — вопрос сложный, он обусловлен историческими, социальными, географическими, эстетическими факторами и традициями. Поэтому в разных городах, в разных областях и районах первые места по популярности нередко занимают разные имена. Автор этой книги живет и работает в Москве. Поэтому иллюстрация степени популярности того или иного личного имени будет приведена на московском материале.

Документы одного из районных загсов столицы — Брежневского — весьма наглядно показывают, что с 1975 по 1980 год включительно самыми популярными именами для новорожденных жителей района были: Елена, Наталия, Ольга, Ирина, Анна, Светлана, а также Сергей, Алексей, Александр, Андрей, Олег, Владимир (имена даются в порядке убывания частотности, по этому же принципу составлена таблица).

Имена	Количество регистраций по годам					
	1975	1976	1977	1978	1979	1980
Мужские						
Сергей	213	266	305	329	364	403
Алексей	186	235	278	319	331	351
Александр	145	175	201	248	291	312
Андрей	110	132	107	144	187	236
Олег	51	72	61	86	97	117
Владимир	48	57	76	84	103	124
Женские						
Елена	225	274	315	368	397	426
Наталия	203	246	289	323	361	402
Ольга	168	201	223	314	349	391
Ирина	137	185	214	272	301	342
Анна	72	103	139	189	193	204
Светлана	43	94	112	131	154	172

Эти и многие другие данные показывают, что к настоящему времени в русском обществе установился достаточно постоянный набор мужских и женских личных имен. При этом количественный состав употребляемых (в массе) современных личных имен нельзя назвать большим: состав мужских имен колеблется от 40 до 80, а женских от 60 до 120. Основная часть этого списка представляет собой традиционные русские календарные имена.

А ПО БАТЮШКЕ — КУЗЬМИЧ

Выше уже мельком было сказано, что для русских людей полное имя имеет вид трехчленного словосочетания, которое сложилось исторически: имя+отчество+фамилия. Ныне эта формула стала паспортной. Например, Владимир Викторович Бородин, Николай Константинович Смирнов, Татьяна Владимировна Баранова, Александра Михайловна Адырхаева и т. п. Эта формула выполняет социальную функцию. При этом каждый из компонентов полного паспортного имени обладает своей специфической ролью и соответственно своей сферой бытования.

Имя человека в основном служит для различения лиц в каком-то небольшом коллективе знакомых людей или родственников: в семье, в классе, в студенческой группе, в бригаде — одним словом, в каком-то узком кругу. Фамилия помогает отличать членов данной семьи от членов другой семьи. Посредством отчества выражается связь детей с отцом, человек определяется по его ближайшему родству.

У русских отчества существовали отнюдь не во все времена. Когда же и как они появились? Чтобы нагляднее это себе представить, обратимся к истории языка, к памятникам письменности...

Откроем пожелтевшие страницы старинных рукописей и почти наверняка тут же обнаружим ряд слов, которые были образованы при помощи суффикса *-ич*. В своих исследованиях доктор филологических наук профессор В. И. Максимов и А. Л. Максимова обращают внимание на разные функции этого суффикса, он мог сочетаться со словами как мужского, так и женского рода: господинич — сын господина, княжич — сын князя, мамич — сын мамы (кормилицы) и т. д. Присоединяясь

4*

наименованиям животных, суффикс *-ич* участвовал в образовании названий их детенышей: соколич, голубич, львич. Таким образом, мы можем заключить, что в древности суффикс *-ич* имел значение не отчества (как сейчас), а значение невзрослости или «детскости», если можно так сказать. Позднее, видимо в XVI веке, в русском языке появился другой суффикс: *-онок, -енок*. Он-то и вытеснил в названиях животных суффикс *-ич:* стали говорить и писать не соколич, а соколенок и т. п.

Какова же была дальнейшая судьба суффикса *-ич*? Исчез ли он из употребления? Нет, не исчез. Изменилась его функция: в сочетании с именами суффикс стал использоваться для образования отчеств. Первые письменные русские памятники дают нам свидетельство того, что при назывании сына по отцу суффикс *-ич* мог исстари присоединяться к собственным именам. Например, Сварожич — сын Сварога (языческое божество у древних славян, олицетворяющее огонь). Однако Сварожич (хотя мы его сейчас здесь и пишем с прописной буквы) было еще нарицательным словом, таким же, как княжич, братич, и т. д. Сейчас трудно с точностью назвать время, когда образования на *-ич* стали употребляться как разновидность имен собственных, как отчества. Однако в древнейших летописных записях мы встречаем такие имена, как Василко Ростиславич, Игорь Ярославич; это записи XI—XII веков.

Между прочим, не были отчествами и первые русские слова, оканчивающие на *-ович, -евич*. Это были нарицательные слова, которые возникли как наименования детей: поп — попович, король — королевич, царь — царевич. Но все же чаще всего суффикс *-ович/евич* «работал» в образовании слов от личных имен или прозвищ. Вот несколько древних записей — Иван Халдеевич (1146), Дорогомилович Иван (1272). Причем первоначально такие слова (так же как и образования на *-ич*, типа Ярославич) не были, по-видимому, отчествами в полном смысле, а могли иметь буквальное значение «сын такого-то». На это нам указывает в ряде случаев даже порядок слов. Например, Полуторанов сын Анфим имеет значение Полуторанович Анфим. И только позднее собственные имена с суффиксом *-ович/евич* окончательно закрепились в языке именно как отчества.

В русском языке, как мы знаем, существует огромное количество пословиц и поговорок. Некоторые из них

связаны по своему смыслу с... отчествами. Вот некоторые из них: «Наши вичи едят одни калачи», «Без вотчины, так без отчества», «Богатого по отчеству, убогого по прозвищу». С чем связано их появление? С историческими и социальными судьбами отчества.

Московские государи искореняли любые проявления удельной самостоятельности. Разве могли они согласиться на именование всех своих подданных отчеством? Ведь это должно было выражать уважение к собеседнику или адресату.

Общество было сословным, и беспрекословным авторитетом мог пользоваться только лишь царь всея Руси. Так случилось, что отчество стихийно разделилось как бы на несколько разрядов. Холопы же вообще его не имели. Просто знатные люди получали полуотчество: Петр Осипов Васильев. Что же касается отчества, оканчивающегося на ***-ич***, то оно весьма быстро стало противопоставляться другим именованиям по отцу. Это отчество стало как бы знаком того, что человек, его носящий, принадлежит к сословной, аристократической верхушке. Примеров тому много. Взять хотя бы «Тысячную книгу 1550 г.», в которой содержится список тысячи «лутчих слуг» московского царя, которым были даны поместья под Москвой. В этом памятнике с ***-вич*** упоминаются только «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии» и небольшая группа лиц, которые принадлежали к сословной верхушке. Это были бояре княжеского и некняжеского происхождения: князь Иван Иванович Пронский, окольничий Федор Михайлович Нагой, казначей Фома Петрович Головин и другие. Все же остальные тысячники (а среди них были и лица княжеского происхождения) в памятнике поименованы только полуотчеством на ***-ов/ев***: князь Василий княж Федоров сын Лопатин, Иван Федоров сын Воронцов.

Если вы откроете второй том нового «Словаря русского языка XI—XVII вв.» на странице 195, то найдете словарную статью ***-вич***. Составители словаря указывают, что это «суффикс отчества мужских имен для привилегированных лиц и сословий». Точнее говоря, ***-вич*** выделился из отчества (ведь русские отчества чаще всего образуются при помощи суффиксов ***-ович/евич*** и никогда при помощи ***-вич***), перестал быть суффиксом в полной мере и начал употребляться самостоятельно, превратившись в особый термин привилегированности, родовито-

сти лиц или сословий. Об этом совершенно справедливо писал в журнале «Русская речь» советский лингвист Г. К. Валеев. А вот и любопытный пример, подтверждающий высказанную им мысль. Откроем памятник середины XVII века — так называемые «Донские дела»: «Отписать въ Посольской приказъ, на Ливнахъ хто стрѣлетцкой или казначей голова. Любимъ Осиповъ сынъ Омешовъ. Не съ вичомъ ли къ нему пишутъ? Писать безъ вича».

Любопытно и другое. То, что ***-вич*** как бы отделялся от имени в официальных бумагах, привело к тому, что он начал восприниматься как титул (вспомните служебные слова из западноевропейских языков, указывавшие на родовитость: во французском — де, в немецком — фон, в голландском — ван). В соответствии с таким положением ***-вичем*** можно было и награждать? Да, так и поступали русские цари, чему мы имеем целый ряд документальных подтверждений. Царь Иван Грозный, например, пожаловал ***-вичем*** одного из своих опричников — немца (!) Генриха Штадена, отца которого звали Вальтером (историки утверждают, что Штаден был отъявленным авантюристом, прослышавшим о темных делах на Руси и явившимся сюда, как сейчас бы сказали, «за длинным рублем»; однако для нас в данном случае важно то, что Штаден, которого Грозный повелел звать Андреем Володимеровичем, оставил потомкам воспоминания о своей службе). Вот как сам Генрих Штаден пишет об этом эпизоде: «Частица «вич» означает благородный титул. С этих пор я был уравнен с князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что это — рыцарство». Воспоминания Генриха Штадена, озаглавленные «О Москве Ивана Грозного», были опубликованы отдельной книжкой в 1925 году в Ленинграде и ныне — библиографическая редкость.

Произведения художественной литературы дают нам также много примеров, когда писатели обыгрывали факты присвоения отчества с ***-вичем*** людям за какие-то их особые заслуги. Так, в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» дается как бы иллюстрация к предположению Н. М. Карамзина о том, что во времена Ивана Грозного семейству Строгановых был пожалован титул именитых людей и право писаться с ***-вичем***:

«Строгоновы низко поклонились.

— Кто из вас,— спросил вдруг Иоанн,— излечил Бориса в ту пору, как я его осном поранил?

— То был мой старший брат, Григорий Аникин,— отвечал Семен Строгонов.— Он волею божьею прошлого года умре!

— Не Аникин, а Аникьевич,— сказал царь с ударением на последнем слоге,— я тогда же велел ему быть выше гостя и полным отчеством называться. И вам указываю писаться с вичем и зваться не гостями, а именитыми людьми».

В «чиновной росписи» Екатерины II, составленной в соответствии с петровской табелью о рангах, употребление разных форм отчества было законодательно закреплено. Напомним, что табель о рангах подразделяла все государственные должности — от самых высших до самых низших — на четырнадцать рангов, классов. Высшим гражданским чином был канцлер, за ним следовал действительный тайный советник и так далее вплоть до коллежского регистратора. Существовали соответствующие должности в армии, на флоте. Со времен Екатерины II официально было узаконено, что особ первых пяти классов следовало писать с отчеством на *-вич;* лиц, занимавших должности с шестого класса до восьмого включительно, предписывалось именовать полуотчеством, всех же остальных только по именам.

Однако формы отчества на *-ов/ев* в XIX веке употреблялись лишь в канцелярской речи, в официальных документах. В неофициальных же ситуациях, в быту русские люди именовали друг друга также и по именам и отчествам в такой форме, которая привычна нам теперь: величание на *-ович, -евич, -овна, -евна, -ич, -инична* не ограничивалось. Иногда оно использовалось даже вместо имени (как, впрочем, и сейчас), когда говорящий хочет подчеркнуть особое уважение к человеку, выказать оттенок расположения, любви. Не случайно герой «Капитанской дочки» А. С. Пушкина молодой Гринев зовет своего старого преданного слугу Савельичем. Со школьной скамьи нам известен и другой литературный персонаж — Ниловна, героиня романа Максима Горького «Мать». Эта традиция имеет далекие корни. Скажите, например, как звали Ярославну из «Слова о полку Игореве»? Для многих этот вопрос будет неожиданным: Ярославна и Ярославна, жена князя Игоря. Вот так ее и зовут! На самом же деле это не имя, а самое настоящее

отчество. Из истории Руси известно, что женой князя Игоря была дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла, которую звали Евфросинья. Так что именовать ее полностью мы должны были бы Евфросинья Ярославна. Автору же «Слова» было достаточно одного отчества — Ярославна. Правда, это особый случай, поскольку традиционно в именовании женщины на Руси по мужу или по отцу сказывалось ее зависимое положение в семье. Позднее именование женщин по отчеству носило оттенок уважения. С такими антропонимами мы не раз встречаемся в произведениях Н. А. Некрасова:

> Покуда Тимофеевна
> С хозяйством управлялася,
> Крестьяне место знатное
> Избрали за избой...

На протяжении всего XIX века мы наблюдаем постоянное смешение и взаимодействие отчеств разных форм. Зачастую это лингво-социальное явление использовалось в качестве материала писателями, например И. С. Тургеневым в романе «Отцы и дети»:

«...позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Евгений Васильев,— отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом и, отвернув воротник балахона, показал Николаю Петровичу все свое лицо...

— Надеюсь, любезнейший Евгений Васильевич, что вы не соскучитесь у нас,— продолжал Николай Петрович».

По мнению Г. К. Валеева, представляясь дворянину Кирсанову как Евгений Васильев — без *-вича,*— будущий врач Базаров демонстративно выпячивает свое демократическое происхождение (он ведь гордился, что его дед землю пахал). Обращение же Николая Петровича, которое носит нарочно предупредительный характер — «любезнейший Евгений Васильевич»,— подчеркивает, что Кирсанов хорошо понял своего собеседника.

После Великой Октябрьской социалистической революции социальный уклад в нашей стране изменился коренным образом. В связи с этим и отчества сделались обязательным компонентом именования русских людей; распространены отчества и у различных неславянских народов Советского Союза.

Отчество, употребляемое отдельно, без имени, как правило, подчеркивает уважение к человеку, его вла-

дельцу. Недаром говорит пословица: «По имени называют, по отчеству величают». Кроме того, в ряде случаев такое употребление отчества выполняет и функцию возрастной характеристики. Известный советский исследователь антропонимии кандидат филологических наук С. И. Зинин подчеркивал: «В крестьянской и рабочей среде существовал и сейчас существует обычай уважаемых людей именовать только по отчеству. С большой любовью рабочие и крестьяне Владимира Ильича Ленина звали Ильич; к Горькому обращались по отчеству Максимыч».

Современные русские отчества образуются при помощи суффиксов *-ич, -ович, -евич, -овна, -евна, -ична, -инична*, которые присоединяются к именам отцов в их официальной форме. По действующему законодательству при рождении ребенка у матери, не состоящей в браке, отчество записывается по указанию матери.

По «работающим» словообразовательным моделям в устной речи и художественной литературе образуются слова, имеющие формально все признаки отчеств, на деле же не будучи ими. Как правило, этим словам поручается важная, чаще всего оценочная функция — функция отношения: от иронически-шутливого до саркастического, злого. Сошлемся на два примера. Один из прозы (роман Ф. Абрамова «Две зимы и три лета»), другой из поэзии (Е. Евтушенко).

«Ганичев прочистил горло и закончил вдруг совсем просто: «Но-но! Веселее, Иван батькович. Такую войну спихнули...»

Компромисс Компромиссович
Шепчет мне изнутри:
«Ну не надо капризничать.
Строчку чуть измени».

Когда в русском языке утвердился термин *отчество*? Не так просто ответить на этот вопрос. Лингвисты считают, что слово *отчество* в значении «именование по отцу» следует считать довольно поздним. Как показывают наблюдения, в памятниках письменности оно начинает встречаться практически лишь с XVII века. Например: «Жалоба государи нам, сиротам вашим, на кунгурцев Торговишского острогу на Остафия, отчество его опамятовали, и на сына его Спиридона». Тем не менее ряд фактов свидетельствует, что в этом значении слово *отчество* в XVII веке еще окончательно не утвердилось.

Иначе как же объяснить другой текст тех времен: «По твоему, великого государя, указу и по грамоте велено стрельцов, и казаков, и пушкарей, и воротников, и пушкарского чину, и иных нижних служилых всяких чинов переписать по именам, с отцы и с прозвищи»? Здесь, как считает Е. Н. Полякова, выражение «с отцы», видимо, значит «по отчеству», с указанием на отца.

Слово *отчество* начинает последовательно употребляться в нашем языке в привычном нам смысле лишь с первой половины XVIII века, со времен Петра I. Его распространению в немалой мере способствовал официально-деловой стиль речи: мы находим слово *отчество* прежде всего именно в различных документах.

БЫЛА ЛИ ФАМИЛИЯ У ИВАНА КАЛИТЫ?

Представим себе на минуту следующую фантастическую ситуацию. Машина времени переносит великого князя Ивана Калиту в наш XX век, в современную Москву. И приходится великому князю заполнять какую-то анкету, предположим в гостинице. Как вы думаете, быстро бы он справился с анкетой? Вы угадали: Ивану Калите пришлось бы туговато. Судите сами. На первые два вопроса ответить было бы легко: «Имя?» — «Иван». «Отчество?» — «Данилович». А вот с третьим вопросом — «Фамилия?» — ему было бы явно не совладать. И отнюдь не из-за отсутствия документов, а по причине отсутствия самой фамилии!..

«Как же можно было обходиться без фамилии? — можете вы спросить. — И что же тогда такое Калита, если не фамилия?» Вопрос этот вполне закономерен. Нам, людям XX столетия, порой бывает довольно сложно представить себе образ жизни предков, поставить себя на их место.

Как это ни парадоксально звучит, но буквально до конца XVIII — середины XIX века большинство населения России фамилий не имело.

Появление и распространение фамилий было сложным и очень длительным процессом, и зависел он прежде всего от степени социально-экономического развития общества. Обратимся к книге В. А. Никонова, которая так и называется — «Имя и общество». Вот что там написано: «В России княжеские, а за ними боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI в., помещичьи —

формировались в XVI—XVII вв.; фамилии же горожан, за исключением именитого купечества, еще не установились окончательно и в начале XIX в., даже фамилии духовенства созданы только в XVIII и первой половине XIX в., а подавляющее большинство крепостных крестьян и до середины XIX в. еще не имели фамилий».

Действительно, поначалу фамилии возникали именно у феодалов. Существовало наследственное землевладение, оно-то и привело к появлению наследственных имен, то есть фамилий. Большая часть княжеских (а потом и боярских) фамилий указывала на те земли, которые принадлежали феодалу, или целиком на местность, откуда он был родом. Так возникали фамилии бояр Шуйских (по названию реки и города Шуи), князей Вяземских (род Вяземских существованием этой фамилии также обязан реке — Вязьме). Не менее «прозрачны» с этой точки зрения и такие старинные фамилии, как Елецкий, Звенигородский, Мещерский, Тверской, Тюменский и др.

Первые русские фамилии встречаются в старинных документах, относящихся к XV веку. Но существовать они могли и ранее.

Порой вокруг фамилий происходили жестокие сословные распри. Царь Алексей Михайлович (отец Петра I) запретил князьям Ромодановским прибавлять к первой фамилии вторую, традиционную — Стародубские, поскольку вторая фамилия соответствовала древнему уделу Ромодановских, а это не вполне отвечало идеям московских царей о централизации. Так вот, после царского указа один из Ромодановских, Григорий, слезно бил челом «Тишайшему» (как мы помним, так называли Алексея Михайловича): «Умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнимать!» Видите, как крепко цеплялись князья за свою родовитость...

Но у большинства людей, населявших нашу страну, фамилий не было. А что же было?

Стоит только заглянуть в архивные документы, дошедшие до нас из XV, XVI, XVII веков, и ответ будет найден. Прозвища и отчества — вот что, помимо имен, выполняло для наших предков функцию социального знака. Раскроем пожелтевшие страницы старинных документов, актовых записей: «Иван Микитин сын, а прозвище Меншик», запись 1568 года; «Онтон Микифоров сын, а прозвище Ждан», документ 1590 года; «Губа

Микифоров сын Кривые щеки, землевладелец», запись 1495 года; «Данило Сопля, крестьянин», 1495 год; «Ефимко Воробей, крестьянин», 1495 год... Таким образом, впоследствии могли возникнуть фамилии Микитин, Никитин, Меншиков, Микифоров, Никифоров, Жданов, Кривощеков, Соплин, Воробьев. Кстати говоря, Калита — тоже прозвище: князь Иван Данилович получил его от современников за большие богатства и умение вести денежные дела. Слово *калита* значило «денежный мешок», «сума», «подвесной карман».

Прозвища давались людям их родственниками, соседями, сословным и социальным окружением. Причем в прозвищах, как правило, отражались какие-то характерные черты, присущие именно этому человеку, а не другому. Закрепившись в фамилиях, эти черты и особенности наших далеких предков дошли до сегодняшнего времени. Вот как это могло быть.

Жил когда-то беловолосый человек. Прозвали его Беляком. Детей его стали называть Беляковыми: «Чьи они?» — «Да чьи ж, Беляковы». Появилась фамилия Беляков. Но человек, носящий ее сейчас, вполне может быть не блондином, а шатеном или даже брюнетом. С другой стороны, какой-нибудь гражданин Чернышев, чей далекий предок звался Чернышем за смолисто-черный цвет своей шевелюры, вполне может быть сейчас блондином. Другой человек за свое пристрастие к болтовне — «верещанию» — мог прозываться Верещагой, а дети его Верещагиными. Но у него вполне мог быть молчаливый сосед, также имевший свое прозвище — Молчан. Вот от него могли пойти Молчановы.

Нередко в качестве прозвища человек получал название какого-нибудь животного или птицы, так в прозвище подмечался внешний облик человека, его характер или привычки. Одного за драчливость могли прозвать Петухом, другого за длинные ноги Журавлем, третьего Ужом — за способность всегда вывернуться, избежать наказания или опасности. От них впоследствии могли возникнуть фамилии Петухов, Журавлев и Ужов. Кстати говоря, вы наверное и сами заметили, что «птичьих» фамилий в русском языке очень много. Объясняется это легко: птицы играли большую роль как в крестьянском хозяйстве и охоте, так и в народных поверьях.

На какие только прозвища не набредешь, листая старинные документы! Вот запись 1495 года, в ней указан

крестьянин Игнатко Великие Лапти. А вот документ 1555 года, в нем названы десятки людей, получивших свои прозвища по профессии, по своим занятиям: Гончар, Дегтярь, Зубоволок, Кожемяка, Мельник, Рогозник, Рудомет, Серебренник, Скоморох, Швец... Все они могли лечь в основу соответствующих фамилий.

Всем нам известно некогда популярное русское имя Василий. В русский язык оно пришло из греческого, где имело значение «царский». От имени Василий образовано более 50 фамилий, которые отличаются друг от друга разнообразными оттенками — уменьшительно-ласкательным, презрительным и т. д. или же изменены для благозвучия: Васин, Васькин, Васятников, Васютин, Василевский, Васильчиков, Васильев. А от имени Иван образовано более ста (!) фамилий.

В прошлом даже в среде купцов лишь самые богатые — «именитое купечество» — удостаивались чести получить фамилию. В XVI веке таких были единицы. Например, купцы Строгановы. Между прочим, среди фамилий купечества было много таких, в которых отражалась «профессиональная специализация» их носителей. Возьмите, например, фамилию Рыбников. Она образована от слова *рыбник*, то есть «торговец рыбой».

Не менее многочисленный слой населения России составляли и служители церкви. Духовенство начало получать фамилии массово лишь в конце XVIII — первой половине XIX века. С «церковными» фамилиями мы встречаемся достаточно часто, нередко об этом и не подозревая.

Часто фамилии давались священникам по названиям тех церквей, в которых они служили: дьякон Иван, служивший в церкви Троицы, мог получить фамилию Троицкий. Некоторые священнослужители приобретали фамилии при выпуске из семинарий: Афинский, Духосошественский, Бриллиантов, Добромыслов, Бенеманский, Кипарисов, Пальмин, Реформатский, Павский, Голубинский, Ключевский, Тихомиров и т. д.

Большинство фамилий священников оканчивалось на ***-ский***, в подражение украинским и белорусским фамилиям: в то время много выходцев из этих областей было в среде церковной администрации, преподавателей семинарий и духовных академий. Поскольку таких фамилий на ***-ский*** появилось много, в народе нередко награждали семинаристов иронической фамилией По-морю-аки-

по-суху-ходященский. А иногда и того занозистее: Через-забор-на-девок-глядященский...

Когда в России пало крепостное право, перед правительством встала серьезная задача. Нужно было дать фамилии бывшим крепостным крестьянам, которые до того их, как правило, не имели. Так что периодом окончательного «офамиливания» населения страны можно считать вторую половину XIX века. Одним крестьянам давали фамилию их бывшего владельца, помещика — так появлялись целые деревни Поливановых, Гагариных, Воронцовых. Другим в документы записывали «уличную» фамилию, которая у иной семьи могла быть и не одна. У третьих в фамилию превращали отчество. Но весь этот процесс был весьма сложен, нередко люди продолжали обходиться без фамилий. Такое положение вызвало опубликование в сентябре 1888 года специального указа сената: «...Как обнаруживает практика, и между лицами, рожденными в законном браке, встречается множество лиц, не имеющих фамилий, то есть носящих так называемые фамилии по отчеству, что вызывает существенные недоразумения, и даже иногда злоупотребления... Именоваться определенной фамилией составляет не только право, но и обязанность всякого полноправного лица, и означение фамилии на некоторых документах требуется самим законом».

Интересна история и самого слова *фамилия*. По происхождению своему оно латинское и в русский язык попало в составе большого числа заимствований из языков Западной Европы. Но в России слово *фамилия* поначалу употребляли в значении «семья»; английское family, французское famille, испанское familia тоже переводятся как «семья». В XVII—XVIII веках еще бытовало слово *прозвище*: оно-то в те времена и обозначало, называло фамилию. И только в XIX веке слово *фамилия* в русском языке постепенно приобрело свое второе значение, ставшее затем основным: «наследственное семейное именование, прибавляемое к личному имени».

Когда лингвист приходит для работы в московское адресное бюро, у него в буквальном смысле разбегаются глаза. Каких только фамилий тут нет: и самые распространенные, привычные, известные десятками тысяч, и необыкновенные, редкие, зачастую представленные одним-двумя примерами.

Так, например, девяносто тысяч москвичей (населе-

ние целого города!) носят фамилию Иванов или Иванова. Одних Иванов Ивановичей Ивановых в столице около тысячи! А вот и редкая фамилия — Е, обнаружена она В. А. Никоновым. Она состоит всего из одной буквы, скорее всего, кто-то из предков современных обладателей этой фамилии был выходцем из Франции.

Вы захотели узнать, где в Москве прописан Александр Сергеевич Пушкин? Пожалуйста. Работник адресного бюро даст вам не один, а пятнадцать адресов москвичей, которые отнюдь не являются потомками великого поэта, однако носят точно такие же имя, отчество и фамилию.

Редкие фамилии можно встретить в любом уголке нашей страны. В Прионежье живет семья, члены которой носят фамилию Односторонних. По данным ученых, она более нигде не встречается, по крайней мере не зарегистрирована.

Так какая же фамилия была у Ивана Калиты?

НУЖЕН СЛОВАРЬ

Знаете ли вы, что означает лично ваша фамилия, откуда она произошла, какова ее история? Вряд ли будет ошибкой сказать, что в большинстве случаев носитель фамилии этого не знает. Это и не удивительно, поскольку решить такую задачу под силу лишь опытным специалистам-филологам, да и то не всегда: бывает, что и они не могут раскрыть тайну возникновения и значения некоторых фамильных именований.

Фамилии — очень ценный материал для исследований в разных областях знания: филологии, истории, этнографии. От личных канонических имен образовано лишь около четверти всех фамилий. В основу же остальных на разных этапах истории легли прозвища, они несут в себе такое богатство сведений о жизни русских людей в разные эпохи, которое зачастую может дополнить исторические источники, памятники письменности. Немало фамилий образовано от слов, ныне ушедших из языка, их можно ныне разыскать лишь в некоторых словарях.

Кстати, о существующих лингвистических словарях. На полках библиотек вы можете обнаружить большое количество толковых словарей, словарей синонимов, антонимов, омонимов, исторических словарей языка,

найдете грамматические, частотные словари и массу других. Самый большой толковый словарь русского языка — это 17-томный «Словарь современного русского литературного языка», издававшийся с 1950 по 1965 год. В нем содержится свыше 120 тысяч слов, описываются их значения, варианты, оттенки значений, приводятся примеры из художественной литературы. Есть другой полезный и интересный словарь — «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера, изданный в нашей стране в 1964—1973 годах в переводе с немецкого и с добавлениями члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Задача этимологического словаря — дать не столько объяснение значения слова, его толкование, сколько вооружить читателя сведениями о происхождении слова.

Однако этими и другими словарями мы пользуемся, когда нам нужно узнать значение или происхождение нарицательного слова. А как быть, если нас интересуют собственные имена? Есть ли словари, которые могут дать нам справку о происхождении имени, фамилии, названия города, реки и т. д.? Следует сказать, что такого словаря — универсального и абсолютно исчерпывающего — нет и, пожалуй, быть не может: слишком велико количество существующих на свете имен и названий. Однако возможен другой путь — создание «отраслевых» ономастических словарей. И определенные результаты в этом направлении уже есть.

В 1966 году в издательстве «Мысль» был выпущен «Краткий топонимический словарь», составленный В. А. Никоновым. В нем приводятся краткие сведения (или гипотезы) о происхождении названий наиболее известных географических объектов (материков, гор, морей, океанов, рек, городов и т. д.), расположенных как на территории СССР, так и за рубежом.

Есть словари, в которых объясняется значение личных имен людей. В первую очередь необходимо назвать «Справочник личных имен народов РСФСР» (ответственный редактор А. В. Суперанская), вышедший вторым изданием в 1979 году в издательстве «Русский язык». Однако, к сожалению, пока не существует подобного словаря фамилий. Немало в этой области потрудились такие исследователи и ученые, как О. Н. Трубачев, А. В. Суперанская, Б.-О. Унбегаун, Л. М. Щетинин, Н. А. Баскаков, С. И. Зинин, В. А. Никонов, однако ка-

питальных лексикографических трудов, посвященных русским фамилиям, пока не создано.

В этой главе мне хочется на примере разбора значения ряда фамилий (как частых, так и редких) показать, насколько это интересное и полезное занятие изучать историю фамильных форм, докапываться до самых их первоисточников и каким огромным вкладом в сокровищницу русской духовной культуры стал бы словарь фамилий, если бы он уже существовал. Будем надеяться, что он все-таки появится в обозримом будущем и продемонстрирует все поразительное многообразие русских фамилий, в которых, как справедливо считают специалисты, отразилась широта и величие языкового творчества многочисленных поколений. Причем иногда только фамилии сохранили и донесли до нас названия многих явлений и предметов прошлого. Подобный словарь несомненно станет хорошим справочником для филологов (этимологов, лексикологов), историков, этнографов.

Материал, который здесь предлагается вниманию читателей, в основном взят мною из работ ученых, названных выше.

Астапов — фамилия, образованная на базе отчества. Отчество возникло при помощи суффикса ***-ов*** из обиходной формы Астап (Остап) канонического мужского имени Евстафий. Личное имя Евстафий исторически возникло в греческом языке и имеет значение «устойчивый», «постоянный». Это имя имело много других форм, от которых были образованы такие фамилии, как Астапенко, Астапенков, Астапкин, Астафьев, Асташев, Асташкин, Евстафьев, Остапин, Останкин, Остапушкин, Осташков, Стафеев и др.

Барашков — фамилия могла быть образована на базе отчества от уменьшительной формы. Могло быть связано с именованием отца по его ремеслу, профессии: барашами, как уж отмечалось, в старину называли слуг при дворе князя, которые должны были возить за ним походные шатры, иначе шатерничие. В основе может лежать и прозвище, например, кудрявого человека. Фамилия особенно часто встречаются в Северном Поволжье, откуда распространилась и на Среднюю Волгу. В старинных ярославских документах XVII века неоднократно упоминаются торговые люди Барашковы.

Буденный — фамилия возникла от нарицательного слова *буденый*, известного в южнорусских диалектах.

Это слово само образовано от слова *будни* — «рабочий день»; поэтому диалектное нарицательное *буденый* имеет значение «повседневный», «привычный».

Дубасов — фамилия никоим образом не связана с глаголом *дубасить*. Она возникла в северной части России, где в говорах зафиксировано нарицательное слово *дубас* — старинный сарафан особого покроя. Это слово могло через прозвище попасть в фамилию Дубасов.

Гагарин — фамилия очень ранняя, идущая еще от бояр, конкретно от князя Михаила Голибесовского. Он жил в начале XV века и носил нецерковное (параллельно с другим, полученным при крещении) имя Гагара. Хотя нарицательное слово *гагара* в русском языке означает морскую птицу, в диалектах это же слово имело и ряд переносных значений: «хохотун, зубоскал»; «неуклюжий, длинный», «длинношеий». Любопытно, что после исторического полета Юрия Гагарина в космос один из бывших князей Гагариных, пребывающий за океаном, объявил себя родственником первого космонавта. На самом же деле первый космонавт Земли — потомок княжеских крепостных. Как уже отмечалось в другой главе, до падения крепостного права крепостные не могли иметь собственную фамилию. После 1861 года многим тысячам крестьян центральных губерний (Смоленской, Рязанской и др.), где разветвленный род Гагариных имел огромные владения, была записана в документы фамилия их бывших владельцев.

Долгопольский — первоначально эта фамилия была относительным прилагательным, которое означало приезжего, выходца из населенного пункта (села, деревни) Долгое Поле. Фамилия возникла в западных частях Украины — в Полесье, Подолии, Закарпатье. Она может быть также и калькой с еврейской фамилии Лангфельд.

Доможиров — фамилия, образованная на базе отчества от прозвища Доможир. Фамилия старинная и в памятниках письменности встречается еще в конце XV века. В ее составе мы обнаруживаем исчезнувшее слово *доможир* — «домовитый хозяин» (второе значение «домосед»), записанное в XIX веке в северных говорах. Фамилия часто встречается в Зауралье.

Еремин — фамилия из отчества от просторечной формы Ерема, которую русские употребляли в отношении канонического мужского личного имени Иеремия.

Завадский — фамилия возникла на почве польского и украинского языков и означала приезжего, выходца из местечка под названием Завада, Завадов. В основе таких топонимов лежит слово *завада* в значении «преграда, препятствие». И сейчас такие географические названия нередки в Польше, Словакии, на Украине.

Истомин — фамилия из отчества от нецерковного мужского личного имени Истома. Оно часто встречалось у русских вплоть до XVII века; напрашивается родство с нарицательным словом *истома*. Не исключено, что имя могло быть связано с трудными родами (как, например, старинное имя Томило).

Калашников — фамилия из отчества по названию профессии, занятия отца — калачника, а так могли назвать либо пекаря, либо продавца калачей.

Карпов — фамилия из отчества от канонического мужского личного имени Карп и к названию рыбы отношения не имеет. Имя Карп по своему происхождению греческое, слово *карпос* означало «плод». Русские употребляли это имя в различных производных формах, отчества от них также стали фамилиями: Карпеев, Карпиков, Карпичев, Карпочкин, Карпунин, Карпухин, Карпушин, Карпушкин, Карпычев и др.

Келдыш — фамилия остается одной из интереснейших антропонимических загадок. Одни ученые считают, что она тюркского происхождения, и связывают ее со словом *кельди* или *гельди* (что значит «он пришел»), а *-ш* служит суффиксом ласкательности. По мнению других, источник этой фамилии может лежать в финно-угорских языках. В частности, суфикс *-ш* — самый частый суффикс личных имен в финно-угорских языках волжской подгруппы, а в марийском языке, например, есть слово *кельде* — «невод».

Кузнецов — фамилия из отчества по трудовому занятию отца. Легко заключить, что именование по этой профессии было повсеместным, поскольку кузнец был необходимым и известным человеком для всех жителей того или иного населенного пункта. Фамилия Кузнецов — одна из самых распространенных у русских. В Москве, к примеру, проживает немногим менее 80 000 Кузнецовых (то есть в столице эта фамилия стоит на втором месте по частотности после фамилии Иванов). В украинском, белорусском языках, в некоторых говорах русского языка для обозначения кузнеца употреб-

ляется слово *коваль*. Поэтому с запада и юго-запада в Россию распространялись фамилии типа Ковалев, Ковалевский, Коваленко, Ковалик и т. д. Интересно, что и в других странах также весьма часто встречаются фамилии с основой, имеющей значение «кузнец». Таковы, к примеру, самая частая английская фамилия Смит, немецкая фамилия Шмидт.

Майоров — исследователи считают (и, вероятно, обоснованно), что связь фамилии с воинским званием не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Фамилия Майоров в отличие от других русских фамилий на *-ов* никак не могла означать «сын майора», поскольку сын дворянина должен был носить фамилию отца. К тому же, как показывают документы, фамилия часто встречалась у рабочих и крестьян, а они не могли быть потомками человека высокого военного чина. Предполагается, что фамилия Майоров могла возникнуть в нескольких случаях: при обозначении крепостных, принадлежавших какому-то майору, при образовании отчеств от насмешливого прозвища Майор (данного, возможно, за чванство), при образовании отчеств от прозвища, возникшего на основе диалектного нарицательного слова *маёрить* — «тратить, транжирить», зафиксированного, в частности, на Ярославщине. Кстати, в ряде случаев фамилия встречается в иной форме написания — Маёров.

Мухортых — фамилия имеет форму родительного падежа множественного числа и образована от другой фамилии — Мухортые. Такая форма должна была обозначать принадлежность к семье в целом. Фамилии на *-их, -ых* особенно часто встречаются на Севере, в Сибири, на Урале, а также в центрально-черноземных областях. Основой фамилии служит диалектное слово *мухортый*, имеющее значение «слабый, хилый» (известно, правда, и другое значение — «желтоватый»). Немало есть людей с фамилией Мухортов, однако эта фамилия в отличие от фамилии Мухортых означает «сын Мухортого», то есть связана только с главой семьи.

Огарков — фамилия происходит не от русского слова *огарок* — «остаток от горения какого-либо предмета» (например, свечи), а от тюркского слова *огар/окар* в значении «высокий, великий». Одним из подтверждений тому служит родословная дворян Огарковых, согласно которой их предком и родоначальником был выходец

из Золотой Орды Лев Огар (Огарь). Интересно, что в родословной одним из основных свойств этого Огара отмечается как раз его высокий рост.

Павлинов — фамилия из отчества от канонического мужского имени Павлин, возникшего еще в Древнем Риме на основе имени Павел. К птице павлину, таким образом, эта фамилия отношения не имеет.

Рудаков — фамилия из отчества от прозвища Рудак. Примеры таких наименований встречаем в памятниках письменности: крестьянин Рудак в Вотской пятине (1555), дьяк Рудак в Москве (1585) и др. В основе прозвища лежит общеславянское и древнерусское слово *руда* — «кровь»; от этого слова существовало производное *рудак*, то есть «красный», «рыжий». В говорах на русском Севере слово *руда* имело несколько иное значение — «грязь», «пятно», слово *рудак* соответственно — «грязный, выпачканный»; на северных территориях, где фамилия Рудаков встречается очень часто, она имела именно такое значение.

Салтыков — фамилия имеет своей основой русское прозвище Салтык, восходящее к слову, заимствованному из тюркских языков кыпчакской группы (половецкого, казахского, ногайского, татарского и пр.). Этим тюркским словом могло быть *салтак/салтык* — «прихрамывающий», *салтык* — «соблюдающий порядок, нравственный», либо слово *салт* — «верхом на лошади», *салт атты* — «всадник».

Селиванов — фамилия из отчества от канонического мужского имени Селиван (имеющее латинскую основу *силванус* — «бог лесов»). Это имя в русском языке приобрело различные производные формы, от которых возникли такие фамилии, как Селиванкин, Селивантьев, Селивахин, Селивашкин.

Суворов — относительно происхождения этой фамилии существует ряд гипотез, но ни одна из них не признается окончательной. Первая, согласующаяся с родословной Суворовых, связывает имя Сувор, принадлежавшее, по преданию, родоначальнику династии, выходцу из Швеции, со шведским словом *свар* — «тяжелый», «сильный», «строгий». Однако брать во внимание родословную, в составлении которой участвовали люди, как говорится, заинтересованные, опасно: известно, что здесь нередко немалую роль играло желание «украсить» родословную иноземным происхождением. Поэтому

более вероятно чисто русское происхождение рода Суворовых, а следовательно, и фамилия имеет основой прозвище Сувор или Суворый — измененную форму слова-прозвища Суровый. Ряд лингвистов считает нарицательное *суровый* заимствованием из тюркских языков, где основа ***сур*** имеет смысл «серый, мрачный», плюс русские суффикс ***-ов*** и окончание ***-ый.***

Таланов — эта фамилия распространена во многих районах России. В ее основу (вероятно, через прозвище) легло нарицательное слово *талан* — «удача, счастье». Это слово еще продолжает жить и поныне в некоторых говорах, но большинству носителей языка неизвестно.

Ушаков — фамилия имеет своей основой тюркское слово *ушак/усак*, обладающее несколькими значениями: прямое — «мелкий», «невысокого роста»; переносное — «мелочный человек», «мальчик, ребенок» и др. Есть в русских говорах слово *ушак* — «пасынок», «подпорка у столба», однако этимологически оно связано все с той же тюркской основой. Приведенные значения позволяют предположить, что слово *ушак* могло служить прозвищем либо человека невысокого роста, некрупного, либо человека мелочного по своему характеру.

Уваров — фамилия не имеет никакой связи с нарицательными словами *варить, вар* и др. Она образована из отчества от канонического мужского имени Уар, которое в повседневной русской речи получило форму Увар.

Успенский — пример фамилии, возникшей в среде духовенства. Ее мог носить священник или дьякон, служивший в Успенской церкви (церкви Успенья Богородицы).

Устинов — фамилия из отчества от мужского имени Устин. Это имя возникло на русской почве из канонического Иустин или Юстин, что являлось византийской передачей древнеримского имени Юстинус. В основе последнего лежит латинское слово *юстус*, то есть «справедливый» (той же основой обладает и слово *юстиция*). Иустин, Юстин превратилось в форму Устин потому, что существовала древнерусская традиция, по которой старославянское слово теряло ***й*** перед гласным ***у***: например, старославянское *ютро, юрод* в древнерусском языке приобрели иной вид — *утро, урод.*

Чеботарев — фамилия из отчества по названию профессии отца. В русском языке известно нарицательное слово *чеботарь* — «сапожник».

Конечно же, фамилии — это имена собственные, и поэтому они уже не имеют непосредственной связи с теми нарицательными словами или другими именами собственными, от которых произошли в свое время. Как справедливо писали А. В. Суперанская и А. В. Суслова, «имена собственные живут в языке своей особой жизнью, независимо от экономического развития страны или от смены экономических формаций. Они очень легко вбирают в себя слова, актуальные для отдельных эпох, но развиваются по законам языка, и с общественной жизнью связаны опосредованно, через язык». Эта мысль вполне правомерна и относительно фамилий.

Какие только сейчас не встретишь фамилии: и стандартные, частотные, «размноженные» в сотнях тысяч экземпляров, и единственные в своем роде, и с чисто русскими основами, и с основами иноязычными, заимствованными и т. д. Разумеется, в наше время эти языковые знаки (или даже сверхзнаки, потому что любое слово — это знак) носят условный характер. Они не указывают на профессию, занятие человека, на свойства его характера или на отличительные признаки его внешности. Заканчивая данную главу, хочется напомнить басню С. В. Михалкова, которую писатель сочинил именно по поводу условности содержания, этимологии фамилий, которые носят наши современники. Басня эта называется «Смешная фамилия»:

> Каких фамилий только нет:
> Пятеркин, Двойкин, Супов,
> Слюнтяев, Тряпкин, Самоед,
> Пучков и Перепутов!
> В фамилиях различных лиц,
> Порою нам знакомых,
> Звучат названья рыб и птиц,
> Зверей и насекомых:
> Лисичкин, Раков, Индюков,
> Селедкин, Мышкин, Телкин,
> Мокрицын, Волков, Мотыльков,
> Бобров и Перепелкин!
> Но может некий Комаров
> Иметь характер львиный,
> А некий Барсов или Львов
> Умишко комариный.
> Бывает, Коршунов иной
> Синичкина боится!
> А Чистунов слывет свиньей,
> А Простачков — лисицей!
> А Раков, если не дурак,
> Невежда и тупица,

Назад не пятится, как рак,
А все вперед стремится!
Плевков фамилию сменил,
Алмазовым назвался,
Но в основном — ослом он был,
Ослом он и остался!
А Грибоедов, Пирогов
Прославились навеки!
И вывод, стало быть, таков:
Все дело не в фамилии,
А в человеке!

КАК ВАС ТЕПЕРЬ НАЗЫВАТЬ?

Каждый человек, живущий на Земле, имеет минимум одно имя. В разных странах и у разных народов системы имен или, как говорят ученые, антропонимические системы зачастую бывают очень несхожи. И все же общая традиция такова, что «по паспорту» человек обязательно носит какое-то именование — пусть даже это будет одно слово, которое с нашей точки зрения заменит и имя, и отчество, и фамилию (это можно встретить у некоторых северных народов, например), или пусть даже это будет очень длинное словосочетание. Вот как звали члена государственного совета Российской империи графа Замойского, жившего в середине XIX века: Станислав-Костка-Франц-Салезий-Регинальд Андреевич Замойский.

Имя, фамилия человека — своеобразные социальные знаки. Ими принято дорожить. История общества знает много примеров, когда за право носить то или иное имя или фамилию шла жестокая борьба между претендентами. Даже в малоцивилизованных племенах безымянный человек утрачивает многие из своих прав. Простой пример: у индейцев племени квакиютль человек, берущий взаймы, должен оставить в залог не что-нибудь, а свое имя! И пока он долга не вернет, все члены племени считают этого человека безымянным и по имени не называют!

Однако бывают в жизни и такие случаи, когда человеку по важной причине необходимо скрыть свое подлинное имя. Тогда он заменяет его псевдонимом. Любой из нас знает и помнит множество псевдонимов, подчас забывая (а иногда и не догадываясь), что это не настоящие, а вымышленные имена и фамилии: революционер Артем и разведчик Абель, режиссер Станиславский и

актер Тарханов, писатели Стендаль, Жорж Санд, Вересаев, Андрей Белый, Демьян Бедный, Аркадий Гайдар, Леся Украинка и многие другие.

Слово *псевдоним* в переводе с греческого означает «носящий ложное имя». В действительности же большое количество псевдонимов трудно назвать ложными именами. Возьмите, к примеру, такие псевдонимы, как Максим Горький, Анатоль Франс или Жак Оффенбах: они по сути своей не менее истинны, чем их «паспортные» эквиваленты А. М. Пешков, А. Тибо и Ж. Леви. Известный советский языковед профессор А. А. Реформатский говорил, что подлинное имя человека, указанное в его документах, истинно юридически, но и псевдоним, получивший широкую общественную известность, тоже истинное имя! Согласитесь, что трудно считать ложными такие привычные нам имена, как Марк Твен (на самом деле Сэмюэл Клеменс) или Корней Чуковский (в действительности К. И. Корнейчук).

Основатель Советского государства и нашей партии Владимир Ильич Ульянов в годы революционной борьбы с царизмом, которая заставляла строго соблюдать правила конспирации, имел более ста псевдонимов. Очень часто он подписывал свои статьи псевдоинициалами, а также фамилиями К. Тулин, Петров, Карпов, К. Иванов, Р. Силин и др. А один из псевдонимов — Ленин — стал подлинным его именем, под которым этого великого человека Земли знают сотни миллионов населяющих ее людей. Впервые подпись *Ленин* Владимир Ильич поставил в 1901 году: он употребил ее, написав письмо Г. В. Плеханову, которое могло быть вскрыто охранкой. После Великого Октября В. И. Ленин подписывал все документы, статьи, книги своей настоящей фамилией, но добавлял к ней в скобках свой главный псевдоним: В. Ульянов (Ленин).

До настоящего времени остается невыясненным, почему В. И. Ленин выбрал себе именно этот псевдоним, что лежит в его основе: слово, имя, название? Этот вопрос был задан и Н. К. Крупской. Она ответила в 1924 году так: «Уважаемые товарищи! Я не знаю, почему Владимир Ильич взял себе псевдоним «Ленин», никогда его об этом не спрашивала. Мать его звали Марией Александровной, умершую сестру звали Ольгой. Ленские события были уже после того, как он взял себе этот псевдоним. На Лене он в ссылке не был. Вероятно, псев-

доним был выбран случайно». И все же у исследователей есть одно предположение. Считают, что эту подпись Владимир Ильич мог избрать по аналогии с одним из псевдонимов Г. В. Плеханова — Волгин, который появился еще в 1896 году. Если так, то псевдоним Ленин связан с названием великой сибирской реки.

Известно несколько случаев, когда один из нескольких псевдонимов вытеснял другие (не говоря уже о подлинном имени человека). Так иногда волею судеб из многих псевдонимов писателя именно какой-то один становился его общепризнанным литературным именем. Алексей Максимович Пешков начинал свою литературную деятельность, подписывая произведения Дон-Кихот, Иегудиил Хламида, Пьерро, Самокритик Словотеков, Паскарелло. Но лишь один из псевдонимов великого пролетарского писателя — Максим Горький — стал его вторым именем и второй фамилией, известными у нас в стране и за рубежом. А вот Чехов остался Чеховым, хотя многие из его современников читали с большим удовольствием рассказы, подписанные разными псевдонимами писателя,— Антоша Чехонте, Г. Балдастов, Вспыльчивый человек, Человек без селезенки, Рувер, Брат моёго брата.

Кстати говоря, именно в писательской и артистической среде чаще всего встречаются псевдонимы. В чем же причина того, что писатели, актеры, певцы, поэты скрывали порою свои подлинные фамилии, имена, заменяли (и заменяют) их вымышленными?

До революции дворянину считалось позорным выступать на сцене. Но волшебство театра, великое таинство сценического перевоплощения привлекали в среду актеров много молодежи, в том числе и «благородного» происхождения. Чтобы не позорить родителей, семью, при поступлении в театр молодым людям приходилось либо полностью менять свою фамилию, либо видоизменять ее. Так возник, например, псевдоним Давыдов, под которым был известен артист Александринского театра в Петербурге В. Н. Горелов. Таким же образом актер МХАТа В. В. Калужский стал на сцене Лужским, а П. Д. Оболенский (из Александринского театра) — Ленским.

Часто артисту было не так-то просто выбрать хороший псевдоним. Вот что писал о появлении своей арти-

стической фамилии в книге «Фокусы и фокусники» известный советский иллюзионист Э. Ф. Ренард-Кио.

«...Я никак не мог подобрать себе звучный цирковой псевдоним. Моя собственная фамилия — Ренард — мне не нравилась, казалась мне недостаточно звучной. Я долго старался придумать что-нибудь оригинальное, звучное, короткое, сразу запоминающееся. Я завидовал Радунскому и Станевскому, которые нашли замечательный псевдоним «Бим-Бом», и мечтал подобрать что-либо в таком же духе. Все в цирке знали об этом и старались мне помочь. Каждый старался предложить мне какую-нибудь фамилию, и так меня измучили этим, что в конце концов я начал прятаться от людей.

Как-то вечером после работы мы втроем: Станевский, его жена, Антонина Яковлевна Бабурина, и я — возвращались в гостиницу. Антонина Яковлевна в прошлом была женой богатого московского купца. Большая поклонница цирка, она влюбилась в Станевского, добилась развода с купцом и вышла замуж за Станевского. Ее увлечение мужем было так велико, что кафе, которое она открыла в Москве, на Тверском бульваре, она назвала «Бом». Кстати, об этом кафе упоминает А. Н. Толстой в своем романе «Хождение по мукам».

Мы шли по улице, и вдруг Антонина Яковлевна, поглядев на сверкающую огнями вывеску кинотеатра, прочитала:

— Ки...о! — Буква «н» почему-то не горела.

— Что, что? — переспросил, не расслышав, Станевский.

— Ки...о! — Повторила Антонина Яковлевна и вдруг засмеялась.— Вот вам отличный псевдоним,— обратилась она ко мне.— Не правда ли — оригинально? Ки...о!

Кио... Я готов был запрыгать от радости. Вот оно наконец то, что я искал. Таким образом, «Кио» — это просто неверно прочитанное женой Станевского слово «кино».

Иногда случалось так, что писатели, поэты занимали какие-то официальные посты и поэтому открыто не могли признавать свое авторство; литературная деятельность была для них отнюдь не основной. Поэтому вице-губернатор Рязани и Твери М. Е. Салтыков был вынужден подписывать свои повести псевдонимом Н. Щедрин, консул Анри Бейль взял себе псевдоним Стендаль, чиновник особых поручений при нижегородском губер-

наторе (а затем и при министре внутренних дел) П. И. Мельников стал Андреем Печерским. Между прочим, своим псевдонимом П. И. Мельников в некоторой степени обязан В. И. Далю, известному собирателю диалектных русских слов, автору «Толкового словаря живого великорусского языка». Когда Даль и Мельников обсуждали, какую подпись можно было бы поставить под только что написанным рассказом «Красильниковы» (шел 1852 год), Владимиру Ивановичу пришла в голову удачная мысль. Он вспомнил, что одну статью в «Нижегородских губернских ведомостях» Мельников подписал Андрей Печерский, поскольку жил в доме Андреева на Печерской улице. Далю этот псевдоним понравился, и он предложил писателю сделать его своей литературной фамилией.

Бывали (и бывают) случаи, когда судьба двух родных братьев складывалась так, что они начинали выступать на одном поприще, например литературном. Тогда один из них — как правило, это приходилось делать младшему брату — должен был скрыть свою настоящую фамилию за псевдонимом. Из двух братьев Москвиных, ставших прекрасными драматическими актерами, младший — Михаил Михайлович — выбрал себе псевдоним Тарханов. Именно под этой фамилией актера знала и любила московская публика. У известного тенора Л. В. Собинова был младший брат, также певец. В память о том, что семья Собиновых происходит из Ярославля, он избрал себе псевдоним Волгин и именно как Волгин выступал на сцене. Младший брат советского писателя Валентина Петровича Катаева, Евгений Петрович, в начале своей литературной деятельности решил превратить в псевдоним свое собственное отчество. Так в нашей литературе появился Евгений Петров, писавший в основном в соавторстве с И. Ильфом.

Английский ученый Чарльз Доджсон был преподавателем математики, человеком науки. Но параллельно с этим он любил писать необыкновенные, не похожие ни на какие другие детские сказки. Поскольку свою фамилию Ч. Доджсон ставил под научными статьями, трактатами (которых, кстати, у него было немало), ему явно неудобно было издавать под ней и сказки. Поэтому на титульном листе книг о приключениях Алисы в стране чудес Чарльзу Доджсону пришлось уступить место

Льюису Кэрроллу. Именно его знают и любят как автора сказок об Алисе дети многих стран.

Женщины-писательницы нередко скрывали свои «женские» фамилии за псевдоандронимами — мужскими именами-псевдонимами. И делали это они отнюдь не для того, чтобы достичь комического эффекта, как считают одни, или же под влиянием волны эмансипации, как считают другие. Нет, это не так. Скорее всего, женщины-писательницы пытались таким необычным образом облегчить себе путь в литературу: под мужским именем было гораздо проще напечататься. И вот француженка Аврора Дюпен выбрала себе псевдоним Жорж Санд, английская романистка Мэри Энн Эванс превратилась в Джорджа Эллиота, жена Н. А. Некрасова А. Я. Панаева издала вместе с ним несколько романов, подписавшись Н. Станицкий, русская поэтесса Зинаида Гиппиус многие публицистические статьи писала под псевдонимом Антон Крайний.

Встречаются и такие псевдонимы, создатели и носители которых имели одну-единственную цель: вызвать у читателя улыбку, заставить его рассмеяться. Ведь правда, невольно хочется улыбнуться, когда раскрываешь старый журнал или газету и вместо фамилии автора статьи видишь нечто вроде следующего: Театральная крыса (псевдоним писателя В. А. Гиляровского), Старая фельетонная кляча Никита Безрылов (псевдоним писателя А. Ф. Писемского), Хренредькинеслащев (псевдоним писателя и сотрудника юмористического журнала «Осколки» В. С. Карцева). Попадаются среди них и настоящие, первосортные каламбуры. Невольно, например, вспоминается жюль-верновский капитан Немо (напомню, что в переводе с латыни это имя значит «никто»), когда узнаешь, что писатель Иннокентий Анненский подписывал некоторые из своих произведений псевдонимом Ник. Т-о.

Гораздо реже можно встретить групповые псевдонимы, за которыми скрывается целый авторский коллектив. Иногда они составляются из начальных букв и слогов фамилий авторов: Братья Тур (драматурги Тубельский и Рыжей), Кукрыниксы (художники Куприянов, Крылов, Николай Соколов). Конечно же, нельзя не вспомнить и «советника пробирной палаты», «столпа общества» Козьму Пруткова — коллективный псевдоним

Алексея Михайловича и Владимира Михайловича Жемчужниковых и графа Алексея Константиновича Толстого, трех известных сатирических поэтов XIX века. Козьма Прутков — это уже не просто псевдоним, а целый образ хитрого, невежественного обывателя и мещанина.

Вероятно, не все знают, что на раннем этапе совместного творчества авторы «Золотого теленка» и «Двенадцати стульев» тоже имели коллективный псевдоним — Толстоевский. Илья Ильф и Евгений Петров (а это, как известно, тоже псевдонимы: на самом деле писателей звали И. А. Файнзильберг и Е. П. Катаев) намекали тем самым, как писал А. А. Реформатский, на двойное авторство и весело подшучивали над своей литературной работой. Ведь в этом мнимо легкомысленном псевдониме — Толстоевский — использованы фамилии сразу двух знаменитейших русских писателей.

Псевдонимы могут открыть любопытные страницы литературной жизни, рассказать об интересных общественных событиях, показать своеобразие судьбы того или иного человека.

СУДЬБЫ ИМЕН, ИЛИ БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!

Да, именно так хочется воскликнуть порой в адрес молодых родителей, дающих и выбирающих имя своему ребенку. Большое количество писем, поступающих в органы печати, в Институт русского языка АН СССР, в административные органы свидетельствует о том, что многие люди очень внимательно относятся к проблеме выбора имен новым гражданам и гражданкам нашей страны. «Проблеме? — спросите вы. — В чем же тут проблема. Выбирай и регистрируй!» Да, именно так — выбирай и регистрируй. Но тем не менее проблема остается важной, поскольку еще слишком часто мы встречаемся с появлением неправильных (с точки зрения звучания и значения), вычурных, претенциозных или просто неграмотных имен, которые отдельные родители безответственно дают своим детям, не думая о том, чем это обернется, когда дети станут взрослыми. Скажите откровенно, разве имеют право на существование такие имена для наших детей, как Гений, Комментария, Грация, Юрист, Электрон и другие? А ведь несколько этих примеров (из числа многих тысяч) взяты не из запыленных

архивов двадцатых или тридцатых годов, а из материалов загсов нашего с вами времени...

Иногда родители дают ребенку несуразное имя, к тому же и входящее в настоящее противоречие с его фамилией. На Всесоюзном совещании по личным именам, проходившем в 1968 году в Москве, исследователь антропонимии Т. А. Короткова привела обнаруженное ею в свидетельстве о рождении, выданном административными органами города Свердловска, поистине чудовищное сочетание имени с фамилией: Грация Неумытова. Иной сатирик не придумает злее! В Ульяновске родители дали своему сыну имя Электрик, в Москве в 1968 году училась студентка Комментария и т. д.

Читатели «Комсомольской правды», ее специальной рубрики «Имя собственное», о которой уже упоминалось, присылали много интересных и серьезных писем. В некоторых из них приводились и печальные примеры; так, например, читатель из Армении сообщал, что его друг — хирург назвал своих близнецов Ланцет и Пинцет; из другого письма стало известно о новом гражданине страны по имени Скафандр, а письмо из еще одной южной республики с гневом вопрошало, можно ли было дочку назвать... Канализацией?

Подобные примеры можно перечислять очень долго, однако воистину это будет смех сквозь слезы. Казалось бы, что́ в первые недели жизни ребенка может быть дороже для родителей, как все, что с ним связано? И тем не менее любвеобильные папа и мама не знают подчас ни меры, ни законов и правил русского языка... К сожалению, безвкусная мода на заграничную «красивость» диктует появление неуместных, а то и просто пошлых имен. В. А. Никонов рассказывает, что в Москве один отец наградил дочку именем Баядера. Почему? Вероятно, увидел это слово на афише и захотел «приобщиться к искусству», не потрудившись даже узнать, что оно означает, с чем связано. Каково будет девочке, когда она узнает, какую профессию означает ее имя... А ведь до наступления совершеннолетия она переменить имя не сможет! Нередко в свидетельствах о рождении в качестве полной формы имени можно встретить его сокращенную, уменьшительную форму: Юра вместо Юрий, Лена вместо Елена, Слава вместо Вячеслав (или Святослав, например). Некоторые родители, кстати, не знают, что это — уменьшительные формы, другие свой выбор мо-

тивируют тем, что только что родившегося ребенка им трудно представить взрослым. А ведь ребенок вырастет (и довольно быстро!) и превратится во взрослого человека, в официальное лицо. Каково же тогда будет полковнику Юре Владимировичу или доценту Лене Николаевне? Появляются и такие имена, от которых трудно, а иногда и просто невозможно образовать отчество. Впечатление такое, что родители заранее стараются отказать себе в праве на внучат. Ну скажите, пожалуйста, как будут звать по отчеству сына или дочь того человека, которому дали имя Юрист или Гений (мы уже не говорим о том, что последний в школе может оказаться самым заурядным троечником). Такие примеры говорят об излишнем увлечении родителей красивостью имен, оригинальностью звучания, а иногда и просто отсутствием чувства меры или общей культуры. Все мы восхищались героическим подвигом Юрия Алексеевича Гагарина. Многие мальчики, родившиеся в 1961 году, были названы Юриями именно в честь первого космонавта. Однако следствием явного нарушения чувства меры и вкуса следует считать появление мужского имени Урюрвкос (Ура! Юра в космосе!).

Проблема новых имен привлекает не только лингвистов, но и всех, кому дорог родной язык, в частности писателей и поэтов. Поэт Самуил Маршак, бывший, по свидетельству многих современников, большим знатоком русского языка, великим ценителем простоты и естественности слова, написал специальное стихотворение, названное им «В защиту детей». В нем поэт образно и наглядно показывает, какие житейские трудности ждут тех людей, которым родители дали неудобные, неправильные имена.

Если только ты умен,
Не давай ребятам
Столь затейливых имен,
Как Протон и Атом.
Удружить хотела мать
Дочке белокурой,
Вот и вздумала назвать
Дочку Диктатурой.
Хоть семья ее звала
Сокращенно Дита,
На родителей была
Девушка сердита.
Для другой искал отец
Имя похитрее,

И назвал он, наконец,
Дочь свою Идея.
Звали мама и сестра
Девочку Идейкой,
А ребята со двора
Стали звать Индейкой.
А один оригинал,
Начинен газетой,
Сына Спутником назвал,
Дочь назвал Ракетой.
Пусть поймут отец и мать,
Что с прозваньем этим
Век придется вековать
Злополучным детям...

Как мы уже говорили в одной из предыдущих глав, до революции имя давалось человеку только при посредничестве церкви. К началу XX века образовался как бы замкнутый круг из примерно 200 канонических имен, которые получали около 95 процентов всех рождавшихся детей. Судите сами, насколько ограничен был этот круг, если в начале нашего столетия 240 из каждой тысячи родившихся мальчиков оказывались Иванами, а 200 из каждой тысячи девочек — Мариями.

К тому же в дореволюционной России, как уже подчеркивалось, существовала довольно четкая социальная дифференциация имен. Сравним распространенность отдельных имен, к примеру, среди крестьянок Подмосковья и воспитанниц Смольного института благородных девиц. Из тысячи крестьянок имя Елизавета носила только одна, а на тысячу дворянок Смольного их было 88. Зато ни одна из благородных девиц не носила имени Василиса, в то время как на тысячу крестьянок Подмосковья их было 23. Эти подсчеты сделал В. А. Никонов.

После Великой Октябрьской социалистической революции, обусловившей и вызвавшей глубокие перемены в социально-классовой структуре общества, последовал своеобразный «антропонимический взрыв». Он произошел сразу же после 1917 года и закончился спустя много лет. В чем была его основная черта? В том, что революционная ломка коснулась не только буржуазно-помещичьего строя, но и его религиозно-сословных традиций: народ сам стал создавать имена. Исследователи объединили их понятием «красные»: Октябрина и Майя, Владлен и Вилен, Ким и Марлен, Нинель и Люция, Донара и Красарма, Рикс и Вилорик, сотни других. Они, как правило, образовывались из нарицательных слов: новелла —

Новелла, революция — Рев и Люция, май — Майя, или же представляли собой своеобразные аббревиации, сокращенные словосочетания: Допара — дочь народа, Ким — Коммунистический интернационал молодежи.

Создавались и как бы полуновые имена. Так, имя Карина, близкое по звучанию восточному Каринэ и западному Коринна, было дано девочке, которая родилась в 1934 году на борту парохода «Челюскин» во время плавания по Северному морскому пути. Пароход находился в это время в Карском море, и название моря отразилось в имени Карина. Другой пример: новый смысл был вложен в старинное имя Гертруда — герой труда.

Об этой тяге к новым именам, о причинах ее появления можно прочитать на страницах многих романов, повестей, рассказов.

Вспомним один из эпизодов повести А. П. Гайдара «Бумбараш».

« — Послушай, ты,— помолчав немного, спросил командир,— как тебя зовут?

— Иртыш,— подсказал мальчик.

— Постой, почему же это Иртыш? Тебя как будто бы Иваном звали... Ванькой...

— То поп назвал,— усмехнулся мальчишка.— А теперь не надо. Ванька! И название какое-то сопленосое. Иртыш лучше!

— Ну ладно, пусть Иртыш».

Возникновение «красных» имен было процессом объективным. Конечно, формирование нового именника, новых условий присвоения имени ребенку не могло происходить без сложностей, ошибок, каких-то острых моментов. До сих пор в качестве отрицательных последствий стихийности этого эксперимента лингвисты приводят такие имена, как Лагшмивара (лагерь Шмидта в Арктике), Оюшминальд (Отто Юльевич Шмидт на льдине). Однако не следует, конечно, думать, что в те времена всех новорожденных стремились во что бы то ни стало назвать по-новому. Отнюдь нет, и читателям это хорошо известно по своим близким, знакомым, родственникам. Вот еще один пример из художественной литературы. Познакомьтесь с отрывком из рассказа Дмитрия Сверчкова «Дело № 3576» (опубликован в 1927 году в февральском номере журнала «Красная новь»).

«Напившись чаю, он (Хребтов) пошел в отдел записи актов гражданского состояния, в тот самый, где он с Ольгой два года тому назад расписались в большой книге и сделались мужем и женой.

...Хребтов подошел к столу.

— Ребенка надо записать,— обратился он к женщине, в которой угадывалась бывшая барыня.

— Заполните бланк,— сказала она, протянув ему листок.

— Может, вы сами запишете, а я скажу, как и что,— попросил он.

Она взяла у него выпись из родильного дома и быстро стала заполнять анкету.

— Как назовете ребенка?

— Владимиром,— ответил Хребтов.

— Ну, слава богу! — вырвалось у нее. Хребтов посмотрел на нее вопросительно.— А то теперь такие имена дают, что ничего не разберешь! Какие-то варварские слова выдумали, и слова эти, оказывается, целую фразу иной раз обозначают... Прямо голова кругом идет! А дочерей как называют! Кима, Профинтерна, Желдора, Фарада, Протеста... Весь язык сломаешь, пока выговоришь. Да такую и муж любить никогда не будет. А то один пришел.— Как назовете дочь? — спрашиваю. А он отвечает: «Кро».— Что же это значит? — «Контр-разведывательное отделение!!» Как вам это нравится?»

Процитированный рассказ — отголосок споров, сопровождавших «антропонимический взрыв», что естественно: ведь далеко не все новые имена были удачны, далеко не все из них можно считать подлинными находками, жемчужинами словотворчества.

Но именно эксперимент двадцатых-тридцатых годов уничтожил резкую социальную дифференциацию имен, а также помог расширить их круг за счет новых. В частности, та эпоха подарила нам некоторые имена, воспринимаемые ныне вполне нормально и выдержавшие испытание временем: Майя, Владлен, Тимур, Нинель и др. Закрепились в русском именнике и некоторые новые для него иностранные имена: Алла, Виктория, Нелли, Артур, Эдуард... Кроме того, тогда возродились и получили распространение древнерусские имена (ведь они были запрещены православной церковью, как языческие, и до революции не употреблялись): Руслан, Ярослав, Святослав, Лада.

Новые имена пришли к нам на бурной волне революционных изменений, они создавались в противовес старым, каноническим, ими пытались разрешить ограниченность именника, в них старались отразить события и явления новой жизни. Пожалуй, точно и справедливо сказал о них в своем стихотворении «Октябрины» поэт Е. Долматовский:

Поняв, что этот век неповторим,
Старались и краскомы и и рабфаковки
Его вручить наследникам своим.
И в новых именах бессмертье видели.
Их увлеченье не было игрой.
Не надо обижаться на родителей,
Перемудривших раннею порой.

К тому же родители, сами носящие имена Энергия, Трактор или того хуже — Пятьвчет (пятилетку — в четыре года!), наверняка дадут своему ребенку простое и традиционное имя Владимир или Сергей. Ольга или Галина. Это не раз доказано практикой. К концу тридцатых годов количество новых имен, имен-неологизмов пошло на убыль. Стихийный антропонимический эксперимент подошел к концу.

Можно ли несколькими словами определить социально-эстетический критерий выбора имен в наше время, в восьмидесятые годы XX века? Вероятно, это будут семейная значимость имени, его литературная и устно-бытовая известность, его подлинная традиционность, народность. Учитывается красота звучания, удобство в произношении. От мужских имен должны образовываться удобные и нормально звучащие отчества. К таким выводам приходят специалисты, изучающие личные имена людей.

Молодым родителям следует знать об официальных правилах присвоения имен, отчеств, фамилий. Приведем юридическую справку из книги А. В. Суперанской и А. В. Сусловой «О русских именах», вышедшей в 1978 году в Лениздате.

Вопросы присвоения фамилий, имен и отчеств при регистрации рождения ребенка регламентируются кодексами о браке и семье союзных республик.

Имя ребенку дается по соглашению родителей. Это указано в статье 51 Кодекса о браке и семье РСФСР и в соответствующих статьях кодексов других союзных республик. Поэтому загс не может присваивать при ре-

гистрации рождения детей имя ребенку вопреки желанию родителей. Работники загса могут обратить внимание родителей на то, что имя, которое они хотят дать ребенку, слишком необычно, вычурно, неблагозвучно. Но, если родители настаивают, отказ в присвоении избранного имени является незаконным. Конечно, в тех случаях, когда родители предлагают имя, позорящее человека или несовместимое с нормами нашей морали, загс не может подойти к решению этого вопроса формально. В тех случаях, когда родители не приходят к соглашению об имени или фамилии ребенка, спорный вопрос решается органами опеки и попечительства.

Отчество ребенку присваивается по имени отца. При рождении ребенка у матери, не состоящей в браке, отчество записывается по указанию матери.

Ребенку, чьи родители умерли или безвестно отсутствуют, фамилия, имя и отчество присваиваются по указанию органа опеки и попечительства, администрации детского учреждения, органа милиции или лица, взявшего малыша на воспитание.

По общему правилу фамилия, имя и отчество ребенка не могут быть изменены до достижения им 18-летнего возраста. Однако законодательством установлены отдельные исключения. Например, фамилия и отчество ребенка могут изменяться при установлении отцовства или если по решению суда запись об отцовстве аннулируется. С разрешения органа опеки и попечительства может быть изменена фамилия ребенка в связи с расторжением брака между родителями или признанием их брака недействительным. Фамилию ребенка можно изменить и в том случае, когда оба родителя переменили свою фамилию. Если загс зарегистрировал перемену имени отца, меняется отчество его несовершеннолетних детей.

Если один из родителей меняет фамилию, то вопрос о фамилии ребенка зависит от соглашения супругов, а в случае спора — от решения органов опеки и попечительства. Фамилия, имя и отчество ребенка могут быть изменены, если он усыновлен по решению органов опеки и попечительства, а когда усыновление отменяется — по решению суда.

Человек, достигший 18-летнего возраста, вправе сам ставить вопрос о перемене фамилии, имени, отчества. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР

«О порядке перемены гражданами СССР фамилий, имен и отчеств» эти изменения допускаются с разрешения областных, краевых или городских (Москва, Ленинград) органов загса, а в союзных республиках, не имеющих областного деления, и в автономных республиках — с разрешения республиканского органа загса.

Конечно, нельзя сказать, что сейчас в антропонимии царит беспорядок, что родители дают своим детям некрасивые, уродливые и неправильные имена. Не стоит абсолютизировать те недостатки, которые еще имеются. Однако остаются еще и причины для беспокойства.

Борьба за красоту имен, за обогащение их состава (включая народные варианты), за грамотное и унифицированное их написание, за включение в именословы забытых имен и имен народов нашей страны — это задача не только ученых, не только сотрудников загсов, но и широких масс общественности. И каждый из читателей этой книги несомненно может сказать свое слово в этом благородном, нужном, но нелегком деле.

Итак, осторожно — имя!

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ИМЕН

В очерке «Коньяк, рокфор, феска и доллар» мы рассказали о том, как самые различные географические названия, будучи именами собственными, могут превращаться в нарицательные слова. Результатом этого является то, что, утрачивая функцию индивидуализации, выделения из ряда, они приобретают прямо противоположную функцию обобщения: Ахатес, река на острове Сицилия — агат, полудрагоценный камень, минерал; английский город Регби — спортивная игра в овальный мяч, регби; Битюг — река в Воронежской области, битюг — сильная ломовая лошадь особо крупной породы.

Такой же процесс можно наблюдать и в другой области ономастики — антропонимии, то есть среди различного рода собственных имен людей.

Нарицательные слова, образованные от мужских и женских личных имен, фамилий, прозвищ, отнюдь не единичны. Более того, в русском языке их довольно много. Просто такого рода слова мы уже не воспринимаем как образованные от антропонимов, не чувствуем, а иногда и не знаем их связи с производящей основой.

Значительная часть этих слов образована от иноязычных антропонимов. Классический пример, который часто приводят специалисты-филологи на лекциях в институтах,— наше современное слово *хулиган*. Какое значение оно имеет? В словаре С. И. Ожегова приводится следующее толкование: «Тот, кто занимается хулиганством, грубо нарушает общественный порядок». Слово это имеет довольно любопытную судьбу. Оно пришло к нам из туманного Альбиона и его столицы: в XVIII веке вблизи Лондона находился постоялый двор, владельцем которого был некто Хулигэн, ирландец по происхождению. Известно, что этот человек обладал несносным характером, слыл заядлым скандалистом, и он, и вся его семья причиняли неприятности как постояльцам (имевшим неосторожность заехать сюда), так и соседям. Вот по имени этого Хулигэна и стали называть людей, которые отравляют жизнь другим, нарушают нормы поведения в обществе.

Среди нарицательных слов, образованных от антропонимов, попадаются и слова менее известные, например устаревшие. Чтобы определить значение ряда слов, встречающихся в некоторых строках из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, большинству читателей, по-видимому, приходится обращаться к справочной литературе (если, конечно, данное издание не снабжено специальными сносками-объяснениями). Взять хотя бы этот отрывок:

> Надев широкий боливар,
> Онегин едет на бульвар
> И там гуляет на просторе,
> Пока недремлющий брегет
> Не прозвонит ему обед.

Глаз сразу же останавливается на двух необычных, незнакомых словах: *боливар, брегет*. Оказывается, что это также личные имена, антропонимы, которые обрели в языке вторую судьбу. Боливаром в пушкинские времена называли черную атласную широкополую шляпу с расширяющейся кверху тульей. Это слово образовано от имени Симона Боливара, одного из руководителей борьбы за независимость испанских колоний на Американском континенте. Любопытно отметить, что этот антропоним послужил основой и для других нарицательных слов: денежные единицы в Венесуэле и Боливии называются соответственно *боливар* и *боливиано*. Брегетом

называли карманные часы с боем, которые могли отбивать минуты и даже показывать числа месяца; при этом они обладали большой точностью. Такие часы изготавливались в мастерской французского часовщика А. Л. Бреге, жившего в 1747—1823 годах (по-французски фамилия мастера пишется с конечной буквой Т, которая по правилам французского языка в данном случае не произносится; русские заимствовали не звучание, а написание слова, то есть подвергли его, как говорят ученые, не транскрипции, а транслитерации). Между прочим, в «Евгении Онегине» слово *брегет* встречается не единожды: «Но звон брегета им доносит, Что новый начался балет».

По мнению Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова, слова, возникшие из личных имен людей, называют в основном конкретные вещи, предметы, встречающиеся и использующиеся в нашей жизни; реже эти слова носят отвлеченный характер, абстрактны по своему значению.

К числу первых относятся, например, названия некоторых тканей. Слово *батист* — «тонкая, полупрозрачная, слегка блестящая бумажная или льняная ткань полотняного переплетения» — доносит до наших дней имя мастера Батиста Шамбри, который жил во Франции еще в XIII веке; он-то первый и смог выделать такую необычную, тонкую ткань. Испокон века Франция славилась и своими декоративными тканями, вырабатывавшимися ручным способом. Ей и фамилии красильщиков Гобеленов, известной с XV века, мы обязаны теперь тем, что в русском языке существует и успешно «работает» слово *гобелен*. Употребляется оно в двух значениях — «стенной ковер с вытканными узорами, изображениями» и «плотная декоративная ткань с вытканными узорами».

В магазине музыкальных инструментов, в руках музыканта на концерте, у друзей вы сможете увидеть *баян* — большую гармонику со сложной системой ладов. Многие, вероятно, и сами умеют играть на этом инструменте. Откуда ведет свою историю его название? От имени легендарного древнерусского поэта Бояна, яркий и запоминающийся образ которого создан в зачине «Слова о полку Игореве».

Совершенно отличен от баяна *саксофон*. Это медный духовой музыкальный инструмент, по тембру близкий кларнету. Но слово *саксофон* также образовано от

личного имени: его носил бельгийский мастер А. Сакс. Вторая часть слова — *фон* — пришла из греческого языка (там оно имеет форму *фоне*) и в переводе на русский означает «звук»; такую основу мы встречаем в некоторых известных простых и сложных словах — *телефон, электрофон, фонетика, фонотека, магнитофон, патефон.* Стоп! Слово *патефон* также олицетворяет собой вторую судьбу собственного имени: патефоны во Франции выпускала граммофонная фирма Пате.

Из учебников физики нам давно известны наименования физических единиц. Как правило, они связаны с фамилиями известных ученых. Это *ампер,* единица измерения силы электрического тока (А. М. Ампер), *ватт,* единица мощности тока (Д. Уатт), *рентген,* единица измерения излучения (В. Рентген) и целый ряд других. Многие, по-видимому, знают и о том, что личным именам обязаны своим происхождением названия ряда систем огнестрельного оружия: *наган* — револьвер с вращающимся барабаном, который изобрел бельгийский конструктор Л. Наган, пистолет *браунинг,* изобретенный американцем Дж. Браунингом, револьвер *кольт,* патент на который получил конструктор и владелец крупного завода по производству ручного огнестрельного оружия С. Кольт, также американец. Братья Пауль и Вильгельм Маузеры, конструкторы из Германии, создали и начали выпускать на своих оружейных заводах особые магазинные винтовки и пистолеты — *маузеры.* Что же касается знаменитого пулемета *максим* (кстати говоря, это скорострельное автоматическое оружие было впервые сконструировано еще в 1883 году), то и это название связано с именем его талантливого изобретателя — американского инженера Хайрема Максима.

Поскольку мы заговорили о делах военных, то нелишне будет вспомнить об истории некоторых слов, которыми называют детали одежды, форму военнослужащих. Прежде всего следует сказать о слове *галифе.* В каком значении оно употребляется в современном русском языке? Это установить просто, достаточно открыть словарь: «брюки, облегающие колени, расширяющиеся кверху и заправляемые в сапоги». Сложнее было установить историю слова. Оказывается, такие брюки носил Гастон Галифе, французский генерал, с именем которого связано жестокое подавление Парижской коммуны. Весьма сходна и история слова *френч.* Такую

военную куртку (в талию, с четырьмя большими накладными карманами на груди и на боках и хлястиком сзади) носил английский фельдмаршал Джон Френч. Таким же образом, как пишут Л. А. Введенская и Н. П. Колесников, «прославился» еще один военный деятель: «Генерал Реглан первым в истории портновского искусства надел пальто, у которого рукав составлял с плечом одно целое. Сам покрой и пальто такого фасона получили название реглан».

Однако оставим генералов, военную форму, оружие. Вернемся к делам и вещам мирным. Что является одним из символов благоденствия, счастья, мира? Цветы, красивые цветущие растения. В составе некоторых из их названий мы при подробном анализе можем встретить имена и фамилии людей. Вот несколько примеров. Тем из вас, кому летом довелось хоть раз отдохнуть в Крыму или на Кавказе, наверняка должно было запомниться необычное дерево с крупными белыми душистыми цветами и крупными вечнозелеными кожистыми листьями. Оно носит наименование *магнолия;* его назвали по фамилии Пьера Магноля, жившего в XVII веке. Миссионер Камелли вывез из Восточной Азии декоративное растение с крупными красными цветами и вечнозелеными листьями, которое впоследствии назвали *камелией*. Есть предположение, что такую же судьбу имеет и слово *гортензия*: этот цветок, как считается, назван в честь француженки Гортензии Лепот, которая привезла его в Европу из Индии. А вот история возникновения названия *георгин* (его носит крупное садовое травянистое растение с большими яркими соцветиями) известна ученым более детально. В Старый Свет георгины попали в конце XVIII века, в 1789 году, они были привезены из Мексики. Причем их вывозили не как цветы необычной красоты, а как растения со съедобным корнем, который можно употреблять в пищу. Этот цветок в Мексике был открыт шведским ботаником А. Далем и поэтому получил название *далия*. Однако позднее один из его 15 сортов, выведенный русским академиком И. И. Георги, стали называть *георгином*. Слово *георгин* распространилось на все сорта и полностью вытеснило прежнее название *далия*.

Как правило, вещи, предметы, явления получают свои названия от личных имен реально существовавших людей. Однако бывают случаи, когда основой таких на-

рицательных слов становятся и вымышленные антропонимы, имена сказочных, мифологических персонажей. Таково, например, название красивого, нежного цветка гиацинта. Гиацинт не зря в Греции считается символом печали. Древнегреческие мифы повествуют о том, что однажды бог ветра Зефир полюбил красивого юношу Гиацинта, который был любимцем бога Аполлона. Ревность ослепила Зефира, и во время спортивных занятий, когда Аполлон обучал Гиацинта метанию диска, он сделал так, что брошенный Аполлоном диск попал в голову юноши и убил его. По этому преданию, цветок гиацинт был выращен Аполлоном из крови Гиацинта. Более известен другой миф — о Нарциссе, влюбившемся в свое лицо, отраженное в воде. Цветок нарцисс, отличающийся нежной красотой, действительно как бы склоняет на бок свою головку и смотрит желтым глазком вниз на свое отражение.

Читателям достаточно хорошо известна судьба русского слова *царь*: в прямом своем значении оно давно на свалке истории. Но в переносном значении (например, царь зверей) это слово, включая производные от него, до сих пор активно живет в языке. Оно, как, впрочем, и слова *кесарь* — «древнеримский император», *кайзер* — «император в Германской империи», восходит к имени Гая Юлия Цезаря, который в 44 году до нашей эры был провозглашен пожизненным диктатором. Однако вряд ли неспециалисты знают, что привычное всем нам слово *силуэт* также восходит к имени реального исторического лица и политического деятеля (разумеется, несравнимо меньшего масштаба и значения). Речь идет о французском министре XVIII века Э. де Силуэте. В одном парижском журнале на него была нарисована весьма остроумная карикатура в виде теневого профиля. Острые на язык и наблюдательные парижане узнали министра и стали с тех пор — а за ними и все французы — называть любое теневое изображение силуэтом. Из французского слово *силуэт* попало в русский язык, где оно теперь употребляется в нескольких значениях: «одноцветное контурное изображение чего-нибудь на фоне другого цвета», «очертания чего-нибудь, виднеющиеся в темноте, в тумане», «то же, что контур».

Ну а русский граф Строганов, большой, видно, гурман, ввел в употребление популярное ныне блюдо из мел-

ких кусочков мяса в соусе. Не ведая, не гадая, он тем самым увековечил о себе память в... названии блюда беф-строганов!

Благодаря процессу перехода личных имен в нарицательные слова лексика нашего языка обогащается. Важно и то, что такие слова, как правило, имеют интересный лингво-исторический, этнографический фон. Видимо, такое явление будет происходить и в будущем.



почему так названо?

„-Обществом каких насекомых вы изволили наслаждаться у себя на родине?-спросил Комар.
-Я вовсе не наслаждалась их обществом,- объяснила Алиса. -Я их ужасно боюсь... особенно тех, что покрупнее. Зато я помню, как их зовут.
-Они, конечно, откликаются, если их позвать?- небрежно заметил Комар.
-Я не знала, что они умеют... откликаться.
-Зачем же им имена,-возразил Комар,-если они на них не откликаются?
-Насекомым, конечно, незачем, -сказала Алиса,- но наверно, так удобнее людям. Ведь это люди их так назвали. А для чего вообще нужны имена?“

Л.Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

„-... А название этой песни... Оно называется „Нельзя ли павиана...“.
-Вот как? Неужто так называется песня?-спросила Алиса, делая вид, что это ее заинтересовало.
-Да нет! Вы не понимаете!-раздраженно ответил Рыцарь.-Это ее название так называется. А сама она называется „Однажды лысому ежу...“
-Ага. Значит, я должна была сказать: „Это и есть название песни?“-исправилась Алиса.
-Да нет же! Это она так называется. А название песни -„За дикого кота“. Но это только название.
-Так какая же это песня?-спросила совершенно ошарашенная Алиса“.

Л.Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

ЗВЕЗДНОЕ СИТО

Перефразируя известные слова поэта, можно сказать: «Если звезды называют — значит, это кому-нибудь нужно?»

В языкознании для названий этих небесных объектов обычно используют два термина — космонимы и астронимы. Под космонимами принято понимать собственные имена зоны космического пространства — галактики, созвездия, например Большое Магелланово Облако, Большая Медведица, Млечный Путь, созвездие Девы и т. п. В отличие от них астронимами принято считать наименования отдельных небесных тел — звезд, планет, комет, астероидов, например Солнце, Луна, Земля, Меркурий, Полярная звезда, Венера, Вега, Эрос, комета Энке и т. п.

Космические объекты, небесные тела получали свои имена не только с развитием астрономии и тем более космонавтики. Многие из астронимов и космонимов свое происхождение ведут из глубины далеких столетий и даже тысячелетий. Наши древние предки определяли по положению небесных светил время года и суток, ориентировались в океанах, морях, пустынях и лесах, гадали по ним о будущем. И при этом давали им имена в соответствии со своим восприятием неба. Известно, что человек создал бога по своему образу и подобию. Так вот, наши предки и небеса заселили привычными им вещами, предметами, земными существами и т. д. Названия космических объектов убедительно подтверждают характерную черту всех имен собственных. Она заключается в том, что каждое название дано объекту человеком, человеческим обществом и характеризует не только (а иногда и не столько) сам объект, но и тех, кто давал ему имя. Все звезды, планеты, созвездия и

званы (правда, пока!) с Земли, и эти наименования, будучи подчас весьма древними, отражают представления наших предков о мироздании, рассказывают об их жизни, быте, хозяйстве, иногда даже о социальных отношениях в обществе далекой поры. По образному выражению одного из советских исследователей, охотничьи племена увидели в космосе охотника и диких животных, скотоводческие народы населили небо табунами коней. Примеров этому можно привести великое множество. Возьмем хотя бы такой...

Что это над головой? Семь ярких звезд, как бы небрежно приколотых невидимой рукой к сине-черному бархату неба. Это Большая Медведица, родители показывали нам ее ковш еще в далеком детстве. У римлян для этого созвездия помимо названия Большая Медведица бытовали еще два наименования: Повозка и Семерка; в этих ярких звездах римляне видели семь быков, молотящих хлеб, идя по кругу. Любопытно, что наименования, образованные по такому принципу, не исчезли в ряде мест и до нашего времени. Так, в говорах Нижнего Заволжья для Большой Медведицы живо название Телега, а на Украине — Воз. Это созвездие по-разному было воспринято разными народами: тувинцы назвали его Чеди-хаан («семь царей»), эскимосы — Тунг-тувахляк («большой дикий олень»), мордва-эрзя — Покш-кече («большой ковш») и т. д. «Семь разбойников» (Жеты каракшы) — такое имя носит это созвездие у казахов. По старинному народному поверью, звезды эти на самом деле — души семи воров, семи разбойников. Днем они воровали, а ночами каялись в грехах. За это после смерти они были обращены в семь звезд. Древняя казахская легенда говорит о том, что небо — это луг, на котором пасутся два коня: Ак боз ат («Белый конь») и Кок боз ат («Серый конь»). Это две самые яркие звезды в созвездии Малой Медведицы, для которой в целом в казахском языке не существует специального названия. Белый Конь и Серый Конь связаны веревкой, конец которой привязан к другой звезде — Темир казык, что есть «Железный кол» (мы знаем ее как Полярную звезду). Всю ночь за Белым и Серым конями следят Жеты каракшы — Семь разбойников, которые хотят их похитить. Кони, привязанные к железному колу, кружатся возле него, конокрады их преследуют, и так повторяется каждую ночь. При случае всмотритесь внимательно в

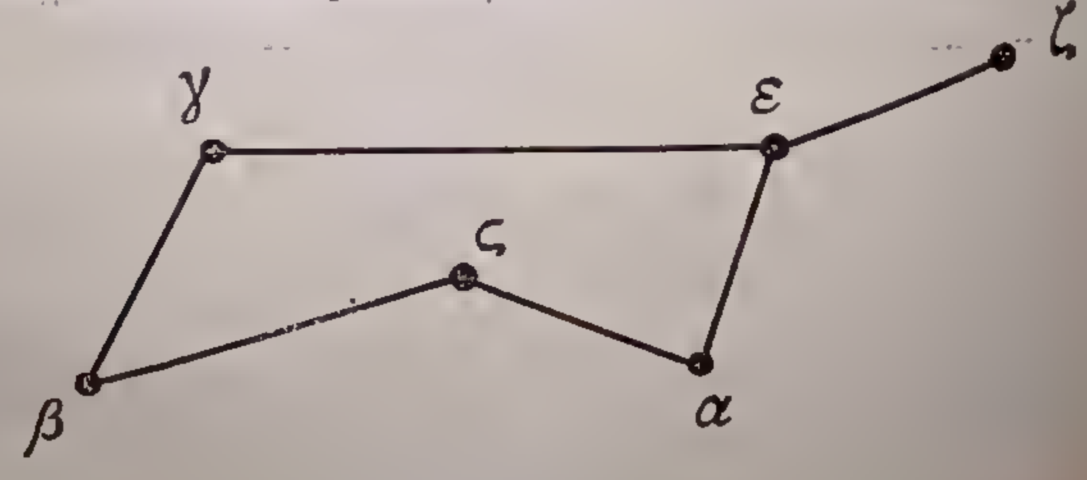
звездное небо, найдите Большую и Малую Медведицы, и перед вами оживет старинная казахская легенда.

Разные названия Большой Медведицы распространены у русских, причем зачастую это обусловлено географическим фактором. Так, на севере России ее именуют Лосем или Сохатым. Часто именуют его Ковшом или Большим Ковшом. Действительно, похоже! Но особенно распространены названия Большой Медведицы, указывающие на ассоциации с повозкой: Воз, Возило, Телега, Повозка, Арба, Колымага, Колесница.

Нередко приходится слышать сомнения: но почему же существует название Большая Медведица? При всем воображении в этом созвездии очень трудно увидеть очертания известного лесного зверя. Действительно, это так: в созвездии сейчас можно увидеть скорее черпак или кастрюлю с ручкой. Не зря появились и шутливые стихи по этому поводу:

> Две медведицы смеются:
> — Эти звезды нас надули!
> Нашим именем зовутся,
> А похожи на кастрюли.

Необычную и смелую гипотезу, объясняющую несоответствие названия Большой Медведицы расположению звезд, рисунку созвездия, выдвинул украинский ученый доктор филологических наук Ю. А. Карпенко. Он считает (и не без оснований), что имя Медведица существует по крайней мере 100 тысяч лет, а в тот период расположение ярких звезд созвездия определенно могло вызвать ассоциацию с фигурой медведя. Исследования астрономов показывают, что конфигурация семи ярких звезд Большой Медведицы с течением веков несколько изменилась, поскольку каждая из них имеет собственное разнонаправленное движение. 100 тысяч лет назад это созвездие, по всей вероятности, могло иметь следующий вид (по Ю. А. Карпенко):



Шесть звезд создавали рисунок медведя, а седьмая (Бенетнаш) как бы заставляла зверя поднять морду, привлекая его. Если предположить, продолжает Ю. А. Карпенко, что зверь этот — медведь, то естественно было думать, что смотрел он на медвежонка; может быть, именно это объясняет тот факт, что созвездие стало зваться Медведицей, а не медведем. Но эта гипотеза интересна не только для науки об именах собственных, но и для языкознания в целом. Ведь если данная версия справедлива, то, следовательно, 100 тысяч лет назад люди уже могли разговаривать, называть, а в их языке существовало и обозначение медведя (20 или 50 тысяч лет назад созвездие имело уже иную конфигурацию, схожесть его с медведем была уже утрачена). Этот вывод обладает несомненной важностью, поскольку в спорах ученых о времени возникновения языка наблюдается серьезное расхождение точек зрения.

Космонимы, астронимы — бесценные крупицы знания для этнографов, историков, лингвистов. Сейчас благодаря школе, печати, радио, телевидению в нашу жизнь активно входят те названия космических объектов, которые приняты в науке. Порой уже трудно встретить людей, которые приведут иные — каждый для своего языка — названия для того или иного созвездия, планеты. Так, например, из учебника астрономии школьник может узнать, что Плеяды — это рассеянное звездное скопление в созвездии Тельца, самая яркая звезда Плеяд — Альциона. Заглянув в мифологический или энциклопедический словарь, легко узнать и о том, что Плеядами в греческой мифологии называют семь дочерей титана Атланта, превращенных Зевсом в звездное скопление, чтобы спасти их от преследований Ориона (не будем вдаваться в подробности этого мифа). Но Плеяды — название официальное, утвердившееся в науке. А знаете ли вы, что русские называли его Бабами, Кучками, Поповой Семьей, Утичьим Гнездом, Волосянкой, Решеткой, Решетом, Стожарами (от слова *стожар* — «груда, куча» или «шест, воткнутый в середину стога»), Ульем, Кичигой (от слова *кичига* — «молотило, заменяющее цеп» или «валек») и т. п. Для башкир, чувашей, марийцев Плеяды — это Звездное Сито, мордве созвездие известно как Пчелиный Рой, Семь Воробьев. Этот список может быть очень длинным.

Конечно, овладение научной терминологией, ее усвоение — прогрессивный процесс. В наш век нельзя обойтись без единой и общеупотребительной системы названий космических объектов. Но одновременно нельзя допустить, чтобы медленно и безвозвратно погибал такой ценный источник для исследования культуры, истории, языка народов, какой представляют собой народные названия звезд, планет, созвездий. Их нужно собирать и изучать, и гораздо активнее, чем это делалось до настоящего времени.

Млечный Путь — такое название имеет пересекающая небо неярко светящаяся полоса. Она представляет собой огромное количество звезд (их трудно различить визуально), концентрирующихся вблизи основной плоскости Галактики. Близ этой плоскости расположено Солнце, поэтому большинство звезд Галактики проецируется на небесную сферу в пределах узкой полосы — Млечного Пути. Под какими именами он только не встречается в языках народов нашей страны — Батыева Дорога, Моисеева Дорога, Шлях До Киева, Дорога В Иерусалим, Лыжный След, Серебряная Река, Дорога Душ, Путь Вора Соломы, Спина Бога, Песчаная Река, Молочная Река, Небесная Трещина, Пыльная Река, Дорога Овец, Мышиные Тропки и великое множество других.

Исследования этих имен собственных зачастую могут привести к любопытным выводам не только лингвистического, но и историко-этнографического характера. Установлено, что в Поволжье названия Млечного Пути у народов-соседей очень схожи по смыслу. Если перевести на русский язык этот космоним с татарского, башкирского, чувашского языков, то он будет звучать как Путь Диких Гусей. У народов Поволжья, говорящих на языках угро-финской семьи, значение названия Млечного Пути будет почти таким же; мордва, марийцы, удмурты называют его Журавлиным Путем или Путем Птиц.

Эта общность мотивировки названия в особом объяснении не нуждается, поскольку тюркоязычные народы и финно-угры Поволжья живут в тесном соседстве уже много веков. Однако гораздо сложнее объяснить, почему Млечный Путь — это «дорога птиц» для большого количества других народов, удаленных друг от друга географически, и исторические судьбы которых (как это счи-

талось раньше) практически не пересекались: от киргизов Тянь-Шаня до финнов Прибалтики.

Один и тот же смысл содержится в названиях этого космического объекта у эстонцев, финнов, коми, даже у венгров (до XVI века); с другой стороны, и туркмены, киргизы, казахи, каракалпаки видят во Млечном Пути «дорогу птиц» — диких гусей, а то и просто птиц, без уточнения.

Вряд ли это можно объяснить случайностью. Но последние полторы тысячи лет не существовало таких этнических связей, которые привели бы к возникновению одинаковых по значению наименований, к примеру у эстонцев и киргизов. Вероятно, это произошло в более древние времена. По словам В. А. Никонова, факт совпадения названий указывает на то, что предки тюрок и предки финно-угров либо связаны родством (возможно, даже общим происхождением), либо находились в длительном теснейшем контакте, то есть жили рядом (эта гипотеза уже ранее существовала у историков). Независимо от того, было это единство генетическим или контактным, его можно считать очень давним. Вот какие любопытные сведения можем мы получить, анализируя народные космонимы и астронимы.

Жизнь и наука не стоят на месте. После исторического полета Юрия Гагарина, открывшего людям Земли дорогу в космос, космонавтика начала развиваться бурными темпами. Продолжается и изучение космоса с поверхности нашей планеты. Мощные радиотелескопы позволяют ученым проникать все дальше и дальше в глубь Вселенной, помогают открывать новые космические объекты.

Каждый из таких объектов разумеется, должен получить собственное имя.

Не будем «ходить» далеко в космос. Возьмем в качестве примера наименования так называемых малых планет. Под малыми планетами астрономы подразумевают тела Солнечной системы диаметром от одного до примерно тысячи километров. Орбиты большинства малых планет находятся между орбитами Марса и Юпитера. Самые известные из них — Церера, Паллада, Веста, Юнона, Эрот, Амур, Гидальго, Икар. Список названий малых планет, которых насчитывается в каталоге свыше 2200, пополнился целым рядом новых, открытых за последние годы советскими астрономами. В 1980 го-

ду Международный планетный центр утвердил более двух десятков названий новых планет, предложенных советскими учеными. Эти астронимы весьма разнообразны. Одни планеты названы в честь советских республик и городов: Белоруссия, Казахстания, Тюмения, Ленинград, Магнитка. Появились и такие планеты, как *Целина, Пятилетка*. Другие планеты названы в честь выдающихся людей: Надежда — в честь Н. К. Крупской, Ульянов — в память об Александре Ульянове, Жуков — в честь выдающегося советского военачальника Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Одна из малых планет носит имя академика Л. Ландау, другая названа в честь писательницы, Героя Социалистического Труда М. С. Шагинян — Мариэтта. Очень символично, что есть теперь на нашем небе и малая планета Таня. Это имя присвоено ей в память о Тане Савичевой — ленинградской школьнице, авторе известного блокадного дневника, который не может не тронуть душу любого человека...

СКОЛЬКО ИМЕН У ВЕНЕРЫ?

Люди еще во времена глубокой древности обратили внимание на то, что на небосводе есть такая группа объектов, которые изменяют свое положение относительно других светил. Ю. А. Карпенко пишет, что неслучайно греки назвали эти объекты планетами. Слово *планета* образовано от греческого глагола, имевшего значение «блуждать». Со временем прилагательное «блуждающий» превратилось в существительное, которое греки стали употреблять в значении «путешественник, странник, бродяга». Поначалу его использовали только тогда, когда речь шла о путешествующих людях. Планетой, например, называли известного царя Эдипа, которому пришлось немало постранствовать по свету. Ну а когда на небе были обнаружены и «путешествующие звезды», их тоже стали называть планетами.

Это слово восточные славяне знали уже в XI веке. Но на Руси обычно его употребляли в переводе. В разных памятниках письменности мы находим такие переводы греческого слова *планетэс*, как «переходная звезда», «блуждающая, бродячая звезда».

Наши древние предки знали пять планет — *Меркурий*, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн. Ведь только эти «блуждающие звезды» можно увидеть без помощи спе-

циальных приспособлений — невооруженным глазом. Если уж быть совсем точным, то нужно сказать, что древние к числу планет ошибочно относили также Луну и Солнце, и поэтому общее число известных им планет было семь.

Венера — самая яркая из всех планет. Раньше всех эта блистающая точка появляется вечером на небе. Однако ночью она скрывается за горизонтом, и мы ее не видим. Вновь зажигается Венера на небосводе лишь утром, до восхода Солнца.

То название планеты, которое сейчас мы чаще всего употребляем — читаем, пишем, произносим, очень древнее. Но, оказывается, были времена, когда Венера не называлась Венерой. Детально изучивший проблему доктор филологических наук, профессор Ю. А. Карпенко так отвечает на этот вопрос.

Еще в VI веке до нашей эры, во времена, когда жил и творил Пифагор, Венера называлась иначе. У нее было сразу два имени: Фосфор и Эосфор — «несущий свет» и «несущий утро» (так называли утреннюю Венеру) и Геспер — «вечер» (так называли Венеру вечернюю, которая исчезает на ночь). Между прочим, именно Пифагору первому пришла мысль о том, что это одна и та же планета, а не две разные, как было принято считать. Так что поначалу название планеты было совсем не «божественным», и возникло оно, как мы видим, из представлений об огне и свете. Только гораздо позднее, по прошествии длительного периода времени и развития науки, люди поняли, что свет планет — это отраженный свет Солнца, а сами планеты — темные тела.

Вавилоняне за 20 веков до нашей эры всем известным тогда пяти планетам, в том числе и Венере, дали имена своих богов. Обширные и глубокие познания вавилонян в области астрономии произвели весьма большое впечатление на греков, особенно после походов Александра Македонского. Впечатление было настолько велико, что греки вслед за вавилонскими жрецами-астрономами начали называть планеты именами богов и пифагорейские «огненные» названия были заменены на мифологические, божественные. Аристотель, живший в IV веке до нашей эры, знал пифагорейские названия планет и параллельно с ними привел новые: Гермес, Зевс и т. д. К этому времени греки уже убедились в том, что нет двух Венер, двух разных планет, а есть од-

на, которую не видно среди ночи. Поэтому и Платон, и его ученик Аристотель упоминают уже только одно название этой планеты, также божественного характера,— Афродита.

Извечное человеческое любопытство подсказывает вопрос: а почему же именно Афродитой назвали эту планету? Вероятно, потому, что Венера — самая яркая планета Солнечной системы и одна из самых красивых. А Афродита в древнегреческой мифологии была богиней любви и олицетворяла женскую красоту. Профессор Ю. А. Карпенко считает, что вечерняя и утренняя звезда Венера получила имя богини любви Афродиты по той же логике, по какой Луну называют солнцем влюбленных.

Современное же свое название (мы имеем в виду общепринятое, а не народное, диалектное) планета Венера получила от древних римлян, хотя истоки их собственных астрономических представлений находились на востоке, главным образом в Греции, оттуда же в Древний Рим пришли и названия планет. Но поскольку верховные божества Древнего Рима были отождествлены с греческими, то соответственно названия планет также изменились. Зевс в Риме превратился в Юпитера, бог войны Арей (или Арес) в Марса, ну а Афродита? Афродита стала Венерой — богиней красоты, плодородия и супружеской любви. Интересно, что и в Древнем Риме сохранялось старое раздвоенное восприятие планеты Венера как вечерней и утренней звезды. Римляне и здесь придерживались соответствия греческому образцу: вечернюю Венеру они называли Веспер (что в переводе значит «вечер» и «вечерняя звезда»), а утреннюю, появляющуюся на небе до восхода солнца, они называли Люцифер (это переводится как «несущий свет» и «утренняя звезда»). Кстати говоря, не надо путать это название с именем сатаны: дьяволом Люцифер стал значительно позже, уже в христианской религии и ее мифах.

Я уже говорил, что большинство современных людей знает те названия планет, которые приняты в науке. Однако, сохраняется много и народных названий, всегда вызывающих интерес и любопытство. Ведь и на самом деле интересно бывает узнать, как те же звезды, те же планеты, которые мы давно знаем под привычными для нас именами, называют люди, говорящие на других

языках и живущие в других странах, на других континентах...

Венере, пожалуй, «повезло» больше, чем другим планетам. Русские называют ее Вечерней звездой, Вечерней зарей, Вечерней зарницей, а иногда и просто Вечерницей. Такого же рода имена, указывающие на основное ее отличие — на то, что вечерняя Венера видна на небе до наступления полной темноты и ночи,— есть и в языках многих других народов как славянских, так и неславянских. Судите сами. Поляки называют ее Вечорницей, сербы и хорваты — Вечернячей или Вечеркой. В башкирском языке вечерняя Венера носит имя Энер йондозо, то есть «вечерняя звезда». Точно так же переводится и то название этой планеты, которое бытует у немцев,— Абендштерн.

Как мы знаем, при возникновении разных имен, названий, наименований зачастую весьма большую роль играют разного рода ассоциации. Названия Венеры — не исключение. Вспомните, что вечерняя Венера может появляться рядом с Луной. Теперь не удивительно, что в Польше ее иногда называют Слугой Месяца, Подругой Месяца, а в некоторых странах Африки даже Женой Месяца. Ну а если обратиться к привычному русскому фольклору? Здесь нас тоже ждет небольшое открытие: во многих сказках и легендах упоминается красавица, которая была сестрой Месяца и Солнца. Ведь именно ее, эту красавицу, то есть планету Венера, и добывал хитроумный и ловкий Иванушка из «Конька-Горбунка». Каким-то образом, по мнению Ю. А. Карпенко, связана с народными представлениями о планете Венера и другая красавица — уже из пушкинской сказки, та самая, у которой «во лбу звезда горит».

Но вот совсем уже другие ассоциации легли в основу того имени, которым вечернюю Венеру называют казахи. Оно звучит как Тул катын — «Сварливая баба». Почему? Зимой вечером мороз становится сильнее, усиливается (особенно при континентальном климате), и чувство усиливавшегося холода ассоциировалось в сознании казахов именно с ярко блестевшей в это время на небе звездой, хотя, разумеется, она в усилении мороза абсолютно не повинна.

Есть у Венеры ряд «звериных» названий, причем считается, что они также относятся к вечерней планете. Можно вспомнить русское ее название Волчья звезда,

сербохорватское Воларица, многочисленные ее имена, бытующие у поляков, которые на русский язык переводятся как Волчья звезда, Заячья звезда и т. д. Названия такого рода человек давал, видимо, потому, что именно вечерняя Венера светит зверям после захода солнца.

О названиях утренней Венеры нам известно уже достаточно много. И все же далеко не все. Практически у всех славянских народов названия этой планеты (ее утреннего, если можно так выразиться, варианта) связаны со словами *утро, заря* и т. д. Русские называют ее Утренней звездой, Утренницей, Утренней зарей. Часто встречаются и такие ее русские имена, как Зарянка, Заряница. Такие же красивые и поэтичные названия утренняя Венера носит у сербов и хорватов — Зорняча, у словен — Пораница, у поляков — Ютженка.

Но ее называют не только «утренней», но и «предвещающей день» или «несущей день». В старых русских памятниках письменности было найдено такое название утренней Венеры, которое звучит как Денница. Между прочим, и сейчас кое-где в Югославии, указывает Ю. А. Карпенко, утреннюю звезду называют Даница — именно в этом значении: «несущая день».

Конечно же, не только славяне обратили внимание на то, что Венера видна утром. Если спросить эстонца, как он называет утреннюю Венеру, ответ будет — Койдутяхт, то есть Звезда утренней зари. Эти «утренние» ассоциации у некоторых народов оказываются порой и более специализированными. У многих тюркоязычных народов утренняя Венера — это Пастушья звезда. Так, например, на русский язык переводится Чобан йылдызы — имя, которое утренней Венере дали туркмены. Ведь именно с появлением на небосклоне этой звезды пастухи выводят скот на пастбища...

Гораздо меньше известно таких названий Венеры, которые объединяют утренний и вечерний ее «варианты».

Арабы называют Венеру Зухра. Это слово можно перевести как «блестящая». Действительно, Венера — самое яркое светило на нашем небе после Солнца и Луны. Кстати говоря, с этим арабским названием отчасти перекликается то имя Венеры, которое ей дали якуты — Уоттах сулус, то есть Огненная звезда. Хотя не исключено, что это имя может указывать не только (и не

столько!) на яркость Венеры, сколько на общий вид горизонта в момент заката.

Нет разделения на утреннюю и вечернюю звезду и еще в одном русском названии Венеры — Чигирь или Чигирь-звезда. Это слово встречается в некоторых древних рукописных памятниках. Зафиксировал его в устной речи и известный собиратель диалектных слов, автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль. Название это загадочно. По-разному толкуют его значение, разные гипотезы существуют относительно его происхождения в русском языке. Однако в одной старинной рукописи на астрономическую тему (XVII век) есть фраза, которая, по оценке Ю. А. Карпенко, помогает нам понять смысл имени Чигирь-звезда. Там говорится: «Чигирь бо звезда именовашеся сирским языком». Слово *сирский* в рукописи значит «сирийский», то есть арабский. А по-арабски, как мы уже сказали, Венера называется Зухра. Именно это название, пройдя через несколько других языков, попало в русский в таком виде, что его трудно узнать — Чигирь...

Так сколько же имен у Венеры?

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДЖУЛЬБАРСА

Ученые называют клички животных зоонимами. Разумеется, речь может идти лишь о кличках домашних животных (или же — как исключение — о кличках диких животных, содержащихся постоянно в неволе, например в зоопарке, в цирке, в научных лабораториях). Человек не может оставить животное безымянным, если в силу каких-то объективных причин (случая или необходимости) оно становится объектом его пристального и постоянного внимания. В самом деле, нельзя сравнивать безымянную полудикую лошадь из тысячного табуна со скаковой лошадью, победы и поражения которой обсуждают любители спорта и комментаторы, а ее «биография» и физические показатели указываются в справочниках, статьях, буклетах и с ней постоянно и внимательно работают тренеры, жокеи, коневоды. Лошади из табуна собственного имени никто давать не будет, так же как и большинству овец, свиней, домашней птице. Но лошадь скаковая при рождении имя обязательно получит, причем оно будет зарегистрировано официально и при

этом будет образовано по особым правилам (клички лошадям даются обычно главными зоотехниками конных заводов).

Если вам не доводилось слышать об этих правилах, попробуйте сами составить о них представление, воспользовавшись примерами, которые я приведу. Жеребец — победитель Кубка СССР 1981 года — имеет кличку Гепатит. Мать его была Гардиной, отец Перилом. Гепатит... Его кличка не случайна с точки зрения буквенного состава. Уже заметили? Да, верно: кличка лошади, например чистокровной верховой породы, должна начинаться как правило с той же буквы, что и кличка ее матери (иногда отца), и содержать первую букву клички отца (матери). Поэтому жеребенок, рожденный от Гардины и Перила, должен был получить имя, начинающееся на букву Г и содержащее букву П; так возникла кличка Гепатит. Это — традиция.

На Смоленской госконюшне известна русская рысистая по кличке Лакомка. Ее родителями были Любезная и Камешек. Когда Лакомка начала сама приносить жеребят, то они получили имена, начинающиеся на букву Л. Отцом троих жеребят стал Нагиб, поэтому им были присвоены такие клички: Лиана, Лунная, Лазурный.

На Мордовском конном заводе есть кобыла Редкость, родителями которой были Ребус и Еловая. Детьми самой Редкости были: Рябина от Буревестника, Рута от Миномета, Розмари от Паруса, Рамзай от Миномета.

А вот еще одна лошадиная «генеалогия», на этот раз пример взят из практики Мордовской госконюшни. Родителями высокопородистой кобылы по кличке Ревность были жеребец Ребус и кобыла Вершина (которые в свою очередь были рождены соответственно от Румба и Ревекки, Рокота и Ворчуньи). Детьми Ревности стали: Ракета от Валета, Ровня от Бостона, Резеда от Лебарда, Рио-Рита от Миномета, Рассада от Омуля.

Сам же выбор клички жеребенку произволен. Если зоотехник затрудняется подобрать нужное по составу букв слово, если под рукой у него нет энциклопедического словаря или же и словарь бессилен, то на помощь приходит фантазия. Правда, в большинстве случаев таким образом подобранные имена не очень благозвучны

и надуманны: Жасминка, Багажница, Припец, Пиолуна, Циклистка, Дагестанша. Но такие случаи относятся в основном к разряду исключений; в целом клички породистых лошадей традиционно образуются от слов, реально существующих в нашем языке. Их можно свести в несколько групп, как предлагает Л. М. Щетинин.

Клички по названиям предметов: Бисер, Букет, Гардина, Нитка, Пистолет, Таблетка; по родовым наименованиям растений, рыб, животных, птиц: Ласточка, Чайка, Буревестник, Барс, Нерпа, Белуга, Хризантема; по словам, которые обозначают абстрактные понятия, явления: Идеал, Кульминация, Проза, Риск, Технология. Есть еще одна группа, ее составляют слова (с точки зрения грамматики это прилагательные), которыми авторы клички называют реальные или желаемые свойства характера лошади, особенности ее нрава: Быстрый, Дикая, Достойная, Ровная, Магическая, Четкий, Дерзкий. В качестве производящих основ для кличек породистых лошадей используются также другие имена собственные, в основном это топонимы и личные имена: Байкал, Каспий, Сахалин, Рабат, Сингапур, Чарли, Юпитер, Юнона, Изабелла, Инга.

Конечно, имели клички и крестьянские лошади — добрые и верные помощники десятков тысяч русских семей. Придумывали их наши предки, разумеется, без помощи энциклопедического словаря (многие и читать-то не умели!). В русской деревне традиционно в качестве основы для клички жеребенка бралось слово, которое характеризовало его внешний вид. Как правило, основное внимание при этом обращалось на масть лошади. Отсюда многочисленные Буланки, Сивки, Савраски, Чалые, Гнедки, Воронки... Сейчас, в эпоху НТР, значения слов-названий лошадиных мастей уже почти забыты. Вряд ли без помощи словаря большинство читателей может определить, что лошадь по кличке Гнедко должна быть темно-красной, по кличке Сивка — темно-сизой, по кличке Буланый — светло-желтой, а по кличке, к примеру, Савраска — светло-гнедой с желтизной...

В своих воспоминаниях «В начале жизни» С. Я. Маршак рассказывает:

«Это был молодой норовистый конь, которого хозяин завода предоставил в распоряжение отца, так как жили мы далеко от города.

Ворончиком назвали его, вероятно, потому, что шерсть у него была черная и лоснистая, как вороново крыло, но для меня эта кличка была больше связана с именем города. Ворончик — воронежский конь».

Другим очень близким человеку домашним животным является собака, вошедшая в его дом с древнейших времен. Каждый из нас в памяти хранит не одну собачью кличку: может быть, эта собака жила или живет в вашем доме, в доме друзей или родственников, может быть, вы читали или слышали о ней. Разве не знакомы вам различные Шарики и Барбосы, Бобики и Тузики, Рексы и Альмы, Джульбарсы и Мухтары?

Причем вы, вероятно, чувствуете, что первые четыре клички традиционно относятся к так называемым «беспородным» собакам. Так уж повелось, что милые русские дворняги — сплошь Шарики и Барбосы, Бобики и Тузики, да еще и Цыганы, Полканы, Белки и т. д. Что же касается собак породистых, то они, как правило, имеют разнообразные имена, закрепленные документально. Любопытны рассуждения о кличках собак одного из персонажей хроники Н. С. Лескова «Соборяне»:

«...Ты, говорит, сызмальства по господским домам живешь, так должен ты все собачьи имена знать».— «Ну как, мол, можно все их имена знать; мало ли где как собак называют».— «Ну, кричит, скорей пересчитывай!» Я им и называю, что ведь названия, мол, даются все больше по породам, что какой прилично: борзые почаще все «Милорды», а то из наших простых, которые красивей, «Барбосы» есть, из аглицких «Фанн», из курляндских «Шарлотки», французских называют «Жужу» и «Бижу»; испанские «Карло», или «Катанья», или еще как-нибудь: немецкие «Шпиц»... Но отец дьякон меня на этом перебивают: «Нет, ты, говорит, скажи мне такое имя, чтобы ни у кого такого не было. Ты,— изволят настаивать,— должен это знать!»

Тот, кто читал эту книгу Н. С. Лескова, вероятно, помнит, что озорной отец Ахилла, который завел себе щенка и научил его даже смеяться, все-таки нашел для него необычное имя: собака получила кличку Каквас, что позволяло Ахилле на почтовой станции разыгрывать проезжающих и подшучивать над ними. На вопрос «Ну, а как же вашу собачку звать»? Ахилла отвечал: «А собачку зовут Каквас». Последствия розыгрыша нетрудно себе представить.

В регистрационных документах, хранящихся в любом городском клубе собаководов, мы найдем сотни собачьих родословных, тысячи кличек. При этом можно обнаружить и некоторое отличие, существующее между кличками породистых лошадей и собак. Во-первых, среди собачьих кличек преобладают такие, которые состоят в основном из одного или двух слогов (трехсложные клички встречаются редко): Бим, Джек, Рекс, Альма, Аттли, Линда, Дон, Кент, Тор и пр. Причем если кличка двухсложна, то второй, то есть конечный слог в большинстве случаев редуцированный, иначе говоря неударный (хотя, разумеется, встречаются иногда и клички с ударением на последнем слоге: Донгуз, Тарзан, Абрек).

По-видимому, это потому, что собакам часто подаются разнообразные служебные команды, чаще (чем у лошадей) произносится кличка, а для удобства произнесения краткое имя более предпочтительно. Другим отличием является набор производящих основ — слов, которые могут превращаться в клички собак. Издавна сложилась в собаководстве традиция, согласно которой в качестве кличек не используются русские личные имена (правда, это в целом характерно для домашних животных, но для собак — в особенности). Однако весьма часто для образования кличек наших четвероногих друзей служат иноязычные имена — немецкие, английские, реже испанские и др. Этому тоже есть объяснение: среди пород служебных собак в СССР особенное распространение получили немецкие и восточноевропейские овчарки. Поэтому часто можно встретить такие клички, как Джек, Джим, Рори, Джон, Том, Альма, Ральф, Герта и т. д. К тому же в сознании носителя русского языка эти слова в неизмеримо меньшей степени ассоциируются с человеком.

Нередко — как и в кличках лошадей — собаки получают имена, образованные от топонимов, географических названий: Байкал, Дон, Кавказ, Хасан, Амур. При этом выбор того или иного топонима не связывается с родиной собаки, а обусловливается в основном удобством звучания, соответственно и использования. Порой выбор клички бывает подсказан какими-то конкретными жизненными обстоятельствами, каким-либо случаем из жизни владельца собаки. Вот два таких примера. Первый взят из рассказа М. М. Пришвина «Нерль»:

«Мы не ошиблись: в эту ночь Кэт родила нам шесть щенков: три сучки и три кобелька... Кобельки вышли в отца, Тома; пятна были несколько потемнее, у двух почему-то на белом пока не было крапу, а третий был значительно крупнее других, весь в пятнах, крапе, таком частом, что казался весь темный, и вообще был тяжел и дубоват. Дубец — мелькнуло слово у меня в голове, я поймал его и вспомнил охоты свои по выводкам на речке Дубец. Слово мелькнуло недаром, я очень удачно охотился на Дубце, и мне показалось — неплохо будет в память этих охот назвать новую собаку Дубцом. Да и пора вообще бросить трафаретные клички и давать свои собственные, местные... Из этого помета я решил себе оставить кобелька и сучку. Название для сучки мне сейчас же пришло в голову, как только мелькнул Дубец. Я назову ее Нерлью, потому что на болотистых берегах этой речки прошлый год много нашел гнездовых дупелей».

Вы видите, что здесь писатель рассказывает о своих собаках и их кличках, о том, какие клички, образованные от географических названий, он хочет дать щенятам, только что появившимся на свет. При этом мы становимся свидетелями процесса рождения двух имен, процесса, связанного с целым рядом ассоциаций и описываемого автором очень образно, в истинно пришвинском стиле.

Второй пример взят не из литературы, а из современной жизни. Московский ученый Ф.— профессор, доктор технических наук — в течение долгих лет увлекался альпинизмом, стал мастером спорта. Однажды во время очередного восхождения в горах Кавказа из-за плохих погодных условий он попал, как мы теперь говорим, в экстремальную ситуацию, которая могла кончиться трагедией. Это случилось в районе перевала Донгуз-Орун, что расположен в Сванетии между верховьями рек Баксан и Ингури. Сумев проявить хладнокровие и завидное мужество, альпинист спас свою жизнь и помог товарищам. Однако там, в горах, он дал себе обещание завести дома в Москве собаку-сенбернара (вы, вероятно, знаете, что эти собаки специально обучаются для спасения людей, терпящих бедствие в горах) и назвать ее Донгузом. Обещание было выполнено, и долгие годы в семье профессора Ф. жил сенбернар Донгуз, названный

в память о том трудном испытании на перевале Донгуз-Орун.

Если в кличках породистых лошадей, как мы уже отмечали, встречаются слова, обозначающие абстрактные понятия или конкретные предметы типа Ностальгия или Пулемет, то это практически не принято у собаководов.

При выборе имени для породистого щенка нет четко установленных правил о включении в него первых букв из кличек матери и отца щенка. Однако нередко это применяется и зависит от традиций, которые сложились в конкретном клубе собаководов. Не следует забывать и о том, что речь в данном случае идет о так называемом «паспортном» имени собаки: в СССР и в зарубежных странах в собаководстве существуют строгие правила, по которым в паспорт собаки обязательно записываются точные сведения о ней самой и ее родословная. Однако на практике «паспортное» имя собаки может зачастую фигурировать лишь в документах — в родословных ее потомства, в каталогах выставок, а в повседневной жизни хозяева будут называть ее или видоизмененной или вообще другой кличкой. Так, например, в одной семье живет овчарка, зарегистрированная как Рейнгольд, однако дома ее зовут Роном.

Нередко люди называют по-разному и бродячих дворняжек, которых, к сожалению, становится все больше в наших городах. В одном из подмосковных городов черную собаку, постоянно кормящуюся у станционного буфета, одни мальчишки кличут Цыганом, а другие Чернышом.

Перечитывая роман Л. Толстого «Война и мир», обратите внимание на те страницы, где описываются бедствия русских солдат, попавших в плен к французам (в этой колонне были Пьер Безухов и Платон Каратаев). К этой группе голодных и оборванных людей прибилась небольшая собачонка, и разные персонажи книги именуют ее по-разному: Платон Каратаев зовет ее Серым и Вислым, солдат-сказочник — Фемгалкой, а конвоиры-французы — Азором...

Вам уже известны примеры, когда некоторые имена собственные — в основном, топонимы и антропонимы — превращаются в нарицательные слова, приобретают конкретное лексическое значение, связанное с понятием. Ономастика знает несколько случаев, когда подобную

метаморфозу испытали и отдельные зоонимы. Приведу *лишь* один пример из греческой мифологии. Свирепый трехголовый пес Цербер, охранявший, по преданию, выход из подземного царства Аида, пропускал туда всякого, но не выпускал никого. Только Орфею удалось усыпить Цербера песнями и беспрепятственно выйти из преисподней. Чтобы умилостивить Цербера, греки клали в гроб медовую лепешку, которую умерший должен был отдать этому свирепому стражу. Одолеть Цербера смог только Геракл, он сумел связать этого неусыпного стража и принести царю Еврисфею (так был Гераклом совершен двенадцатый подвиг). В современном русском языке есть слово *цербер,* которое употребляется в значении «злой, свирепый надсмотрщик, страж» и, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, имеет книжную стилистическую окраску. Однако нередко его можно услышать и в устной речи.

ДЕД МОРОЗ И ДРУГИЕ

Все прочитанные вами главы были посвящены самым разным собственным именам. С точки зрения строгой научной классификации все они отличаются друг от друга и входят в состав разных подгрупп, образуют разные типы: город Псков и река Волга, улица Горького и гора Магнитная, человек, в паспорте которого значится Сергей Дмитриевич Семенов, и созвездие Плеяды. Однако у всех этих наименований есть одна общая черта — они относятся к реально существующим объектам. Пусть каждый из этих объектов не будет похож на иной, пусть они практически несовместимы по своим характеристикам, однако все они реально существуют в окружающем нас материальном мире, все они являются его составной частью. Человек и созвездие, город и река, животное и гора — частички объективного мира. Их можно исследовать, анализировать, описывать. Они, как говорится, существуют вне и независимо от нашего сознания и даны нам в ощущениях. Все они, разумеется, могут иметь и собственные имена, названия.

Однако существует среди круга современных имен собственных и иная разновидность. Это наименования вымышленных объектов. Судите сами, нельзя сравнивать реально существующий Сахалин с вымышленным (но существующим в нашем воображении, памяти, а

также памятниках фольклора и т. п.) островом Буяном. К числу таких названий относятся, к примеру, имена многочисленных божеств разных народов: Велес и Даждьбог, Зевс и Гермес, а также имена героев сказок, легенд, преданий и т. д.

К числу таких необычных названий относится известное и дорогое нам с детства имя доброго персонажа русских сказок Деда Мороза. Какова его история?

Дед Мороз, новогодняя елка — у каждого русского человека слова эти ассоциируются с добрыми воспоминаниями о детстве. На память приходит морозный запах хвои — от елки, которую отец привез из леса или купил на городском елочном базаре, маленький дед-мороз под этой елкой, уже наряженной, куда ты его поставил, чтобы утром первого дня Нового года найти подарок... Откуда ведет свое начало обычай наряжать под Новый год елку или сосенку? А самое главное, откуда пришел этот симпатичный и добрый герой, которого мы зовем Дед Мороз?

Сам обычай наряжать новогоднюю ель в том виде, в каком он существует сейчас в нашей стране, сравнительно молод. Обычай этот пришел к нам из Германии после того, как Петр I повелел отмечать начало Нового года не 1 сентября, как это существовало у русских с введением православия, а 1 января. Кстати, напомню, что еще раньше Древняя Русь праздновала приход Нового года 1 марта — как приход весны.

У самих немцев обычай наряжать и освящать рождественскую елку появился в середине XVIII века и оттуда, из Германии, быстро распространился по всем европейским странам. Но его происхождение уходит своими корнями в глубокую древность. Оно было связано с тем магическим значением символа жизни, которое имела зелень для земледельческих и скотоводческих племен. Для древних германцев ели были священны: люди верили, будто в хвое обитает дух лесов, защитник природы. И горящие свечи — обряд жертвоприношения этому духу.

Если история обычая украшать новогоднюю ель изучена сравнительно подробно, то этого нельзя сказать об образе Деда Мороза в русском фольклоре, об истории возникновения этого собственного имени. И все же ученым известны многие любопытные факты.

С 2—2084

Представьте себе, что таким сказочным героям, как Баба-Яга, Кощей Бессмертный и другим (как положительным, так и отрицательным) персонажам русского фольклора вдруг пришлось бы написать автобиографию. Так вот, одним из самых молодых героев наших сказок оказался бы — как это ни странно! — именно Дед Мороз. О времени своего рождения ему бы пришлось написать: девятнадцатое столетие... Однако сразу же оговоримся, что речь в данном случае идет о том образе Деда Мороза, который сложился к настоящему времени,— образе доброго (в целом) сказочного старика, живущего в зимнем лесу, приносящего в новогоднюю ночь детишкам подарки. Обычай дарить детям подарки от имени Деда Мороза (а позднее и Снегурочки) закрепился у нас в России именно в XIX веке.

История возникновения образа Деда Мороза сложна и интересна.

Издревле у нас на Руси олицетворяли силы природы, наделяя их именами и «соответствующей» внешностью. Не был обойден и мороз, он занимал большое место в жизни древнего земледельца: его боялись и одновременно чтили, уважали. Из поколения в поколение накапливались наблюдения за проявлением сил природы, в первую очередь, конечно, таких, как тепло, холод, влага, очень важных для земледелия. Накапливались и приметы — поэтические по форме, стихийно приобретенные практические знания по сути. С давних времен почитался образ повелителя холодов, буранов, метелей — Мороза. В памятниках фольклора он упоминается и как Мороз, и как Морозко, и как Мороз Морозович. Когда в феврале наступали известные сретенские морозы, которые считались последней битвой зимы и весны, в результате которой зима начинала отступать, по русским деревням пели такие песни:

Пришел месяц бокогрей,
Землю-матушку не грел,
Бок корове обогрел,
И корове, и коню,
И седому старику —
Мороз Морозычу.
Ты, Морозко, не серчай.
Из деревни убегай —
Что за тридевять земель,
Что за тридесять морей!
Там твое хозяйство
Ждет тебя заброшено.

Белым снегом запорошено,
За ледяными печатями,
За семью железными замками,
Да за семью засовами.

Этот образ, олицетворяющий силы зимы, представлялся людям в виде довольно-таки сурового старика с длинной белой бородой, с помощью которой он может закрутить метели, пургу, вьюгу. И подарков он тогда не дарил!

Когда же у нас была принята новая дата празднования Нового года и в Россию стали проникать европейские обычаи, связанные с этим праздником, постепенно начал складываться и образ доброго (но для нерадивых детей строгого) старика, приносящего новогодние подарки. Основой ему послужил распространенный в Европе у многих народов сказочный персонаж — святой Николай, который в день своего праздника 6 декабря одаривал детей и взрослых. Во многих странах он известен как Санта Клаус (Клаус — искаженная форма имени Николай). Санта Клаус весьма похож на Деда Мороза: он высок ростом, носит длинную седую бороду, одет в красную сутану и высокую красную шапку — митру. Обычно он едет на белом коне. Часто у Санта Клауса есть и сопровождающие (вспомните нашу Снегурочку...). В некоторых странах — это его слуга-мавр Черный Питер, одетый как средневековый паж. За спиной у Черного Питера висит мешок с подарками, а в руках он держит розги для непослушных детей.

Некоторые ученые считают, что образ Санта Клауса — святого Николая восходит к образу древнегерманского бога бури Водана. По их мнению, Водан был центральной фигурой древнего языческого праздника, которым отмечали завершение цикла сельскохозяйственных работ. По некоторым поверьям древних тевтонов, божество по имени Водан жило где-то на Севере и иногда появлялось оттуда, раздавая подарки. Между прочим, обычай дарить в Новый год подарки — очень и очень древний. Это было не просто обоюдное поздравление, не просто подарок, а дары, что-то вроде вещественного задатка под будущее благополучие и богатство.

Попав на русскую почву, образ Санта Клауса слился с образом исконно русского Мороза Морозыча и постепенно превратился во всем нам известного и знакомого Деда Мороза. Это произошло очень быстро, в част-

6*

ности благодаря силе образа русского Мороза, привычности и «прозрачности» его имени.

Подобные явления нередки в фольклоре. Ученые называют их контаминацией (от латинского слова, обозначающего смешение, соприкосновение).

К сожалению, этого обаятельного персонажа русского фольклора иногда незаслуженно обижают. Авторы некоторых газетных заметок, программ новогодних представлений и концертов, даже некоторых текстов для иностранных студентов порой весьма произвольно пишут это имя собственное: и Дед-Мороз, и дед Мороз, и дед-мороз. Этому в немалой мере способствует известный разнобой, который существует в словарях русского языка, приводящих разные формы имени.

Поэтому хочется обратить внимание читателей на следующее.

В русском языке есть два разных слова, звучащих одинаково. Первое слово (точнее словосочетание) — Дед Мороз. Это — герой сказок. Его имя нужно писать с двух прописных букв и без дефиса. Второе слово *дед-мороз*. Это — название игрушки, которую перед Новым годом сотнями и тысячами продают в магазинах. Это слово является сложным нарицательным существительным (а не именем собственным). Его нужно писать со строчной буквы, через дефис (мнение Б. З. Букчиной и других).

Интерес представляют и многие другие имена вымышленных объектов. Как правило, они всем нам знакомы, причем зачастую, как и Дед Мороз,— с детства, из сказок. Но вот о происхождении их обычно знают лишь специалисты.

Среди персонажей русского фольклора есть, конечно, не только положительные герои, но и отрицательные. Кто из них скорее всего приходит на память? Вероятно, Кощей Бессмертный (распространен также и другой вариант написания — Кащей) и Баба-Яга — костяная нога.

Имя Кощея практически всегда употребляется с определением «бессмертный», ведь он практически не боится смерти: жизнь Кощея спрятана в иголке, иголка в яйце, яйцо в утке и так далее, и добыть его жизнь может только отважный богатырь. Кроме этого, известна и скупость Кощея; она даже вошла в поговорку: «скуп, как Кощей». В сказках также часто дается и его портрет, описание, при этом отмечается его необыкновенная худоба.

Можно подумать, что именно худоба, сутулость, костлявость Кощея и послужили причиной, мотивом возникновения его прозвания. Действительно, имя его кажется родственником таких слов, как *кость, костлявый.* Может быть, Кощей означает «костлявый старик»? По-другому оценивал значение имени этого сказочного персонажа этнограф Л. В. Лошевский. Вот что он писал: «Роль похитителей или пленителей солнца в наших сказках играют тучи, олицетворенные в виде Кащея; как тучи затемняют солнце и таким образом как бы похищают его, так Кащей уносит в свои владения красную девицу — солнце и разлучает ее с возлюбленным — землей, с которым она вступила в плодотворный союз. Основываясь уже и на том, что самое имя Кащей должно происходить от слова *кость*, откуда производится глагол *косте-неть*, т. е. замерзать, сделать твердым, как кость... следует принять, что Кащей — похититель красной девицы-солнца олицетворяет собою зимние тучи, которые в это время года, как бы окованные холодом, не дают дождей и заслоняют собой солнце, вследствие чего цепенеет и самая земля в тоске от разлуки со своей возлюбленной...»

Думается, и такое объяснение имени Кощей вряд ли может считаться достаточно убедительным. Древние имена обычно были «говорящими», а в имени отрицательного персонажа должна была быть заложена и отрицательная характеристика. Поэтому более аргументированной кажется версия тех ученых, которые считают, что имя Кощей — производное от глаголов *костить* или *костерить*, имеющих значение «бранить». Интересен и другой факт: слово *костить* встречается во многих славянских языках — русском, белорусском, польском, чешском и других, а также в их диалектах. При этом их значение оказывается более широким: они значат не просто «поносить, хулить», но и «портить, наносить вред». Между прочим, такой смысл сохранился и в одном слове из литературного русского языка — в слове *пакость*. Вы знаете, что оно имеет значение «причиненный кому-либо умышленный вред». По словам ленинградского ученого профессора В. М. Мокиенко, связь с этим корнем лучше проясняет внутреннюю сущность Кощея, чем сопоставление с костью: ведь во всех сказках этот старый скряга только и делает, что «костит» — творит пакости положительным героям.

Другой родственный Кощею персонаж — Баба-Яга. И дело даже не в том, что обычно в народных сказках она упоминается с эпитетом «костяная нога». Но и Кощей, и Баба-Яга на самом деле «два сапога — пара»: нрав этой безобразной старухи, которая то хочет детей съесть и старается обманом запихнуть их на деревянной лопате в печку, то отправляется ночью на свои темные дела в ступе, а следы заметает помелом, прямо-таки под стать пакостнику Кощею. Не случайно, что и ее имя несет в себе отрицательный заряд с точки зрения смысла, содержания. В русских деревнях этот сказочный персонаж известен, как Баба-Яга, Ягая баба, Яга-Бова, Яга-Бура. Но знают ее и многие другие славянские народы. Поляки называют свою Бабу-Ягу Ендза, Ендзина, словаки — Яга-баба и Ежи-баба, чехи — Ежибаба и Езинка. Оказывается, что во всех этих наименованиях просматривается очень и очень древний корень. Причем известен он не только славянским языкам, но и литовскому, латышскому, готскому, санскриту (древнеиндийскому), другим языкам. Ученые-этимологи реконструируют этот корень как [illegible], что означает «злой, мерзкий» (такого слова в современном языке нет, но оно может быть восстановлено, реконструировано). Так что имя и Бабы-Яги можно назвать «говорящим».

ФИЛЬКИНА ГРАМОТА И КОЕ-ЧТО ИНОЕ

В русском языке (как, впрочем, и практически в любом другом языке) имена собственные часто входят в состав фразеологизмов — устойчивых образных словосочетаний. Каждый из нас знает и употребляет десятки таких фразеологических единиц: сизифов труд, вавилонское столпотворение, филькина грамота, драть как сидорову козу, авгиевы конюшни, разрубить гордиев узел, при царе Горохе, кричать во всю Ивановскую, коломенская верста, Москва слезам не верит, ехать в Тулу со своим самоваром, Фома неверующий и многие другие.

Фразеологизмы отличаются от других словосочетаний тем, что они, как и слова, устойчивы, существуют в языке как закрепленные единицы (и поэтому можно создавать фразеологические словари), а значение их, как правило, либо вообще нельзя вывести из значений составляющих фразеологизмов слов, либо нельзя считать про-

стой суммой значений этих слов. Фразеологизмы всегда имеют какой-то переносный, очень образный, живой смысл — идиоматичность, как говорят языковеды (в связи с этим их, как правило, невозможно переводить на другие языки, а удается только подыскивать примерные эквиваленты).

В состав фразеологизмов могут входить антропонимы (например, по Сеньке и шапка) и топонимы (например, как швед под Полтавой), гораздо реже какие-то другие собственные имена. Причем таких единиц в языках действительно много: по самым скромным подсчетам число фразеологизмов, которые несут в своем составе антропонимы, в русском, английском, немецком и французском литературном языках превышает 1200 (на самом же деле их конечно гораздо больше).

Почему важно и интересно изучать отономастическую фразеологию? Потому что она обладает ярко выраженной национальной спецификой. С помощью таких единиц языка и входящих в них колоритных имен мы можем узнать много интересных фактов о традициях и обычаях того или иного народа, о его истории и мифологии, подчас даже и о его способе мышления.

Конечно, есть ряд так называемых интернациональных фразеологизмов с именами собственными. Они встречаются не в одном, а в нескольких (часто во многих и не обязательно родственных) языках. Как правило, это такие фразеологические словосочетания, которые возникли на мифологическом или библейском или ином общеизвестном историческом материале (перейти Рубикон, ахиллесова пята, валаамова ослица, геркулесов труд, дамоклов меч, иерихонские трубы, воскресение Лазаря, прокрустово ложе и др.).

Давайте на каком-нибудь примере посмотрим, как образуются такие фразеологизмы, какое значение они получают в языке и как ведут себя в их составе собственные имена.

Сизифов труд. Так говорим мы о какой-то работе, когда она тяжела, изнурительна и в то же время бесполезна, напрасна. Но почему — сизифов? Кто он такой, этот Сизиф?

Те читатели, которым в детстве (или в более поздние времена) попалась в руки интереснейшая книга Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» или же другие книги по древнегреческой мифологии, наверняка

вспомнят печальную и поучительную историю царя Сизифа.

Этот хитрый и коварный правитель Коринфа захотел, как и боги, стать бессмертным. Ему удалось обмануть богиню Смерти и заковать ее в железо. Разумеется, после этого весь ход нормальной жизни на Земле был нарушен: все живое перестало умирать, люди приравнялись к богам. Боги решили наказать строптивого царя и освободить Смерть. Сделал это бог войны, который был наиболее заинтересован в вызволении Смерти. Казалось бы, хитрый коринфец потерпел поражение. Однако и на сей раз ему удалось совершить обман. Сизиф договорился с женой, что после его смерти она откажется совершать над телом погребальные обряды. Поэтому, еще не успев попасть в подземное царство Аида (где жили души всех умерших людей), Сизиф стал жаловаться на то, что он обесчещен женой. Ему удалось упросить богов отпустить на короткое время домой, чтобы рассчитаться с неблагодарной супругой. Однако вернуть после этого обманщика Сизифа в царство смерти оказалось еще труднее. В конечном итоге это смог сделать лишь сын Зевса — Гермес, самый хитрый и изворотливый из богов-олимпийцев (не случайно на Олимпе он был покровителем торговцев и воров). За такой двойной обман боги жестоко наказали правителя Коринфа, осудив его на вечные муки. Вот как они описаны в «Одиссее» Гомера:

Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью:
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины
С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень,
Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.

(пер. В. А. Жуковского)

На эту работу, на этот труд Сизиф был обречен, как говорится, на веки веков. Теперь, вероятно, вам стало ясно, почему имя этого героя мифов стало нарицательным, а само словосочетание *сизифов труд* имеет значение «тяжелый и напрасный труд». Именно в этом значении мы можем встретить данный фразеологизм на страницах произведений художественной литературы, а порой и сами употребляем в устной и письменной речи.

Фразеологизм сизифов труд входит в состав интернациональных единиц, вы можете встретить его в словарях французского, английского, испанского, немецкого и многих других языков.

Разумеется, гораздо больше существует таких фразеологизмов, которые несут черты национальной специфики.

В 1980 году на экранах кинотеатров Советского Союза шла кинокартина «Москва слезам не верит» (создатели которой впоследствии были удостоены высокой премии). Ее название — это известная пословица.

Выражение *Москва слезам не верит* относится к группе таких пословиц, которые возникли очень давно. При этом некоторые из них отчасти указывают на время своего появления: «Погиб, как швед под Полтавой», «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»; «Пусто, словно Мамай прошел»; «На француза и вилы — ружье»...

Когда мы употребляем выражение *Москва слезам не верит?* В том случае, когда чьи-либо жалобы не вызывают сочувствия. Вот небольшой пример из рассказа Н. С. Лескова «Воительница»: «Взгляните,— говорит,— на мои слезы.— Что ж,— говорю,— дружок, слезы? — слезы слезами, и мне даже самой очень тебя жаль, да только Москва слезам не верит, говорит пословица».

Эта пословица приводится в сборниках крылатых слов и выражений, в сборниках пословиц, в некоторых толковых словарях.

Как считает лингвист В. Н. Сергеев, выражение *Москва слезам не верит* возникло, очевидно, во времена возвышения Московского княжества, объединения русских земель вокруг Москвы. Пополнение государственной казны шло за счет больших поборов с городов. В различных слоях населения постоянно вспыхивали и шли споры относительно того, кому и сколько платить, кому нести воинскую и иную повинность. Нередко люди не могли разрешить эти проблемы самостоятельно, и поэтому из разных городов в Москву ехали челобитчики. По многим историческим свидетельствам, по документам нам известно, что в слезных жалобах они просили великого князя, позже царя, восстановить справедливость, установить, на чьей стороне правда. Между прочим, жалобщиков иногда жестоко наказывали: чтобы другим было неповадно. Например, из книги Р. Г. Скрынникова «Иван Грозный» мы можем узнать, как сурово

расправился однажды с челобитчиками из Пскова Иван Грозный: «Челобитчики застали царя на отдыхе в одном из дворцовых сел. Раздосадованный Иван велел арестовать крамольных горожан и «бесчествовал» их: обварил кипящим вином, свечою сжег волосы и опалил бороды. Вслед за тем жалобщиков раздели донага и уложили на землю... Псковичи вернулись ни с чем, и их рассказы дали горожанам новую пищу для недовольства». Видимо, при подобных жизненных обстоятельствах в русском языке и появились, по мнению В. Н. Сергеева, поговорки типа «Москва слезам не верит», смысл которых ясен лишь тому, кто знает историческую подоплеку.

Какие словосочетания мы используем, когда нам нужно создать значение «очень давно»? Можно сказать: сто лет, тысячу (тыщу) лет назад (хотя на самом деле ни о какой сотне или тысяче лет речь не идет), можно сказать «уже забыл, когда это было». Есть и другие способы. Но нередко можно услышать необычное выражение, в состав которого входит имя собственное, антропоним: при царе Горохе. Что же это был за царь, почему он носил такое необычное имя и почему фразеологизм имеет смысл «очень давно, в незапамятные времена»? Ответить на вопрос нелегко, существует несколько гипотез и предположений. Однако, думается, лучшим и наиболее убедительным способом расшифровки этого выражения будет описание ряда «родственников» царя Гороха в других языках. Они на самом деле существуют. Так, в украинском языке можно встретить выражения *за царя Хмеля, за царя Тимка* (этому имени соответствует русское Тимошка). В польском языке: при короле Сверчке, при короле Гвоздике; в чешском: при короле Голыше, при Марии Теремтете. Об этом пишет В. М. Мокиенко в своей интересной книге «В глубь поговорки».

Фразеологические имена царей, государей с тем же смысловым содержанием — «очень давно» — можно встретить и в неславянских языках. Так, немцы пользуются выражением *во времена царствования Табака*, французы — *во времена короля Гильемо* (причем имя французского короля тоже «говорящее», оно означает «сойка»).

Разумеется, практически все подобного рода короли, цари, имена которых встречаются во фразеологизмах, не более чем плод народной шутки. Поэтому и царь Горох нереален, неправдоподобен в той же степени, в

той же мере, что и молочные реки с кисельными берегами, ковры-самолеты, сказочные говорящие волки, медведи, орлы и прочие звери и птицы. По-видимому, значение «очень давно», объединяющее перечисленные нами выше фразеологизмы, создается как раз неправдоподобностью, невозможностью реального существования таких царей и королей — Гороха, Хмеля, Табака, Гвоздика и т. д. Как пишет профессор В. М. Мокиенко, царь Горох — это нечто вроде *рака*, который *свистнет на горе*, *лысого*, который *станет кудрявым*, *мухи*, которая *породит паука*, *белой малины* или *дождичка*, который *выпадет в четверг*; именно такие образы «неправдоподобности» созданы нашей народной речью.

Но почему же в качестве имени такого царя в русском языке фигурирует слово *горох*? Это объясняется материалами русского фольклора: ученые отмечают, что в целом ряде пословиц и поговорок с горохом связаны «обидные» ассоциации. Например: «Горох да репа обидное семя», «Обидные семена в поле горох да репа, а в мире — вдова да девка», многие другие. Объяснение этих ассоциаций также находим в пословицах: «Тем завидны в поле горох да репа, кто не пройдет — щипнет». Потому, говорит другое присловье, «репа да горох и сеются про воров». Здесь можно видеть причину того, что слово *гороховый* получило дополнительное переносное значение «плохой», «слабый» и т. д. — гороховая память, гороховые слова. Ну уж а такое словосочетание, как *чучело гороховое* или *пугало гороховое*, адресованное какому-нибудь человеку,— очень резкое выражение, оскорбление. Возможно, именно в виде этакого горохового пугала виделся нашим острым на язык предкам царь Горох. Так что выражение *при царе Горохе*, как было выше наглядно показано, следует считать материализованной, дошедшей до наших времен народной шуткой, в которой Горох был символом невозможности, неправдоподобности. Следовательно, и символом исключительной давности происходящего...

Вот жизненная ситуация, когда человек употребляет еще один фразеологизм с именем собственным в составе. Причем это выражение — не менее образное, чем выражение *при царе Горохе*. Представим себе, что какой-то руководитель попросил своего подчиненного подготовить отчет о выполняемой в настоящий момент работе. Подчиненный — хороший специалист, обладает высокой

квалификацией, но вот... отчеты, официальные документы составлять не умеет, справляется с этим из рук вон плохо. Кое-как написав отчет, он приносит его своему начальнику. Просмотрев бумаги, начальник с досадой восклицает: «Ну что вы мне за филькину грамоту принесли?» Или: «Это же не отчет, а филькина грамота!»

Выражение *филькина грамота* имеет приблизительное значение «пустая, ничего не стоящая бумажка», «не имеющий никакой силы документ», «текст, написанный неразборчиво, неграмотно». Поначалу это была грамота, которую написал необразованный, малограмотный человек «подлого сословия», а посему грамота веса не имела. Иначе говоря, это был документ, составленный простофилей. Прислушайтесь к этому слову: простофилей — просто... Филей. Как было показано известным советским лингвистом академиком В. В. Виноградовым, слово *простофиля* образовано от греческого имени Филипп (греческое *филиппос* означало «любящий лошадей, увлекающийся верховой ездой»). С христианством это имя в числе многих десятков других канонических имен попало в русский язык, закрепилось в нем. Конечно же, практически никто из носителей русского языка, употребляя имя Филипп, не знает его этимологии. Более того, русский язык обошелся с ним (впрочем, как и со многими другими именами) довольно свободно, в устной речи Филипп приобрел частотные формы: Филя, Филька, Филюха. Нередко этим именем русские дворяне нарекали своих слуг. Помните, как Фамусов обращался к своему Фильке?

> Ты, Филька, ты прямой чурбан,
> В швейцары произвел ленивую тетерю...

Поэтому вряд ли стоит удивляться, что такое типизированное имя слуги приобрело значение «глупый и ленивый человек», стало синонимом многих других слов, выступающих в этом же значении. Конечно, этому способствовало и употребление имени в русских пословицах. В них Филя выступает в роли простака и неудачника: «У Фили пили, да Филю и побили».

Фразеологизм *филькина грамота* (как и само переносное значение имени Филя) в русском языке имеет специфическую национальную окраску. А вот в чешской фразеологии, как подчеркивает В. М. Мокиенко, имя Филипп обладает другими ассоциативными связя-

ми, которые носят прямо-таки противоположный характер. Чешское выражение, которое в буквальном переводе на русский звучит как «иметь Филиппа», обладает несколько необычным для нас, русских, смыслом — «быть умным, проницательным»...

НА СТРАНИЦАХ ЛЮБИМЫХ КНИГ

Принято говорить, что писатель, создавая свои произведения, держит руку на пульсе эпохи. Во многом это сравнение правомерно. Эпоха, близкая тому или иному художнику слова, запечатлевается им во всех ее проявлениях. Поэтому на страницах книг живут, работают, творят, мечтают люди, текут реки, бушуют штормы в морях и океанах, вырастают и исчезают деревни, поселки, города, светят звезды — все так, как в реальной жизни. Поэтому, разумеется, писатели не могут и обойтись в своей трудной и благородной работе без использования имен собственных, причем практически всех разновидностей: от имен и фамилий людей до географических названий, от наименований звезд и созвездий до кличек животных и т. д. Подчас работа писателя над собственными именами представляет собой сложный и трудоемкий процесс: фамилии, имена, названия, наименования должны быть стилистически верны и точны, должны отвечать целям, идее, всему духу романа, повести, рассказа, стихотворения, должны нести особый колорит, а иногда и какой-то специальный смысл, особое значение. Попробуем с вами открыть некоторые из любимых нами книг и снова встретиться со знакомыми именами собственными, всякий раз задавая вопросы: откуда? как? почему? зачем?

Вряд ли можно спорить о той необыкновенной роли, которую сыграли в жизни каждого из нас книги Александра Сергеевича Пушкина. У каждого, как правило, бывает какой-то любимый писатель: Тургенев или Достоевский, Паустовский или Куприн, Булгаков или Катаев, Распутин или Абрамов и т. д. Суть не в фамилиях. Суть в том, что над всем этим обычно стоит Пушкин. Он — начало начал, великий маг и чародей русского слова; именно творчество А. С. Пушкина для нас, советских лингвистов, является точкой отсчета истории русского литературного языка в его современном состоянии.

«Мой дядя самых честных правил...» — кто из сегодняшних, вчерашних и позавчерашних школьников не знает начала первой главы «Евгения Онегина»? Этот роман в стихах — даже при той своеобразной манере, в которой иные учителя русского языка и литературы знакомят с этим шедевром своих учеников (когда роман не читают, не изучают, а «проходят»),— дорог нам. Дорог прелестью онегинской строфы, «сладкозвучием рифм», дорог образами Татьяны, Евгения, Владимира, Ольги. Пожалуй, в первую очередь образами Онегина и Татьяны Лариной.

И школьники, и студенты часто спрашивают: почему Пушкин дал главному герою своего романа такую необычную фамилию? Случайно ли это? Что может означать эта фамилия, от какого слова она образована?

Скажу сразу, что окончательного и точного ответа на эти вопросы нет. Попытки дать его уже предпринимались неоднократно и, вероятно будут еще продолжены.

Самая распространенная версия говорит о том, что поэт мог образовать фамилию Онегин от географического названия, ему хорошо известного,— Онега. Такое наименование носит река Онега, впадающая в Белое море, город, стоящий в ее устье (населенный пункт с этим названием известен еще с XVI века). Конечно же, необходимо вспомнить и о другом топониме — Онего, древнерусском названии Онежского озера.

Однако исторические источники донесли до нас сведения о реальных лицах, которые носили фамилию Онегин. Хотя время появления фамилии остается неизвестным, установлено (В. А. Никоновым), что она была распространена на севере России и первоначально значила: «житель с реки Онега». Перепись 1897 года зарегистрировала в Архангельской губернии 117 Онегиных в Холмогорском уезде и 9 — в Онежском. Большинство из них были лесорубами или сплавщиками леса. Пушкин для героя своего романа в стихах мог взять готовую фамилию или создать ее по законам русского языка.

Используя реальную «северную» фамилию Онегин, Пушкин мог подчеркнуть суровость Евгения, его холодное сердце, трезвый, слишком рассудочный ум. Представим себе на минуту, что у Евгения была бы другая фамилия... Кажется, ну и что же — ничего особенного, суть романа осталась бы. Да, вероятно, осталась бы, но кое-

что существенное было бы другим, и прежде всего в чем-то изменилось бы наше восприятие романа. Наверняка менее образно воспринимались бы строки: «...рано чувства в нем остыли; Ему наскучил света шум»; «Ничто не трогало его, Не замечал он ничего»; «Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой» и т. п.

В то же время некоторых исследователей ассоциация с рекой Онегой не устраивает. Существует мнение, что фамилия Онегин должна была быть, по замыслу Пушкина, более говорящей, должна была вызвать более обязательные ассоциации. И тут на сцену выплывает весьма сомнительная версия о французском происхождении фамилии, точнее говоря, версия о том, что Пушкин при ее создании использовал два французских корня, а именно ennui и neg, прибавив к ним русский суффикс *-ин*. Авторы этой версии считают, что Пушкин в тексте романа умышленно не использовал французское слово ennui, но привел их эквиваленты — русское «хандра» и английское «сплин». Вот что писал в журнале «В мире книг» А. Тархов: «Пушкин приберег «ennui» для иного назначения — он «включил» его в фамилию героя!» Далее можно прочитать: «...от соединения двух корней рождается «словесная эмблема» героя аню + нег + (ин) = Анегин, что в переводе на русский язык означает «скучающий отрицатель», и в этом случае, продолжает А. Тархов, «сама судьба Евгения Онегина скрыта в его имени!»

Как можно отнестись к этой гипотезе? Мягко говоря, в ней слишком много натяжек. Во-первых, французское слово ennui (означающее «скука») никогда, ни при каких условиях не может звучать как «аню»: произносить его так — значит безбожно коверкать французский язык, владеть им примерно в той же степени, как госпожа Бальзаминова в известной пьесе А. Н. Островского. Пушкин принадлежал к иному кругу, в котором говорили на правильном, литературном французском языке, свободно заменяя им русский. Во-вторых, механическое сложение корней «аню» и «нег» («отрицание») никогда не даст в сумме «Онегин»: либо от первого корня останется одно А, к тому же превратившееся в О, либо от второго корня (при ссылке на редукцию гласной) останется одно Г. Но это отнюдь не смущает автора гипотезы...

Следует подчеркнуть и другое. Вряд ли справедливо считать, что поэт действительно «приберегал» французский синоним слова *хандра* для включения его в состав фамилии героя. Откройте словарь языка Пушкина: в нем вы не найдете слова ennui (ни в его правильном, ни в искаженном звучании), но зато найдете слово *сплин*, оно встречается несколько раз в самом «Евгении Онегине», а также в статьях и — что особенно важно — в письмах поэта.

Но главное другое. Метод «расшифровки» фамилий литературных персонажей, подобный тому, что использовал А. Тархов в работе с антропонимом Онегин, может нас завести весьма далеко. Что будет, если мы будем применять его ко всем персонажам русской литературы, игнорируя словарь того или иного писателя, законы системы языка и ориентируясь на все множество языков мира? С той же мерой успеха можно объяснить фамилию Онегин, например, на материале английского языка, как наглядно продемонстрировал на страницах газеты «Литературная Россия» литературовед А. Чижов — оппонент А. Тархова. Не верите? Пожалуйста. Листая англо-русский словарь, вполне просто можно подобрать соответствующие созвучия: on + against = Онегин (весьма приблизительно, но дух «противоречия», «отрицания» выражен как «на», «против»). Или другой вариант: one + again = Онегин («один», «опять»). Думается, что подобные изыскания могут быть продолжены практически по любому словарю — хоть по японско-русскому или по арабско-русскому.

Конечно, Пушкин дал своему герою фамилию Онегин не случайно. К такому выводу склоняются многие исследователи, имея достаточные к тому основания. И одно из них — необыкновенная благозвучность сочетания имени и фамилии — Евгений Онегин. В обоих этих словах совпадает количество слогов, одна и та же гласная Е несет на себе ударение, обратный повтор «ген» — «нег» обладает мелодичностью. В этом словосочетании дважды повторяются звуки И и Г, трижды — Е и Н. А ведь надо сказать, что благозвучие слов, имен, названий играло для Пушкина не последнюю роль. Вспомним, что об имени Татьяны, впервые упоминая о нем в романе, поэт говорит, что «оно приятно, звучно». Этот же довод Пушкин почти дословно повторяет в «Медном всаднике», где он знакомит нас еще с одним

Евгением: «Мы будем нашего героя Звать этим именем. Оно Звучит приятно; с ним давно Мое перо к тому же дружно». На это обращает наше внимание А. Чижов.

«Говорящих» имен в нашей литературе много. Некоторые из них более «прозрачны» (вспомните героев Фонвизина, Грибоедова, некоторых героев Островского, Салтыкова-Щедрина, а у последнего — даже географические названия), другие менее явны, менее прямолинейны в своем значении, в своей мотивированности (это относится ко многим героям Толстого, Достоевского, Некрасова, Тургенева). Они «говорят» не прямо, а косвенно, согласуясь с эпохой, определенными социальными понятиями, кругами, перекликаясь с конкретными реалиями — людьми, городами и т. п.

Анализ истоков собственных имен, используемых тем или иным писателем,— прелюбопытнейшее занятие. И всегда он дает прекрасный материал для научно-популярных заметок. Причем материал этот настолько обилен, что иногда даже трудно отобрать что-то наиболее интересное. На чем остановить выбор? Быть может, на творчестве А. Н. Островского? Обратите внимание, какая тонкая и реалистичная внутренняя форма у фамилии Бальзаминов: бальзамин — комнатное растение. Фамилия Бальзаминов весьма подходит герою пьесы, поскольку он — «цветок» мещанства, олицетворение мещанских идеалов, выражающихся в мечтах о богатой невесте, голубом плаще на черной подкладке, о «серой лошади и беговых дрожках».

Или же обратиться к творчеству Ф. М. Достоевского? Этот писатель весьма чутко реагировал на звуковой и смысловой характер имен. В одном из эпизодов романа «Братья Карамазовы» штабс-капитанша Снегирева, здороваясь с Алешей Карамазовым, вряд ли случайно (для писателя) делает ошибку, называя его Черномазовым. *Кара* в языках тюркских народов означает «черный». Достоевский, вероятно, слышал это слово от казахов в Семипалатинске. Всех Карамазовых, утверждает филолог С. В. Белов, объединяет темное, черное начало, Карамазовы — черные люди, в них стихийная сила богатой, плодородной черноземной земли.

Обратимся теперь к произведениям нашего современника, выдающегося советского писателя Шолохова. Его роман «Тихий Дон» буквально наполнен именами собственными, это топонимы и микротопонимы, антропо-

нимы, зоонимы. Чего стоит только одна тщательно отработанная автором антропонимия «Тихого Дона»! Подлинная народность языка романа заключается и в использовании метких прозвищ, бытующих на Дону. Они отражают реальную картину жизни, и в этом состоит их большая познавательная ценность. Мелеховы имеют уличное прозвище Турки, самого Григория в детстве ребятишки дразнили Гришка-левша. Персонаж, страдающий дефектом речи, получил в хуторе Татарском прозвище Цаца — Атепин-Цаца. Казак Синилин за свое вранье, постоянные россказни получает от односельчан прозвище Брех, а сына его кличут Бреховичем... Что же касается фамилий в «Тихом Доне», то анализ архивных документов 1917 года по Верхне-Донскому району Ростовской области показал, что в романе представлены реальные фамилии казаков того района, где жили герои произведения. В этих документах мы находим такие знакомые нам фамилии, как Мелехов, Коршунов, Каргин, Крамсков, Мрыхин, Бесхлебнов... Это, как и указывал сам М. Шолохов, не были прототипы романа. Но писатель заимствовал из жизни богатый языковой материал, в частности имена собственные. Параллельно с этим Шолохов успешно использовал такое важное художественное средство, как соответствие фамилий образам героев (вспомните хотя бы богатеев, эксплуататоров в хуторе Татарском — Моховых и Коршуновых).

А вот книги другого писателя, которые, не сомневаюсь, любимы многими. Александр Грин, мечтатель и реалист, создал в своих рассказах, повестях целый мир названий и имен, подробно исследованный С. И. Зининым.

Действительно, фантазия писателя создала особую страну. Еще в тридцатые годы литературовед К. Зелинский дал ей удачное наименование — Гринландия. Причем сам писатель верил в существование этой страны, прекрасно знал ее географию. Если вы были в доме-музее Александра Грина в Крыму, то наверняка обратили внимание на карту Гринландии, которая там выставлена. Ее составили художники по рассказам и повестям А. Грина. Многие современники в своих воспоминаниях неоднократно рассказывали, что Грин совершенно свободно мог рассказывать об этом мире, причем со всеми географическими точностями. Вот отрывок из записок «Беллетрист Грин» Э. Арнольди:

«Однажды, когда я высказал какие-то сомнения по

поводу способности Грина представить себе воображаемую страну в одном и том же виде, он вдруг резко повернулся ко мне... и очень серьезным тоном сказал:

— Хочешь, я тебе сейчас расскажу, как пройти из Зурбагана в...— и он назвал какое-то место, знакомое по его произведениям, не помню, какое именно.

И Грин стал спокойно, не спеша, объяснять мне, как объясняют хорошо знакомую дорогу другому, собирающемуся по ней пойти. Он упоминал о поворотах, подъемах, развилках, указывал на ориентирующие предметы, вроде группы деревьев, бросающихся в глаза строений и т. п.».

Э. Арнольди, конечно же, был поражен. А Грин добавил: «Можешь когда угодно спросить меня еще раз, и я снова расскажу тебе то же самое!» Действительно, через какое-то время писатель повторил рассказ, и без единой ошибки. Вероятно, у Александра Грина было очень развито воображение. Результат же его художественного вымысла с живостью запечатлевался в памяти, становился частью целого внутреннего мира.

Разумеется, необычная страна не могла быть населена людьми с обычными, привычными читателям именами. Так на страницах произведений Грина появляются Нок и Гелли, Керн и Женжиль, Молли Варрен. И конечно же — Ассоль...

Иногда приходится слышать, что в антропонимии Гринландии практически отражена английская система личных имен. Нет, это не так. Писатель создал в основном свою собственную антропонимическую систему, которая существовала только в его воображении. Но при этом, разумеется, он не мог пойти против правил языка. Поэтому имена героев гриновских книг созданы с учетом известных писателю и реально существующих антропонимических систем — русской, английской, немецкой, испанской, финской и других.

Вряд ли в небольшом очерке можно разобрать хотя бы десяток имен героев книг Грина. Но нельзя не упомянуть о некоторых из них. При этом следует хорошо помнить, что за странными именами стоит реальность, что в описываемых писателем фактах есть больше истины, чем выдумки. Тот же Э. Арнольди писал: «Меня поражало, что герои Грина, носившие несуществующие, но несомненно иностранные имена, были не такие, как герои известных мне зарубежных авторов. Несмотря на

экзотичность, в них было что-то смутное, но явственно ощутимое русское. За Гнорами, Нокамн, Медирами нередко скрывались какие-то свои, знакомые и понятные люди, в которых просвечивались черты Иванов, Васильев. Особенно часто они напоминали русских интеллигентов на рубеже XIX и XX веков».

Имена, созданные А. Грином, очень трудно, а иногда и невозможно этимологизировать традиционными методами. Почему? Потому что писатель, создавая то или иное имя, уделял очень мало внимания значению, которое имела его основа, нарицательное слово, из которого имя образовывалось. Вся эмоционально-экспрессивная нагрузка имени ложилась на звучание, а это для русской антропонимии необычно. Кстати говоря, сам Грин как бы предупредил нас в одном из рассказов, что устанавливать точное значение употребляемых им имен, названий — задача бессмысленная. В рассказе «Синий каскад Теллури» есть такие строки:

«— Теллури,— повторил Рег,— я не знаю такого слова.

— Да, вы не переведете его... Таймон запомнил это слово в глубине Африки. Значение его неизвестно. Анализ минеральной воды, о которой идет речь, показал присутствие в ее составе неизвестного элемента. Темное слово и темное вещество почему-то стали нераздельны в воображении Таймона. «Пусть будет Теллури»,— сказал он. Я не имел причины протестовать».

Конечно, на страницах книг Александра Грина можно встретить и такие имена, которые можно назвать более или менее обычными. Это исторически реальные имена (например, капитан Брамс в «Отравленном острове»), имена из литературных источников (например, красавица Кармен в «Жизни Гнора») и другие. Однако большинство гриновских имен все-таки составляют те, где на первое место выходит звучание. Одним из ярких примеров таких имен может стать Ассоль. У каждого из нас, читавших «Алые паруса», вероятно, существует свой образ этой милой девушки, которой выпало в жизни счастье любить и быть любимой честным, добрым, преданным человеком. Этот образ всякий раз возникает в памяти, как только мы слышим имя Ассоль. Вот что писала о нем жена писателя Н. Н. Грин:

«Для Александра Степановича в имени человека было важно музыкальное ощущение. В придуманном,

необычно звучащем имени для него всегда таится внутренний образ человека. Этимология знаменитого имени Ассоль (от испанского al sol, para el sol — «к солнцу») мало кому известна и фонетически «смазана» — смысл первоисточника целиком поглощен здесь «странным, однотонным, музыкальным, как свист стрелы или шум морской раковины звучанием».

Имя Ассоль писателю полюбилось рано. Первый раз героиню с таким именем мы встречаем в рассказе «Вокруг света», написанном в 1916 году. Мы еще не знаем, как она выглядит, но уже чувствуем прекрасные черты, близкие романтику Александру Грину. В 1917 году появляется другой рассказ — «Враги». Его героиня также носит имя Ассоль. Здесь автор обращает наше внимание на «замкнутую грусть», на «улыбку потрясающей радости, которая временами озаряла лицо и глаза, в которых выражалось детское недоразумение». Узнаете? А потом возникла Ассоль из повести «Алые паруса». Как пишет советский языковед С. И. Зинин, имя, которое привлекло писателя своей музыкальностью и необычностью, постепенно начинает у него ассоциироваться с образом верной любящей жены, умеющей сделать близкого человека счастливым,— Ассоль.

НЕОБЫЧНАЯ ЭКСКУРСИЯ В КРЕМЛЬ

Каждому жителю нашей страны дорого слово *Кремль*. Кремль — не просто историческое ядро Москвы. С этой древней крепостью связаны многие яркие события истории столицы, истории России, истории Советского государства. Здесь работал и жил Владимир Ильич Ленин. В наши дни в Кремле работает Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР — высшие органы законодательной и исполнительной власти Советского Союза. В Кремле проходят съезды КПСС. Кремль дорог нам и как целый комплекс величайших памятников архитектуры, как драгоценная сокровищница нашего народа. Его величественный вид заставляет даже привыкших к силуэту Кремля и вечно спешащих москвичей замедлить шаг, с гордостью и радостью сердца окинуть взглядом его стены, башни, соборы.

В Кремле можно встретить туристов не только со всех концов нашей Родины, но и из самых разных стран и континентов. Давайте и мы с вами совершим

экскурсию в Кремль, но не обычную, а ономастическую — познакомимся с теми древними и образными, необычными и памятными названиями, именами, наименованиями, которых здесь так много. Попробуем припомнить известные факты из истории и культуры страны, взглянув на них через призму названий...

Сейчас Кремль — единое целое с точки зрения структуры историко-архитектурного комплекса. В нем нет стольких улиц, как раньше, но есть две площади — Соборная и Ивановская, а также Спасская, Никольская, Коммунистическая (бывш. Дворцовая) улицы.

Соборная площадь — центральная площадь Кремля. В древности к ней сходились от кремлевских ворот главные улицы города-крепости. Своим названием она обязана тому, что ее украшают выдающиеся памятники древнерусского зодчества, знаменитые кремлевские соборы: Успенский, Благовещенский и Архангельский, а также собор Двенадцать апостолов, церковь Ризположения и другие памятники.

За огромным восьмигранным столпом Ивана Великого со звонницей к востоку от него широко раскинулась Ивановская площадь. Свое назначение она получила, вероятно, в самом начале XVI века, когда зодчий Фрязин выстроил храм-колокольню Иван Великий, на месте которого позже был возведен храм в его современном виде.

Почему Иван, почему Великий?

Когда-то на этом месте стояла небольшая каменная церковь, построенная при Иване Калите и носившая название Иоанна Лествичника иже под колоколы. Первая часть этого названия и стала названием новой церкви. Сама же церквушка была включена в состав нового храма. Сейчас под самым куполом его вы можете прочитать надпись, выведенную рельефными буквами метровой величины: она гласит о том, что «храм совершен и позлащен» в 1600 году, при Борисе Годунове. Вторая половина названия — Великий — объясняется грандиозными, по представлениям наших предков, размерами этого сооружения: высота с крестом около 81 метра, диаметр главы — 9 метров. Кстати, «иже под колоколы» являлось обозначением древнего типа храмов, когда на массивный куб ставилась глава, служившая помещением для колоколов (так что называть Ивана Великого колокольней — неверно).

В XVII веке Ивановская площадь в Кремле была чрезвычайно оживленным местом. У зданий многочисленных приказов всегда были видны толпы народа, челобитчиков. По некоторым делам приказов на Ивановской площади делались своеобразные устные «публикации»: подъячие громко выкрикивали, читали постановления или оповещения собравшимся москвичам. Принято считать, что именно отсюда родилась поговорка «кричать во всю Ивановскую» (хотя существуют и другие версии о ее происхождении).

Немало ценной и интересной информации несут в себе из далеких веков названия башен Кремля, многие из которых кажутся непонятными или таинственными. Вспомним о некоторых, наиболее известных.

Боровицкие ворота и башня находятся в том месте, откуда пошла вся Москва — в устье реки Неглинной. Обычно считают, что наименование Боровицкие, Боровицкая образовано от слова *бор* — «хвойный, преимущественно сосновый лес». Действительно, когда-то на всем холме, где была сооружена древняя московская крепость, и в его окрестностях шумел сосновый бор. Об этом свидетельствуют названия церквей, находившихся в Кремле: церковь Спаса на бору, Иоанна Предтечи под бором и др. Но если бы это было так, то ворота и площадь перед воротами назывались бы не Боровицкими, а Боровыми или Боровскими, как была названа в начале XIX века улица Боровая в восточной части Москвы, поскольку это и соответствует правилам русского языка. Название же Боровицкие могло быть образовано только от слова *боровица*. Это редкое слово когда-то существовало в русском языке и значило «небольшой бор, сосновая роща», аналогично ему слово *дубровица* — «небольшая дубовая роща». Оба они в настоящее время сохранились только в составе названий: село Боровицы (Кировская область), Дубровицы (бывшая усадьба под Москвой), Боровицкие ворота, а по ним — Боровицкая площадь. Правда, возможно и иное объяснение: *боровицей* во многих русских говорах называют различные растения, в частности растение типа вереска. Тогда Боровицкие ворота — это ворота, находящиеся там, где растет боровица.

Старое название башни и ворот дошло до нас даже несмотря на царский указ, запрещавший именовать ее Боровицкой: 16 апреля 1658 года царь Алексей Михайло-

вич повелел назвать Боровицкие ворота Предтеченскими по церкви Рождества Предтечи. Иногда Боровицкая башня упоминается как Чертольская, так как она находилась поблизости от урочища Чертолье, где было много оврагов и буераков.

Название Троицкой башни (ее вы минуете, идя ко Дворцу съездов) известно с 1658 года. Оно было дано по Троицкому подворью, которое располагалось поблизости на территории Кремля. За долгие годы истории Троицкая башня называлась по-разному: Богоявленская, Знаменская (по храмам) и еще несколькими названиями. Подходы к ней с северо-запада и ее Троицкому мосту через реку Неглинную были защищены Кутафьей башней. Тайна ее названия еще не раскрыта, хотя существует несколько гипотез и предположений. По одному из них, наименование башни Кутафья исторически связывается со словом *кут* — «угол». Но это толкование не совсем убедительно, и в основном потому, что объясняет не все слово-название, а лишь первую его половину. В русских народных говорах слово *кутафья* было довольно употребительно, кое-где оно известно и сейчас. В одних (вологодских, псковских, владимирских) его употребляют по отношению к сильно закутавшейся женщине, в других (олонецких) этим словом называют неповоротливую или небрежно одетую женщину. Возможно, что Кутафья башня и получила свое название по внешнему виду: не высокая, как все, а приземистая, широкая в основании.

В центре той части стены Кремля, что граничит с Красной площадью, поднимается Сенатская башня. Она расположена за Мавзолеем В. И. Ленина. Позади башни — здание Совета Министров СССР, бывшее здание Сената. Поблизости возвышается и самая известная башня Кремля — Спасская, с одноименными воротами. Первоначальное ее название — Фроловская. Оно было дано по расположенной неподалеку церкви Фрола и Лавра. С 1658 года башня называется Спасской; этим наименованием она обязана иконе Спаса, установленной на ней со стороны Кремля.

С фамилией реального исторического лица связано название угловой Беклемишевской башни — со стороны Кремля к ней примыкал двор боярина Берсеня Беклемишева. Боярину Беклемишеву в XVI веке государь Василий Иванович повелел срубить голову «за высоко-

умне», а двор боярина стал царской собственностью; из него сделали тюрьму — так же, кстати говоря, как и из башни. Беклемишевскую башню называли еще и Москворецкой из-за близости к Москве-реке и Москворецкому мосту.

Полностью оправдывает свое необычное наименование Тайницкая башня, обращенная к набережной Москвы-реки. Ранее существовали и Тайницкие ворота. Эти названия идут из древности: на случай осады в башне был устроен потайной выход из крепости, а также помещался тайник-колодец; кроме этого, ворота в башне именовались также Водяными (поскольку вели к реке) и Чешковыми (потому что рядом с ними в XV веке находился двор князя Даниила Галицкого-Чешки). По башне назван и Тайницкий сад в Кремле.

Неподалеку от Тайницкого сада расположено большое белое здание, которое соединяется галереей с Большим Кремлевским дворцом. Это — Оружейная палата, уникальная сокровищница произведений декоративного и прикладного искусства. Ее здание было построено всего немногим более ста лет назад, но название относится к XVI веку.

Со времени Ивана III, женившегося на византийской царевне, заметно возросла пышность московского двора. Этому во многом способствовали приехавшие в Москву искусные мастера-иноземцы — греки и итальянцы. В 1511 году великий князь Василий III повелел учредить особую Оружничью палату. Поскольку в ней изготовляли не только боевое, но и парадное оружие, то требовались помимо оружейников мастера-художники: резчики по металлу, кости и дереву, чеканщики, золотых дел мастера, золотошвейки и т. д. По этой причине Оружничья палата разрослась в сложный Оружейный приказ, концентрировавший в себе разнообразные ремесла. Специалисты каждого из них занимали особую палату (Мастерская, Золотая, Оружейная и т. д.), однако общее управление всеми работами по-прежнему осуществлялось Оружейным приказом. Он также помещался в отдельной палате, поэтому-то обычно ее и называли Оружейной палатой. Так при московском дворе сложилась единственная в своем роде академия художеств, обслуживавшая царские нужды. С течением времени Оружейная палата превратилась в музей, получивший особую известность только в годы Советской власти.

Многие из экспонатов Оружейной палаты уникальны, имеют огромную историческую, художественную и культурную ценность. Поэтому не случайно некоторые из этих предметов исторически получили определенные собственные имена. Вот легендарная шапка Мономаха — знаменитый венец русских царей. Часто посетители Оружейной палаты, воочию увидевшие шапку Мономаха, интересуются, откуда пошло прозвище князя Владимира, давшего начало роду Мономашичей, к которому принадлежали и московские великие князья.

Сам Владимир о своем происхождении так писал в известном «Поучении»: «Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы (т. е. матерью из рода Мономахов)...» То, что князь носил двойное имя, было не удивительно, поскольку не прошло еще и ста лет со времени принятия христианства. Матерью князя Владимира была княгиня Анна — дочь византийского императора Константина Мономаха. Ее брак с русским князем Всеволодом был не только одним из условий мирного договора с Русью. Он придавал несколько иной характер заключенному соглашению: военная контрибуция превращалась в приданое. Таким образом в состав военной добычи русских попало имя византийского императора, которому было суждено пройти через века русской истории и превратиться в одно из идеологических обоснований самодержавной власти московских царей (родилась легенда о передаче византийскими императорами русским князьям прерогатив императорской власти).

Следует отметить, что прозвище Мономах вполне подходило для византийского базилевса. В переводе с греческого оно означает «единоборствующий, единоборец». Оправдал его и внук императора Константина Мономаха — Владимир, который почти всю жизнь провел в походах и борьбе как бы на два фронта: со степняками, половцами и с двоюродными братьями-князьями за киевский великокняжеский стол. Шапка Мономаха представляет собой золотой филигранный остроконечный головной убор среднеазиатской работы XIV века с собольей опушкой, украшенный драгоценными камнями и крестом.

В Кремле постоянно развернута и выставка «Алмаз-

ный фонд СССР». Этот фонд был образован в 1922 году. Почти все особенно крупные алмазы, бриллианты, редкие драгоценные камни, самородки, выставленные в его экспозиции, имеют свои имена. Этим подчеркивается их редкость, их необычные размеры, их особая ценность: драгоценности бывшего царского двора алмазы «Орлов», «Шах» и другие, наиболее крупные советские алмазы «Мария», «Северное сияние», «Злата Прага», «Октябрьский», «Валентина Терешкова», «Великий почин», «Прогресс», «Покоренный Вилюй», самородки золота и платины «Большой треугольник» (36 килограммов), «Голова лошади» (14 килограммов), «Заячьи уши» и др. Многие из них имеют необычную историю. Так, алмаз «Шах» своим названием отражает местный колорит региона, где он был найден и находился до 1829 года. Но более известен он печальной причиной своего появления в России. В 1829 году принц Хосрев-Мирза, участник заговора фанатиков, убил русского посла в Персии, автора бессмертной комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Тогда же алмаз «Шах» был прислан в «искупление» жестокого убийства...

Новые времена — новые названия. Более четверти века назад в июньские дни 1955 года геологи «закурили» кимберлитовую трубку мира на якутской земле (Якутия — родина советских алмазов). Одним из первооткрывателей алмазоносной провинции был Михаил Михайлович Одинцов. В июне 1980 года из Якутска пришло сообщение: на обогатительной фабрике объединения «Якуталмаз» найден один из крупнейших в СССР кристаллов в 119 каратов. Новому алмазу присвоено имя «Профессор Одинцов».

Каждому из нас с детства непременно известны два названия предметов искусства и ремесла наших предков, также находящихся в Кремле. У подножия Ивана Великого на каменном постаменте установлен Царь-колокол. Он полностью оправдывает свое наименование, поскольку это самый большой в мире колокол: высота его более 6 метров, вес — свыше 200 тонн, диаметр — 6,6 метра. Царь-колокол отлит в Кремле в 1733—1735 годах Иваном Моториным и сыном его Михаилом.

Вполне соответствует своему имени и Царь-пушка, расположенная здесь же. Это чудо техники XVI века обладает весом в 40 тонн. Однако, говоря о мотивировке названия Царь-пушки, не будем забывать, что на ней

помещено изображение царя Федора Иоанновича, на коне и в воинском уборе... Ряд собственных наименований имеют и некоторые старинные орудия, находящиеся рядом с Арсеналом — Лев, Гамаюн (на этой пушке изображена сказочная птица).

Интересные и старинные наименования имеет немало архитектурных построек в Кремле. Так, например, на западную сторону Соборной площади выходит Грановитая палата. Это древнейшее из дошедших до нас гражданских зданий Москвы. Его построили в 1487—1491 годах архитекторы-итальянцы Марк Фрязин и Пьетро Антонио Солари. Площадь этого дворцового тронного зала около 500 квадратных метров. Здесь проходили самые торжественные и многолюдные приемы, заседали земские соборы. Здесь Иван Грозный отмечал победу. Ныне в древней Грановитой палате заседает Совет Старейшин Верховного Совета СССР, устраиваются правительственные приемы. Однако название здания было связано не с его назначением, а с внешним видом. Восточный фасад Грановитой палаты обработан в технике «руста» — граненым камнем, отсюда и название Грановитая. Не зря восхищался летописец: «Есть полата именуема Грановита, велика и высока, близъ соборныя великия церкви предивнымъ мастерствомъ устроена, изъ бѣлово камени тесаны грани аки чешуя».

Величавы и справедливы по смыслу прекрасные строки о Кремле, принадлежащие перу М. Ю. Лермонтова:

> ...И каждый камень твой —
> Заветное преданье поколений.

По-видимому, у нас есть все основания использовать эту прекрасную метафору поэта применительно и к кремлевским названиям, к тем богатым россыпям собственных имен, которые можно встретить на территории Кремля, где воедино слились история и современность.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Если наше небольшое путешествие в мир имен и названий вызвало у вас интерес к этим необычным словам, если вас заинтересовали загадки языка, связанные с ономастикой, и пути, по которым идут ученые-лингвисты в их решении, я возьму на себя смелость рекомендовать вам обратиться к дополнительной научно-популярной и специальной литературе. Списки книг, статей, брошюр, которые приводятся ниже, разумеется, не являются исчерпывающими. В этом нет необходимости. Во-первых, потому что знакомство с рекомендуемой литературой позволит вам далее самостоятельно ориентироваться в проблемах ономастики и самостоятельно избирать другие книги и статьи. Во-вторых, потому что в нашем распоряжении есть два подробных библиографических указателя по ономастике, подготовленных сотрудниками Института научной информации по общественным наукам АН СССР и Института языкознания АН СССР и содержащих информацию о публикациях в СССР:

Ономастика. Указатель литературы. 1963—1970. М., ИНИОН АН СССР, 1976;

Ономастика. Указатель литературы. 1971—1975. М., ИНИОН АН СССР, 1978.

В связи с этим представляется разумным разделить список литературы, рекомендуемой читателю, уже познакомившемуся с книгой «В мире имен и названий» на три части.

Издания справочного характера

Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. *Иностранные имена и названия в русском тексте.* Справочник. М., Международные отношения, 1978.

Масанов И. Ф. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей.* Т. 1. М., 1941. Т. 2—3. М., 1949.

Морошкин М. Я. *Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке.* СПб., 1867.

Никонов В. А. *Краткий топонимический словарь.* М., Мысль, 1966.

Петровский Н. А. *Словарь русских личных имен.* М., Советская энциклопедия, 1966.

Подольская Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии.* М., Наука, 1978.

Словарь названий жителей (РСФСР). М., Советская энциклопедия, 1964.

Справочник личных имен народов РСФСР. М., Русский язык, 1979.

Тупиков Н. М. *Словарь древнерусских личных собственных имен.* СПб., 1903.

Издания научно-популярного характера

Их не так много, однако эти книги отличаются друг от друга как широтой охвата материала, проблематики, так и научным уровнем, на котором они написаны.

Введенская Л. А., Колесников Н. П. *От собственных имен к нарицательным.* М., Просвещение, 1981.

Горбачевич К. С. *Русские географические названия.* М.— Л., Наука, 1965.

Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. *По городам и весям «Золотого кольца».* М., Мысль, 1983.

Дмитриев В. Г. *Скрывшие свое имя (из истории анонимов и псевдонимов).* М., Наука, 1980.

Карпенко Ю. А. *Названия звездного неба.* М., Наука, 1981.

Матвеев А. К. *Неройки караулят Урал.* Путешествие в топонимию. Свердловск, 1976.

Мокиенко В. М. *В глубь поговорки.* М., Просвещение, 1975.

Мурзаев Э. М. *Очерки топонимики.* М., Мысль, 1974.

Мурзаев Э. М. *География в названиях.* М., Наука, 1982.

Никонов В. А. *Введение в топонимику.* М., Наука, 1965.

Никонов В. А. *Имя и общество.* М., Наука, 1974.

Полякова Е. Н. *Из истории русских имен и фамилий.* М., Просвещение, 1975.

Поспелов Е. М. *Топонимика в школьной географии.* М., Просвещение, 1981.

Попов А. И. *Географические названия.* (Введение в топонимику). М.— Л., Наука, 1965.

Сергеев И. В. *Тайна географических названий.* М., Детгиз, 1963.

Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. *Топонимия Москвы.* М., Наука, 1982.

Суперанская А. В., Суслова А. В. *Современные русские фамилии.* М., Наука, 1981.

Суслова А. В., Суперанская А. В. *О русских именах.* Л., 1978.

Успенский Л. В. *Слово о словах. Ты и твое имя.* Л., 1962.

Успенский Л. В. *Имя дома твоего.* Очерки по топонимике. Л., Детгиз, 1967.

Успенский Л. В. *Загадки топонимики.* М., Молодая гвардия, 1973.
Щетинин Л. М. *Слова, имена, вещи.* Ростов-на-Дону, 1966.
Щетинин Л. М. *Русские имена.* Ростов-на-Дону, 1975.

Издания специального характера

Пожалуй, это наиболее трудный для составления раздел в списке рекомендуемой литературы. Поэтому, еще раз отсылая читателя к уже упомянутым библиографическим спискам ИНИОН АН СССР, назову лишь единицы из тысяч специальных статей и книг, которые либо касаются каких-то наиболее общих вопросов, либо оригинальны по научному подходу, либо наглядно показывают, каких успехов достигла советская ономастика:

Агеева Р. А. *Топонимия как источник изучения истории заселения края.*— В кн.: *Топонимика на службе географии.* М., Мысль, 1979.
Баскаков Н. А. *Русские фамилии тюркского происхождения.* М., Наука, 1979.
Белецкий А. А. *Лексикология и теория языкознания.* (Ономастика). Киев, 1972.
Болотов В. И. *К вопросу о значении имен собственных.*— В кн.: *Восточнославянская ономастика.* Исследования и материалы. М., Наука, 1979.
Горбаневский М. В. *Основной принцип номинации в русских названиях населенных пунктов.*— Филологические науки, 1982, № 1.
Зинин С. И. *Введение в русскую антропонимию.* Ташкент, 1972.
Кондратьева Т. Н. *Собственные имена в русском эпосе.* Казань, 1967.
Лопатин В. В. *Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке.*— В кн: *Ономастика и грамматика.* М., Наука, 1981.
Магазаник Э. Б. *Ономапоэтика или «говорящие имена» в литературе.* Ташкент, 1978.
Михайлов В. Н. *Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе.* Луцк, 1965.
Мокиенко В. М. *О собственном имени в составе фразеологии.*— В кн.: *Перспективы развития славянской ономастики.* М., Наука, 1980.
Поспелов Е. М. *Топонимика и картография.* М., Мысль, 1971.
Селищев А. М. *Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ.*— В кн.: *Избранные труды.* М., Просвещение, 1968.
Селищев А. М. *Из старой и новой топонимии.*— В кн.: *Избранные труды.* М., Просвещение, 1968.
Суперанская А. В. *Общая теория имени собственного.* М., Наука, 1973.
Суперанская А. В. *Структура имени собственного.* Фонология и морфология. М., Наука, 1969.
Толстой Н. И. *Славянская географическая терминология.* Семасиологические этюды. М., Наука, 1969.
Успенский Б. А. *Из истории русских канонических имен.* М., МГУ, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаил Викторович ГОРБАНЕВСКИЙ

В МИРЕ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Главный отраслевой редактор *В. П. Демьянов*
Редактор *Н. Ф. Яснопольский*
Мл. редактор *Н. А. Львова*
Художник *В. И. Пантелеев*
Худож. редактор *М. А. Гусева*
Техн. редактор *Н. В. Лбова*
Корректор *В. Е. Калинина*

ИБ № 5678

Сдано в набор 09.08.82. Подписано к печати 07.04.83. А 05543. Формат бумаги 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,40. Уч.-изд. л. 10,54. Тираж 100 000 экз. Заказ 2—2084. Цена 35 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 837710.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

35 к.

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Горбаневский Михаил Викторович – кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего языкознания Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Его научные интересы лежат в области теории языка, русской и зарубежной ономастики, истории культуры, археологии, географии.

Автор более тридцати научных статей. Постоянно работает в научно-популярной литературе, публикуя статьи, заметки в журналах и газетах – более сорока публикаций. Действительный член Географического общества при АН СССР.